

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Kirra Mo

Восхождение элементалей

«Автор»

2026

Мо К.

Восхождение элементарей / К. Мо — «Автор», 2026

Древняя книга знаний молчит. Её страницы ждут того, кто сможет их прочесть. Но ключ к ней спрятан не в заклинаниях, а в судьбах шестерых магов, чьи жизни переплелись волей богов. Их преследуют, за ними охотятся, а часы тикают всё громче: у них есть ровно год, чтобы овладеть магией, найти пропавшего седьмого мага и разгадать тайну гримуара с пустыми страницами. Их судьбы сплетены самими богами, и теперь они — инструменты в большой игре. Дворцовый переворот стал их первым шагом в бездну. Сделка с богом времени — вторым. А теперь они стоят у порога древней ведьмы, зная: только она подскажет, как открыть колдовскую книгу знаний, в которой спрятан секрет магии Ивей. Но книга не отдаёт свои тайны просто так. И чем ближе они к разгадке, тем яснее понимают: боги не спасают — они используют.

© Мо К., 2026

© Автор, 2026

Kirra Mo

Восхождение элементарей

Пролог:

Солнце давно скрылось за горизонтом, но отголоски праздника Намгана, полные смеха и радостных криков, всё ещё витали в воздухе. Празднование было в полном разгаре, и никто не спешил расходиться, ожидая момента единения луны и солнца. Когда закатное солнце вновь появится, оно дарует свою благосклонность всем, кто в ней нуждается. Такое событие бывает всего раз в жизни.

«Что я делаю? Зачем я послушала этих дур и согласилась пойти в лес с этим чудаком?»

В самом сердце леса, недалеко от радостной поляны, парень, словно тень, продирался сквозь ветви, ведя за собой девушку. Казалось, он искал укрытие от любопытных глаз среди деревьев. Крепко держа её за руку, он уверенно вёл её вперёд, не оглядываясь.

Она безропотно следовала за ним, опустив глаза. Небольшого роста, хрупкая, словно статуэтка из фарфора. Тонкая фигура с едва наметившейся грудью и округлыми бёдрами. Её бело-снежные волосы, взлохмаченные после вечерних танцев, струились вокруг нежной фигуры, ниспадая до самых ягодич.

Изящные черты лица, прямой, немного вздёрнутый нос, ярко-красные губы, искусанные до крови в тревожном предчувствии. Лазурные глаза беспокойно скользили по сторонам, выискивая пути к побегу, малейший знак судьбы, который дал бы понять, что она совершает серьёзную ошибку.

«Ради чего я это делаю?»

Всего полтора часа назад она танцевала и пила с девчонками на поляне. Как же глупо было жаловаться на судьбу! Дескать, родители одарённые, а она обделена — даже простенькое заклинание не даётся, вот и прозябает травницей в этой глуши. И как чёрт дёрнул Анику вспомнить бабкины сказки!

Будто бы дар можно пробудить, не дожидаясь, пока он сам соизволит явиться. Мол, есть два верных способа: сильный эмоциональный всплеск или нахождение на грани жизни и смерти. И вот, изрядно опьянев, она, уперев руки в бока, вдруг заявила, что неплохо бы проверить — и не откладывая, желательно первым способом.

Ну тут её милые «две язвы» возьми да и вспомни, что ей лет этак семнадцать, до совершеннолетия совсем недолго, а она всё в девках ходит — и это было бы неплохое переживание и сильные эмоции. Лучше ничего не придумали, чтоб им пусто было! Да ещё этот из леса оборотней выбежал — «заблудился на огни, вышел». Ага, из леса оборотней — так просто взял живым и вышел, конечно.

Посторонних на их территории убивают без лишних разговоров. А тут — чужак, заблудился, да ещё и цел остался. Большой глупости она в жизни не слышала. Тогда, конечно, ей было не до этого, да и думать особо не хотелось. Как парнишку увидела — вся выпитая брага в голову ударила.

Высокий, симпатичный, с аккуратными чертами лица и горбинкой на носу... Длинные волосы до плеч, ярко-алого цвета. Красные глаза. А тело... Взгляд скакал, не зная, за что зацепиться, чтобы окончательно не потерять приличие.

Одет он был в простую чёрную рубаху да белоснежные хлопковые брюки. Почему-то незнакомец был без обуви! Он сразу огляделся цепким, изучающим взглядом. Заметив их, жадно обвёл глазами и надменно направился к их компании. И только сейчас, вблизи, она заметила золотую вышивку на его одежде — странные, извилистые узоры на спине рубахи. На вид вышито грубо и небрежно, но одна только нить, должно быть, целое состояние стоит. Знать, не иначе. Представился Ноэлем, сказал, что путешественник.

Ну, её девки обступили его со всех сторон, засыпая вопросами. А сами всё ближе и ближе к нему подсаживались, бросая томные взгляды и прижимаясь, как бы случайно, всеми частями тела к бедному парню. Оказалось, что он некромант, бывший студент военной академии драконов Эвара. Был отчислен за амурные заслуги — всех жриц бога мудрости Сэндэма «своим вниманием одарил». Тут уже настала её очередь краснеть. Аника принялась распинаться о том, что она, мол, в девках засиделась.

Ноэль пристально посмотрел на неё, потеряв всякий интерес к Анике, и оглядел с головы до ног. В одно мгновение он изменился в манере: хищно осматривал её, как жертвенного барашка.

Одежды на ней и так было немного: льняная зелёная рубаша длиной до пола, широкая, не облегающая тело. Но ему это особо не мешало.

— Я бы с удовольствием помог столь прекрасной деве пробудить дар. Для меня это было бы честью, если она изъявит желание.

Протянув руку, он выжидающе смотрел в её глаза.

От изумления она только и смогла, что уставиться на него, не в силах вымолвить и слова. Словно пелена перед глазами. Зачем? Почему? Не раздумывая, она взяла его за руку. Даже не дрогнула.

Он улыбнулся по-мальчишески лукаво, заглядывая в глаза. Озорные ямочки прорезали его щёки, когда Ноэль, крепко стиснув мою ладонь, повлёк меня за собой в сторону леса. И куда только девки смотрели, когда он уводил меня в чащу?!

Мы углубились в лес на приличное расстояние от поляны, и только тогда я наконец пришла в себя, осознав, что происходит. Первым порывом было сбежать, но потом я подумала: «Чёрт с ним», — решила я. — «В любом случае останусь в выигрыше: либо дар пробудится, либо проведу время наедине с красавцем». А может, и то, и другое?

Ноэль не оглядывался, словно был уверен, что я не сбегу. Резкий поворот направо — и мы оказались у озера.

В первый миг я растерялась. Озеро купалось в лунном свете. Его лучи мягко падали на поляну, озаряя всё вокруг призрачным сиянием. В воздухе раздавался стрекот цикад и тихий шорох маленьких жучков. Земля была словно покрыта ковром из ламий — голубых цветов, источавших пьянящий аромат. Их лепестки окрашивали прибрежную полосу в нежный, мечтательный голубой цвет.

Вспомнив о своём спутнике, я перевела взгляд на Ноэля и отшатнулась, словно от дикого зверя. Медленно, шаг за шагом, я отступала, стараясь унять дрожь. Пальцы судорожно впились в ладони.

Ноэль не сводил с меня глаз. В один миг его зрачки начали меняться, поблескивая жёлтым светом, а очертания вытянулись в узкие щели.

«Врёт! Он не некромант!»

— Кто ты такой? — прошептала я, и голос дрожал, выдавая отчаянную попытку сохранить самообладание.

Он одарил меня улыбкой, от которой в его янтарных глазах вспыхнули хищные огоньки. В мгновение ока он оказался рядом, крепко обвив руками мою талию. Ноэль притянул меня к себе и, удерживая, прошептал обжигающим шёпотом на ухо:

— Доверься мне, Ивей.

Отстранившись, он нежно приподнял мой подбородок, заставляя встретиться взглядом с его завораживающими глазами.

«Откуда... откуда он знает моё имя? Я ведь не говорила...»

Знакомая пелена начала застилать взгляд. Тело налилось свинцовой тяжестью, ноги подкашивались. Казалось, вся выпитая за вечер медовуха разом ударила в голову. Я судорожно попыталась оттянуть ворот сорочки, глотая воздух, но это почти не приносило облегчения.

Ноэль, наблюдая за моими безуспешными попытками, рассмеялся — раскатисто и звонко, гордо расправив плечи и слегка откинув голову назад.

Я замерла, словно громом поражённая, не в силах отвести взгляд от случайно выбранной точки. Дыхание почти остановилось.

Спустя несколько мучительных минут он взял себя в руки и, прижав меня ещё крепче, свёл на нет любое расстояние между нами. Наклонившись, парень быстро, почти неощутимо поцеловал меня в висок — отвлекая. Я вздрогнула, едва не подпрыгнув на месте. Именно этого он и добивался.

Мгновение — и я стою перед ним обнажённая, купаясь в обжигающем взгляде. А моя сорочка улетела куда-то в неизвестность. Я не ощущала ни стыда, ни холода. Только смотрела в горящие глаза Ноэля, не отрываясь. И, как ни странно, мне нравился его оценивающий взгляд. Голодный и жадный, он скользил по изгибам моего тела, вырисовывая в памяти каждый контур.

Затем, не давая опомниться, он накрыл мои губы властным, требовательным поцелуем. Жадно, с напором, словно желая выпить до дна. Всё, что мне оставалось, — стоять, будто парализованная, лишь изредка покусывая его губы в безмолвном протесте.

Его руки блуждали по моей спине, вырисовывая круги. Я не знала, как на это реагировать, мечтая хоть немного освободиться от его настойчивого напора. Я начала медленно пятиться назад. Шаг, ещё один — и мы повалились на землю.

Жарко... Невыносимо... Что он со мной делает?

Оставив в покое мои губы, Ноэль обрушил поцелуи на шею, оставляя багровые отметины. Тело, словно чужое, не слушалось — выгибалось навстречу ласкам, жадно ловя каждый его жест. Подхватив под бёдра, он прижал меня к себе — грубо и настойчиво.

«Мать моя женщина, да он извращенец! Чёрт с ним...»

Ещё один укус — и я перестала сопротивляться, наконец расслабившись. Негромкий стон Ноэля дал понять, что он доволен таким развитием событий.

Я прижала его к себе сильнее, пробегая пальцами по шелковистым волосам, удерживая и не позволяя отстраниться. Это вызвало у него лёгкий смешок. Он перехватил мои руки, свёл их над головой и крепко держал, не давая взять хоть какую-то инициативу на себя.

Резким движением Ноэль подался вперёд, накрывая мои губы обжигающим поцелуем. Напористый, властный, он не давал мне передышки, не позволял отстраниться.

«Магия, ну пожалуйста, отзовись!»

Словно опомнившись, он отстранился, впиваясь взглядом в моё лицо, изучая каждую черточку.

Всё, хватит!

Приподнявшись, я перевернулась на живот, отчаянно пытаюсь отползти подальше. Ноэль прижал меня телом к земле, подмял под себя и начал настойчиво прижиматься ко мне, не оставляя шансов на побег.

Впиваясь зубами в шею, он одной рукой сжал моё горло, а другую медленно опустил к низу живота. Я дёрнулась, поворачивая голову, — и в этот миг он накрыл мои губы жадным поцелуем, не давая ни секунды на передышку.

Вдруг, лукаво усмехнувшись, Ноэль отстранился. Перевернув меня на спину, он закинул мои ноги себе на плечи. Горячее дыхание опалило кожу, когда он наклонился и провёл языком по самым чувствительным местам. Громкий стон вырвался из моей груди, а тело пронзила дрожь. *Как он смеет? И эти непристойные звуки...*

Впиваясь пальцами в землю, выгибаясь дугой, я пыталась хоть за что-то удержаться. *«Не могу, это невыносимо!»*

Внезапно Ноэль резко отстранился, поднимаясь на ноги. Сбросив с себя штаны и рубаху, он торопливо освобождался от одежды. Я лежала на земле, кожа пылала румянцем, ноги беспомощно раскинуты, — и зачарованно следила за каждым его движением.

Ноэль ловко перевернул меня на бок, закинув мою ногу себе на бедро.

Миг — и я почувствовала его внутри. Ни боли, ни страха — лишь странное, щекочущее чувство, заставляющее судорожно сжимать его в ответ. *А где же те ужасные истории, которыми меня пугали?*

Жар разливался по телу, предвкушение с каждой секундой становилось всё острее. Ноэль наблюдал за мной изучающе, словно желая убедиться в моей готовности. Удовлетворившись увиденным, мужчина грубо сжал мою шею — пальцы то ослабляли, то усиливали хватку, — а другая рука скользнула ниже, надавливая на чувствительную точку.

Я прогнулась. Резкий толчок, за ним — ещё один. Движения становились всё более стремительными, властными, а хватка на шее — сильнее. «Ноэль... Сайварс... как приятно...» Я пыталась заглушить крики ладонью, но получалось плохо — стоны вырывались всё громче, разносясь над поляной.

Горло саднило, дыхание сбивалось, но я не могла остановить эту сладкую пытку. Ноэль осыпал мою шею и плечи жаркими поцелуями, не отрываясь от меня ни на миг. Он двигался всё глубже, доводя до дрожи в ногах.

С каждым толчком мир вокруг сужался до ощущений — прикосновения, дыхания, бие-ния сердец в унисон. Ноэль оторвал руку от моего лона лишь для того, чтобы впечатать её в талию, прижимая меня к себе ещё крепче. Мои стоны уже, казалось, разносились по всей округе. И в кульминационный момент он накрыл мои губы жадным поцелуем, заглушая крик наслаждения.

Девушка вдруг вздрогнула, выгибаясь в последней судороге, прежде чем обмякнуть в его руках. Ноэль сделал несколько финальных, рваных толчков и издал глубокий стон.

Тепло разлилось внутри — он изливался в меня. Мне было так хорошо, что я не обратила внимания ни на следы укусов, ни на тихий стон, ни на мысль о том, что теперь, возможно, моя жизнь изменится навсегда.

Ноэль прижал меня к себе, зарываясь носом в волосы.

— На сегодня с тебя хватит, моя девочка, — прошептал он, успокаивающе поглаживая по бедру.

Я лежала, пытаясь собраться с мыслями, избегая его взгляда, пока мой взгляд не упал на светило.

— Началось, — выдохнула я.

Соединение светила и луны — предвестник конца и возрождения, великий праздник. Тело было расслаблено, от Ноэля исходило тепло, я погружалась в полусонное состояние, когда вдруг...

В глазах потемнело, а сердце пронзила острая боль. Рывком вскочив на ноги, я оттолкнула Ноэля. Как выброшенная на берег рыба, жадно хватала ртом воздух, пытаясь вдохнуть хоть немного.

Ноэль смотрел с непониманием.

Сердце бешено колотилось, будто готово было вырваться из груди. Всё тело горело огнём.

— Больно... — В ушах стоял нестерпимый звон, заглушающий всё вокруг. Я закрыла уши руками, пытаясь заглушить звук. По щекам ручьём текли слёзы. Резкая белая вспышка — и ощущение падения.

Больше я уже ничего не могла рассмотреть, погружаясь в спасительную темноту...

Глава-1: Несколько днями ранее

— Холодно, нужно вставать, а то изба вся промёрзнет.

Забытый богами ветхий дубовый дом стонал и скрипел от малейшего дуновения ветра, будто вот-вот рассыплется в прах под первым же его порывом. Брусчатые стены были забиты ватой, чтобы хоть как-то заткнуть бесконечные щели, проевшие дерево.

Единственным источником света в комнате служило давно потускневшее окно. Рядом с ним высился новенький дубовый стол, заваленный книгами и свитками. Справа, в углу, чернела прокопчённая временем печь. В ней стоял чугунный котёл с подозрительной зеленоватой жижей.

Тут же, неподалёку, стояла металлическая кровать, чьи ножки разъехались в разные стороны. Над изголовьем, во всю стену, раскинулись полки из тёмного дуба, уставленные разноцветными склянками с настоями и мазями. К деревянным крючьям были подвешены пучки сушёных трав, наполняя комнату еле уловимым ароматом хвои и пшеницы.

Рядом с окном ютился белый умывальник с небольшим мутным зеркалом, сколотым внизу.

Ивей лежала на кровати, укутанная с головы до ног старым, потрёпанным пуховым одеялом. *«Нужно встать, иначе весь день уйдёт на то, чтобы отогреть эту конуру».*

Девушка открыла глаза, выбираясь из плена тепла. Растирая ледяными ладонями сонные глаза, она презрительно оглядела комнату. Издав тяжёлый вздох, Ивей плюхнулась обратно в кровать, закрывая лицо руками.

«О всевышняя, помоги мне!» — прошептала девушка. Несколько минут она оставалась неподвижной, собирая волю в кулак перед лицом нового дня. В голове промелькнул последний аргумент, развеявший остатки сомнений. С неохотой она покинула уютное, нагретое постелью место.

Зябко запахнув плечи одеялом, Ивей свесила ноги на стылый пол.

— Жаль ковёр, пришлось выбросить, — пробормотала она. — Угодило же мне рассыпать этот чесоточный порошок... Теперь вот закаляйся каждое утро, ходи по студёному полу. Глаза слипаются, сил нет. Ладно, пора вставать, а то ждёт меня голодная, холодная смерть.

С трудом поднявшись, Ивей подошла к умывальнику и с жалобным скрипом открыла старый металлический кран. Оттуда тут же хлынула тонкая струйка ледяной воды.

Девушка поморщилась. Утро начиналось хуже не придумаешь.

— Что поделать, придётся закаляться. А Агонит... Его ещё неделю назад бессовестно утащила одна нервная белка. Я, честно говоря, пыталась её догнать, но эта недоделанная шерстяная зараза, убегая по веткам, выронила его в кусты. И искать там теперь — всё равно что иголку в стоге сена.

Багровый лес, где мне приходится бродить в поисках трав, получил своё название не просто так. Своеобразный рай для травницы — здесь можно найти самые редкие растения. Вот только, к сожалению, все они одного цвета. Растительность сливается в сплошное багровое море, режущее глаза и мешающее сосредоточиться. И листва, и травы — всё едино. Даже живность под цвет леса подстроила свой окрас.

Агонит, к величайшему сожалению, был крошечным кристалликом. Багровая щербинка — вот и вся его суть. Так я лишилась единственной искры тепла от магического камня. И даже не было сил и денег искать замену.

Девушка вздохнула и взглянула в зеркало, оценивая своё отражение.

Что и говорить, зрелище удручающее. Колтуны всклокоченных белоснежных волос торчали во все стороны. Красные, воспалённые глаза — привет от вчерашнего порошка. Опухшее лицо завершало картину.

— Да... угораздило же надыхаться чесоточным порошком, — пробормотала она. — Всю ночь чихала, чесалась, тело горело. И до сих пор нос заложен.

Ивей, тяжело вздохнув, подошла к кровати. Опустившись на колени, она потянула на себя огромный, массивный сундук.

Голубоватая краска, некогда яркая, теперь густо потрескалась. Кое-где облупилась совсем, обнажая дерево, и сундук утратил былой лоск. Отбросив тяжёлую дубовую крышку, девушка тут же сощурилась. Затхлый запах старой одежды, въевшийся в ткань, с силой ударил в заложенный нос.

Ивей закрыла лицо руками, медленно и нервно выдыхая. Как же всё это надоело! Последние гроши ушли на склянки и еду. Одежда в сундуке давно превратилась в лохмотья, залатанные вдоль и поперёк.

Даже если бы удалось скопить несколько пенни, до ближайшего города, где можно купить хоть что-то приличное, идти три дня, не меньше. Остаётся один вариант — сунуться к оборотням. Они-то людей не жалуют, но я им рьян продаю, да ещё и втридорога. Так что, хочешь не хочешь, а моё присутствие вынуждены терпеть.

Рьян — трава, усиливающая контроль над человеческой сущностью во время трансформации в зверя. Благодаря ей я там — многоуважаемый и желанный гость.

Но где гарантия, что, заглянув в их город, меня отпустят домой? Не хотелось бы там остаться, да и к тому же скоро гон. В этот период они озабоченнее животных во время течки.

С такими мыслями Ивей медленно перебирала вещи в старом сундуке. Наконец её пальцы нащупали знакомую ткань, и она извлекла на свет зеленоватое платье, отороченное выцветшим мехом. Единственное, что ещё не тронуло время и моль. Когда-то оно принадлежало её матери. Ивей выпрямилась, нервно вздёрнув плечами, словно пытаясь стряхнуть с себя груз воспоминаний.

Она вздохнула, поднимаясь на ноги. Одеяло, служившее ей тёплым укрытием, плавно соскользнуло с плеч и упало на пол бесформенным комком. Холод пробрал до костей — нужно было скорее переодеться. Поверх ночнушки она торопливо накинула платье.

Подбежав к мутному зеркалу у умывальника, Ивей начала кружиться перед ним, презрительно оглядывая своё отражение.

— Делать нечего, великовато, но под плащом не будет видно.

Платье длиной до самого пола скрывало практически всю её фигуру. Длинные рукава и высокий ворот закрывали шею. Простое, без каких-либо украшений, оно плотно облегалось телу, подчёркивая юные девичьи формы.

С улицы доносился пронзительный визг, не утихавший уже несколько часов. Собственно, из-за него она и проснулась в такую рань. Ворчливо бранясь себе под нос, Ивей на ходу расчёсывала спутанные волосы старым гребнем.

Девушка выбежала на крыльцо и, проворно спустившись по ступеням, выглянула из-за угла дома, стараясь остаться незамеченной. Двое крепких мужчин тащили, словно дикого зверя, девушку, держа её за руки. Она отчаянно визжала, кричала и пыталась вырваться. Её лица не было видно, лишь каштановые растрёпанные волосы обрамляли голову.

Забыв об осторожности, Ивей вышла из укрытия, успев заметить полноватую фигуру, одетую в пышный сарафан, расшитый золотыми нитями. Сарафан с высоким воротом и рукавами-фонариками. Пока Ивей рассматривала эту сцену, мужики остановились прямо у её калитки.

Заметив это, она пригнулась, прячась за досками забора.

— Чуть не попалась!

Подползая на корточках, чтобы не привлекать внимания, она понимала, что вернуться в дом уже слишком поздно — её обязательно заметят.

— И так, благодаря главе, ведьмой считают. А за подсматривание могут и на костре сжечь.

— Ну и чего ради вы её в деревню притащили, своих баб мало?

Услышав голос главы деревни, Ивей ещё сильнее прижалась к доскам, проклиная свою любознательность и на всякий случай прикрывая рот рукой.

— Ну и зачем я вышла, дел мне мало, что ли?!

Грегори... Всегда гадала, чем он заслужил это место, этот старый маразматик, ставший главой. Скрытный, наглый, алчный — вот его суть. Вместо волос — лишь грива седой бороды, спадающая до пояса. Вечно облачён в чёрный балахон, скрывающий очертания тела. Крючковатый нос и маленькие, словно бусинки, чёрные глаза завершали образ гнусного пакостника.

Бабы шептались, будто медных у него — немерено. Ходит каждый месяц, выбирает молоденькую девушку из деревни, да и обхаживает её. А потом бросает, без денег и обещанного богатства.

— И с дитём!

По мне, это вовсе не слухи. Ведала я пару раз, возвращаясь вечером из леса, как этот паскудник к моим молоденьким соседкам заходил.

Один, без своих прихвостней, которых всюду за собой таскал. Как-то заявился и ко мне — да так невзначай по моей «страдальной части» и хлопнул. Ну, я тоже в долгу не осталась: схватила первое, что под руку попало. К несчастью для него, это оказалась тяжёлая чугунная сковорода.

Ох, и отхватил же он в тот день! Так, что, удирая от моей праведной сковородки, всю избу мне разгромил. Сволочь! И, кажется, нарочно это сделал — чтобы хоть как-то отыгаться.

После того случая ко мне он больше не совался. Правда, чтобы восстановить поруганную мужскую честь, пустил слух, будто я — ведьма тёмная. Мужики, само собой, поверили. Теперь не то что подойти — и взгляда в мою сторону бросить боятся. Небось думают, что в козла обрachu. Да мне и без романтических походов неплохо живётся.

— Ведите в мою избу, ироды! Хотите меня к богине смерти на поклон отправить раньше времени?

Внезапный, тупой звук удара. Тишина. Больше ни криков, ни возни не было слышно.

Они ушли. Я привстала, оглядываясь, нет ли кого рядом.

— Кровь! — На месте, где они стояли, атели пятна. — Неужели он её костылём ударил? Меня вдруг замутило, а по спине пробежал неприятный холодок.

Собрав последние силы, я забежала в дом. Наглухо захлопнув дверь, прижалась к ней спиной, сползая на ватных ногах на пол и закрывая руками лицо. Плечи и руки дрожали, выдавая мой страх.

— Мамочка, как же я устала... Это проклятое место, загнивающее с каждым днём всё больше и больше...

Я была одна с самого детства. Бабы рассказывали, что родители мои были магами. Мол, путешествовали по миру, и мать мою схватки настигли как раз, когда мимо этой деревеньки проезжали. Пришлось им тут задержаться. Сильные они у меня были: отец щелчком пальцев мог заставить урожай цвести и плодоносить, а мать была водяницей — всех лечила. Да вот вскоре явились какие-то нелюди и утащили их. Мужики меня спрятали, чтобы хоть дитя выжило, а бабы выходили.

А родителей неизвестные в чёрных плащах в лес уволокли, да потом сожгли. Говорили, Грегори мельком видел одного эльфа без капюшона; скорее всего, он у них главным был. Давно это было, лица уже не помнит. Лишь алые волосы в его памяти остались.

Ивей дрожала. Она давно бы уже сбежала отсюда при первой же возможности, да вот дар ей не достался. Сколько ни пыталась, даже бытовая магия не давалась. Все деньги на книги и свитки спустила, всю теорию наизусть знает, а толку — никакого.

Мир, в котором я родилась, назывался Шеж. Впрочем, миром его назвать было сложно. Огромный материк, затерянный посреди океана, был поделён между оборотнями: бакенeko и волколаками. Плодородные земли достались им, а небольшой клочок территории отвоевали чародеи. Горные гряды, объявленные нейтральной зоной, быстро прибрали к рукам гномы, искавшие новый дом. Они прорыли шахты и добывали в тех горах янтарь и изумруды. Самый безжизненный кусок земли достался людям, и он был раздроблен на три княжества.

Бакенeko — кошки-оборотни — могли менять свой облик по желанию, принимая человеческий вид. В кошачьем облике у них было множество хвостов, обычно от одного до девяти, в зависимости от возраста. Чем старше оборотень, тем больше хвостов. Получив второй хвост, бакенeko терял статус и становился Некаматой. Они полагались на физическую силу, так как магией были обделены.

В мире Шеж насчитывалось четыре племени бакенeko: северное, южное, восточное и западное, разбросанные по всему матерiku и отделённые друг от друга горной грядой. Западное племя и вовсе было изолировано от сородичей, обитая на острове. Бакенeko выстроили небольшие города, где в основном занимались охотой. Они выбирали вожака независимо от пола и не смели его ослушаться. Право крови для них ничего не значило. Если вожак старел, любой мог бросить ему вызов и занять его место. Племена редко контактировали с чужаками, что создавало проблемы в торговле и добыче ресурсов.

Волколаки же, наоборот, обращались в волков. Они не обладали магией, полагаясь лишь на своё звериное обличье. У них было одно племя, отделённое от бакенeko горами. Их город, обнесённый огромной каменной стеной, назывался Маракел. Во главе стоял пожилой мужчина из рода Лизорвил. Он активно вёл торговлю с гномами и людьми. Их обычаи были схожи с обычаями бакенeko.

На материке преобладала медная валюта, высшие сословия расплачивались серебряными монетами. В море никто не совался, так как оно кишело ядовитыми змеями. По этой причине города, находившиеся на границе с морем, выстраивали огромные стены, делавшие подход к воде невозможным.

На Шеже было свободное вероисповедание, но... от каждого народа требовалось иметь место для идола. Все должны были поклоняться богине войны и защиты Тауриэль и богу порядка Зигриду. В каждом племени и расе обязательно создавали идолов и возводили храмы в их честь. Это была вынужденная мера, так как они защищали наши миры от вторжения. Чем больше люди верили в богов и поклонялись им, тем сильнее они были.

— Так, собралась, не всё так плохо! — Вскочив на ноги, она подхватила со стула чёрный плащ и плетёную корзину. — Пора в лес, нужно успеть до прихода Анники поесть приготовить.

Выскользнув из дома, Ивей юркнула к забору, что отделял её двор от владений сварливой соседки. Старая яблоня Агаты одарила в этом году невиданным урожаем. Багряные плоды, налитые солнцем, клонили ветви к земле, и половина из них нахально свешивалась над Ивейкиной территорией.

«Ничего личного!» — подумала Ивей, потянувшись на носочках, чтобы сорвать пару самых спелых яблок. «Земля моя, значит, и яблоки мои! Не пойман — не вор». Но Агате это не объяснишь.

Внезапный хлопок двери заставил сердце подпрыгнуть.

«Ох, пора бежать, иначе эта старая ведьма тяпкой огреет!» Быстро кинув яблоки в корзину, Ивей накинула капюшон и пулей вылетела со двора.

— Успела! — Как только Ивей выбежала со двора, она услышала ругань и брань. — Вот карга старая, пару яблок ей жалко! Ну ничего, я вечером тебе устрою...

С этими мыслями Ивей направилась к лесу.

— Ивеееей, ведьма ты контуженая, а ну стой, а то я за себя не ручаюсь!

От неожиданности Ивей замерла на месте. *«Вот язва! Только Самара так со мной разговаривает!»*

Развернувшись, она упёрла руки в боки, ожидая, пока к ней подлетит эта бешеная бестия. Самара была из тех немногих, кто, вопреки слухам, оставался рядом с Ивей с самого детства.

Они старались держаться вместе. Полукровок сородичи не любили. Бакенeko презирали Самару, а местные люди плевали им в спину. И называли грязными.

Невысокая, с кожей смуглого цвета и пышными формами, Самара неслась к ней на всех парах. Белый, выцветший сарафан, надетый поверх голубой рубашки с расстёгнутыми пуговицами, развеялся на ветру. Тонкие бретельки то и дело предательски сползали с плеч, обнажая хрупкую шею и ложбинку груди. Чёрная густая коса, безнадежно растрёпанная, хлестала её по лицу, а в карих глазах плясал озорной огонь.

«Хотя, наверное, неправильно так говорить», — подумала Ивей. Самара такая же брошенка, как и она сама. Полукровка — наполовину бакенeko, наполовину человек. Горе-мать, родив её, подбросила отцу в деревню с запиской, что не желает в одиночку расплачиваться за их ошибку.

Пока Ивей утопала в воспоминаниях, Самара наконец добежала и набросилась на неё с объятиями. От неожиданного напора обе девушки пошатнулись, угрожающе накренившись назад и едва не рухнув на землю.

— Ах ты зараза! Почему не откликаешься? Я на всю улицу глотку деру, как полоумная! Опять улизнуть без меня хотела!

Самара, отскочив, принялась читать нотации, одновременно приглаживая непокорные пряди на макушке.

— Спокойно, Ивей, вдох и выдох.

— Я тебя не слышала! У меня уши со вчерашнего дня из-за порошка заложило, да и нос тоже.

Ивей начала пятиться, отступая в спасительную чащу леса и примирительно вскинув руки.

— Мне кажется, это хорошая идея. Ты же знаешь, что будет, если соплеменники тебя почуют. В прошлый раз тебя чуть не изнасиловали на поляне.

Скоро должен наступить гон, если уже не наступил. Это то редкое событие, когда инстинкты брали верх над разумом. Бакенeko словно зверели, стараясь быстрее спариться для продолжения рода.

Самара резко переменилась в лице. Сияющая улыбка мигом сползла. «Зря я это напомнила», — мелькнуло у Ивей. Она устремила на подругу лукавый взгляд.

— Знаю! Но в этот раз я подготовилась!

Она ухватила за подвеску в виде пучка травы, перевязанного красной нитью, на шее, приподнимая и демонстрируя подруге.

— Меня не почуют. Тимьян полностью убивает мой запах, так что я с тобой!

Мягко говоря, Ивей была в шоке. Она стояла с отвисшей челюстью, не зная, что и сказать. «Вот ведь мырма! А я весь дом перерыла, ища этот вонючий пучок!»

Поняв, что запахло жареным, девица подняла руки в примирительном жесте и начала обходить Ивей по кругу, держась сзади — от греха подальше.

— Ивей, спокойно, без резких движений. Я знаю, что ты меня любишь, так что без паники.

— Люблю... Ах ты, стой! — Сжав кулаки, Ивей рванула за ней, угрожающе размахивая пустой корзиной из стороны в сторону.

— Ивееееййй, полегче! — Самара уворачивалась от вездесущей корзинки. — Ненормальная!

Весело смеясь, девушка устремила в чащу, уводя Ивей всё дальше от тропинки.

— Давай, успокойся, а я постараюсь исправиться! У меня для тебя сюрприз!

Самара пыталась бежать, на ходу уворачиваясь от хлещущих веток.

— Ивей... шварц... — Не глядя перед собой, она налетела на ветку, которая ощутимо хлестнула её по лицу, оставив алый след.

Она остановилась, прикрывая рукой пострадавшую щеку и пытаясь сдержать слёзы.

Ивей остановилась, тяжело вздохнув, и медленно подошла к ней, примирительно положив руку на плечо.

— Дай посмотрю, горе ты моё.

Самара лукаво посмотрела ей в глаза, улыбнулась и кинулась в её сторону.

— Шварц!

Не удержав равновесия, они рухнули вниз, покотившись кубарем с опушки. Бестия звонко смеялась, её залиvistый смех разносился по всей округе. Ивей же лихорадочно молилась, чтобы на их пути не возникло дерева, ямы или, что ещё хуже, скалы.

— Вот будет весело! — крикнула Самара, крепче обнимая Ивей за талию правой рукой. Та отчаянно пыталась замедлить их безумное скольжение, тщетно хватаясь за траву.

Глава-2:

— Не получается затормозить!

Трава вырывалась с корнями, не давая возможности как следует ухватиться за неё и останавливать кувыркание.

— Да чтоб вас...

Этой части леса я не знала. Мы убежали слишком далеко. После нескольких головокружительных перекатов мы выкатились на поляну, усыпанную розовым ковром опавших влажных листьев с затхлым запахом прелой листвы.

Не успев толком осознать, где мы оказались, я оттолкнула от себя Самару, поднялась на дрожащие ноги и выплюнула пригоршню листьев. Судорожно отряхивая волосы, пробормотала:

— Где мы? Это не Багровый лес. Эта часть леса совсем другая.

Самара, удобно устроившись на земле, скрестила ноги и со смехом наблюдала за мной. Мы оказались на холмистой местности, окружённой лиственными деревьями и редкими пучками колючих кустарников. Осматривая поляну, я заметила за спиной Самары водоём, подход к которому был усеян острыми обломанными скалами.

Вся эта красота сейчас вызывала лишь одно желание — избавиться от тошноты, подкатившей к горлу. Кислый привкус заполнил рот. Пытаясь отвлечься, я переключила внимание на подругу.

— Ну, ты же боялась, что оборотни меня учуют? Здесь нас точно никто не тронет — это не их территория. Тем более эта округа не тронута, трав полно. Может, что-нибудь ценное откопаешь.

Ивей вопросительно изогнула бровь, явно не веря ни единому слову.

— Не смотри на меня так, — сказала Самара, поднимаясь на ноги и отряхивая бёдра от прилипшей листвы. — И сразу говорю: нет, у нас нет проблем. Помнишь, ты спрашивала меня о нейтральной территории? О той, про которую от вожака бакенeko слышала? Там, где когда-то обитало южное племя оборотней?

— Бакенeko, — передразнила она и, не дав мне вставить и слова, продолжила: — Ты ещё просила узнать у моей матери, где это место находится. Так вот, естественно, я ничего у неё не узнавала, но нашла самостоятельно... случайно.

— Наткнулась в прошлое полнолуние. За кроликом гналась и, рухнув с того бугра, не успела затормозить, — Самара махнула рукой вправо, указывая на опушку, откуда мы, собственно, и скатились.

С каждым её словом мой глаз начинал дёргаться всё сильнее.

— Я говорила тебе, как сильно я тебя люблю? — неуверенно произнесла Ивей.

— Могла бы и почаще, — парировала Самара, подходя к выступу скалы. Она просунула руку в узкую щель между камнями и достала что-то оттуда.

Я же, не теряя времени, кинулась осматривать поляну в поисках чего-нибудь, что можно было бы выгодно продать.

Спустя какое-то время я уже сидела довольная на берегу рядом с Самарой. Мы свесили ноги в воду, плавно покачивая ступнями и будоража гладь. Я отпивала вино, сделанное местными пьянчугами, из небольшого деревянного стакана.

Сегодня удача наконец — впервые в жизни! — ослепительно улыбнулась мне. Я нашла редчайшие целебные травы — ньяну и мороху. Их в основном использовали как примочки при тяжёлых ранах. Они с поразительной быстротой заживляли кожу, не оставляя и следа — ни шрама, ни царапины. В городе за них заплатят целое состояние.

«Жизнь прекрасна! — подумала я. — Денег должно хватить на ремонт избы и новый гардероб. А ещё лучше — на переезд в тихий городок на самой границе!»

Ивей прилегла на траву, раскинув руки.

— Я звёздочка! — закричала она во всю мощь своих лёгких. От неожиданности с веток деревьев сорвалась стая ворон, потревоженная этим громким вторжением в сонную тишину леса.

Звонкий смех Самары эхом разнёсся по округе.

— Я прощена? — Девушка наклонилась к Ивей, нежно проводя кончиками пальцев от шеи до живота.

— Приготовишь ужин — и считай, что прощена.

Не хотелось ни о чём думать. Лишь бы добраться до дома и тут же уснуть.

Ивей приподнялась, оглядывая залитую солнцем поляну, щурясь от яркого света. И вдруг...

— Белка?

Приподнявшись на локтях, Ивей вгляделась.

— Агонит! Эта проклятая зверюга держит в зубах мой камень! Это точно она. Из-за неё я несколько дней мёрзла, как уличная попрошайка!

Самара, ничего не понимая, переводила взгляд с Ивей на белку. Вспомнив наконец историю с камнем, она тихонько проговорила:

— Ивей, нет... Мы купим тебе новый. Завтра же поедem в город и накупим всего, чего душа пожелает. — Самара поджала под себя ноги, обхватив колени руками, и попыталась отговорить подругу.

— Это дело чести, ты не понимаешь... — прошептала Ивей, но белка, кажется, услышала.

В мгновение ока она вскочила на ноги и бросилась к зверьку. Белка успела спрыгнуть со скалы и скрыться в зарослях. Не успев затормозить, Ивей поскользнулась на сырых листьях, проехалась подошвами сапог по скользкому склону и кубарем полетела в воду.

— Боги, за что мне это всё?! — вопила она на всю округу. Уже во второй раз эта наглая белка оставляла её в дураках — вернее, в дурочках!

Самара валялась на земле, пытаясь не рассмеяться, и прикрывала ладонями рот. Хотя на смех это было мало похоже — скорее на ржание кобылы. Она хохотала не столько над ситуацией, сколько над руганью подруги.

— Решила податься в охотницы на белок? Так бы сразу и сказала!

— Самара, ну погоди, выберусь, и...

Я лишь мельком взглянула в воду, осторожно ступая к берегу. Неглубоко — дно просматривалось насквозь, вода была кристально чистой. И вдруг вокруг меня медленно проплыл алый змеиный хвост — чудовищно огромный и длинный.

Я видела всякую лесную живность, но такое... Всегда носила с собой настойку чемерицы — на случай встречи с мелкими гадами: она нейтрализовала слабый яд за пару минут. А тут... Такого я ещё не видела!

Застыв на месте, стараясь не спровоцировать чудовище резкими движениями, я медленно двинулась к спасительным выступам скалы, моля богиню судьбы о том, чтобы змеюка оказалась сытой и просто уползла восвояси.

Самара, всполошившись от моего внезапного молчания, вскочила на ноги и бросилась к краю обрыва. С непониманием она оглядела водоём. Я лишь мотнула головой, надеясь, что она поймёт и не полезет следом.

До берега оставалось всего несколько шагов. А дальше — будь что будет, придётся вылезать одним рывком.

Самара, сообразив, что за мной лучше не нырять, мигом рванула к корзине. Умница — жалко бросать собранные травы. Махнув рукой на брошенную бутылку вина, девушка подлетела к выступу и протянула мне руку.

Я замешкалась, не отрывая взгляда от воды, — выскивала хвост. Он замер.

— Выжидает?

— Давай живее, вода ледяная — сляжешь! — подруга, заметив кончик хвоста, побледнела как полотно.

Вдох и выдох. Ивей медленно подняла правую ногу и поставила на скользкий выступ, ухватившись за него ладонью. Еле удерживая равновесие, рывком выбралась на берег. Нагретые солнцем камни обжигали ступни. Мы едва устояли на ногах, чтобы не рухнуть на землю.

Не оглядываясь, мы бросились бежать в сторону оврага.

— Не туда! — Самара схватила меня за руку, увлекая вправо.

— Ты с ума сошла? Сейчас не время окрестности разглядывать!

— Там был мост — пусть и деревянный, ветхий, но всё же лучше, чем карабкаться по скользкому склону. Ты промокла до нитки, далеко не убежишь.

Через несколько мгновений мы добежали до моста. Вернее, это была шаткая деревянная лестница, уводящая ввысь, с перилами тонкими, словно паутина.

— Я пару раз взбиралась — вроде крепкий.

— Ты здесь не раз бывала и ни разу не заметила змею?

— Ивей, потом! — Самара, не давая перевести дух, потянула меня за собой на лестницу.

Я судорожно вцепилась в перила, взбираясь по ступеням. Дыхание сбилось, ноги едва переставлялись. В висках пульсировала кровь, перед глазами плясали разноцветные искры. Звуки словно приглушились — всё происходило как в дурном сне.

Наконец, добравшись до верха, я выдернула руку и остановилась. Сгорбившись, ловила воздух, пытаюсь прийти в себя.

— Подожди, больше не могу. Она за нами не ползёт. Дай хоть минуту отдохнуть.

Самара подбежала ко мне, с тревогой оглядывая и цепко ухватившись за локоть, словно боялась, что я упаду.

— Всё нормально? Она тебя не кусала? — растерянно замахала рукой.

Я вцепилась в перила, надеясь, что дурнота скоро отступит.

— Нет, она просто мимо проплывала... Скорее всего, переутомилась. Вот и плохо стало... Грёбаная белка, чтоб её змей сожрал!

Отдышавшись, я подняла взгляд на Самару. Она была мертвенно-бледна и смотрела назад. Я обернулась, пытаюсь понять, что привлекло её внимание. На воде виднелись расходящиеся круги. Тишина давила на уши, нагнетая тревогу.

Постепенно меня отпустило, и я выпрямилась. Звон в ушах стих — и на том спасибо.

— Самара, пошли отсюда. Нечего тут стоять и глазеть, — сказала я, не отрывая взгляда от воды.

Вдруг из глубины стремительно появилась огромная змеиная голова. Брызги полетели во все стороны. Чудовище, опираясь на кольца своего хвоста, поднялось над водой, обзревая

свои владения. Мой взгляд был прикован к его жёлтым глазам с вытянутыми зрачками. Из пасти то и дело показывался раздвоенный розовый язык.

Внезапно змей резко повернул голову в нашу сторону, открыл пасть, зашипел и, выскользнув из воды, двинулся к нам.

Самара среагировала первой, потащив меня за локоть. Мы бросились бежать со всех ног.
— Вот же дура! Зачем я стояла и глазела, ждала, пока он вылезет!

Я не оборачивалась. Боялась увидеть гада. Как вдруг передо мной на землю спрыгнула белка. Я чуть не запнулась о неё, но та вовремя запрыгнула на меня, цепляясь за складку платья.

«Швари, с тобой позже разберусь». Она держалась накрепко, нервно дёргала хвостом и мордочкой.

Крепче прижав к себе Самару, мы резко свернули влево, обходя корявые стволы и цепкие кусты, надеясь, что змеюка провалится в расщелину или врежется в непроходимую стену леса.

Наконец мы вырвались на опушку Багрового леса. Хотя наконец началась знакомая местность! Вдалеке уже виднелись поля родной деревни. Осталось совсем немного.

Но Самара, споткнувшись о край моей юбки, повалила нас на землю. Белка, молниеносно среагировав, вцепилась в мою косу, карабкаясь по ней выше.

Поднявшись на четвереньки, я медленно обернулась.

Змей. Он был совсем рядом: огромный, багровый, с золотистыми крапинками на коже, свернувшийся в кольцо, грозно шипел, изучая нас.

— Ну всё, приехали. Интересно, если он такого окраса, значит, это магическое существо? Может, попробовать договориться? Что я, собственно, теряю? Всё равно ведь сожрёт.

Медленно, без резких движений... Самара, закрыв лицо руками, часто дышала и тихонько поскуливала. Змей смотрел прямо на неё.

«Была не была! Умру хоть как шут — всё равно моего позора никто не увидит».

— Ты там это... давай поспокойнее, без резких движений, — я примирительно выставила руки вперёд, моля всех богов, чтобы моя догадка оказалась верной и это была магическая разумная живность.

— Ну, ты... особь мужского или женского пола?

Змей зашипел и угрожающе дёрнул головой. Глаза наглой морды вдруг стали растерянными — конечно, хотел сожрать, а тут еда заговорила!

Медленно, очень медленно я поднялась на ноги, скрестив руки на груди. Пытаясь унять дрожь в руках и создать вокруг себя хотя бы хрупкую иллюзию безопасности, я замерла.

Белка тем временем вскарабкалась по моей косе на плечи и, дрожа всем тельцем, попыталась спрятаться в волосах.

— Не бойсь, помирать — так с песней, — буркнула я.

— Ну чего смотришь? По глазам вижу, что понимаешь, — Ивей, словно обиженная аристократка, упёрла руки в бока. — Не по-человечески это как-то. Мы вот пришли к тебе тихо, не шумели, прилично себя вели. Максимум — я небольшой заплыв устроила. Но как только тебя увидели, решили не мешать твоему покою и домой уйти. А ты что устроил? По всему лесу нас гонял! Ноги, между прочим, не железные!

Ивей театрально взмахнула руками, медленно расхаживая из стороны в сторону.

И тут произошло неожиданное. Змей замер. Его зрачки расширились, а голова чуть склонилась набок — будто он действительно пытался осмыслить мои слова.

— Что, не ожидал, что еда умеет говорить? — я нервно хохотнула, чувствуя, как по спине стекает капля пота. — Ну так вот, я не просто еда. Я — Ивей. И я требую извинений за этот бесцеремонный прессинг!

Змей моргнул. Один раз. Второй. Затем его пасть приоткрылась, и из горла вырвался странный звук — нечто среднее между шипением и бульканьем.

— Он... смеётся? — прошептала Самара, приоткрыв один глаз.

— Или готовится к прыжку, — парировала я, но всё же сделала крошечный шаг вперёд. — Так что, уважаемый, будем договариваться или сразу к десерту перейдём?

Змей снова издал булькающий звук, затем медленно развернулся и, извиваясь, направился обратно к воде. У самого берега он обернулся, бросил на нас странный взгляд — почти насмешливый — и скрылся под поверхностью.

— Он ушёл... — выдохнула Самара, падая на колени. — Он ушёл!

— Ушёл, — согласилась я, чувствуя, как подкашиваются ноги. — И, кажется, даже не обиделся.

Белка на моём плече издала тихий писк, будто соглашаясь.

— Ладно, — я хлопнула в ладоши, стараясь вернуть себе бравый вид. — Раз уж мы выжили, предлагаю бежать домой, сушиться и...

— ...и считать, сколько монет мы выручим за травы, — закончила за меня Самара, поднимаясь.

— Именно! — я подмигнула ей. — А с белкой мы ещё разберёмся. Позже.

— Я, между прочим, ещё незамужняя! А с тобой и поседеть недолго. И потом — кому я такая буду нужна? Так что ты давай это, домой ползи, а мы больше к тебе ни ногой, хорошо?

Змей смотрел на меня глазами величиной с два блюдца. Самара же перестала дрожать и с открытым ртом переводила взгляд то на меня, то на змея — будто не могла решить, кого из нас двоих считать большим чудом.

Гад, казалось, долго обдумывал выданную мной тираду. Я замерла, ожидая его дальнейших действий. В голове проносились нелепые мысли: «А вдруг он обидится? А если у змей есть гордость? О боги, я сейчас умру от стыда — и от чего угодно ещё!»

Вдруг он резко приблизил свою морду ко мне, пристально рассматривая. Сердце чуть не остановилось. В мыслях я уже успела обдумать, сколько всего не успела (особенно — дошить тот дурацкий плащ), и мысленно попрощалась со своей лачугой, которая, честно говоря, и так держалась на честном слове.

А он просто понюхал — медленно, тщательно, будто оценивая букет озёрной тины и моего недавнего заплыва. Затем развернулся и, бесшумно скользя, уполз в чащу, лишь золотистые крапинки на его шкуре мелькнули в последний раз между стволами.

Я же стояла оскорблённая, растерянная, не зная, что и думать.

— Я не поняла — я что, настолько воняю озёрной тиной? Или он побрезговал? — возмутилась я, чувствуя, как закипает негодование. — Это что, теперь все змеи будут меня обнюхивать и уходить?

Ивей, словно статуя, выпрямилась и резко повернулась к Самаре, едва заметно кивнув головой в сторону уползающего гада.

Не теряя ни секунды, она лихорадочно собрала рассыпавшиеся травы — каждая была на вес золота, особенно после такого приключения — и, вцепившись мёртвой хваткой в мою руку, потащила за собой в сторону деревни.

«Белка...» — я судорожно ощупала волосы, ища эту пакостницу. Пальцы нащупали лишь спутанную косу и пару веточек. Обещала ведь, что мы расквитаемся, но она исчезла, вот зараза... *«Ничего, ещё поквитаемся. И не таких укрощала!»*

Мы вихрем пронеслись по деревне, оставив в оцепенении всех, кто попадался на пути. Кто-то так и застыл с ведром у колодца, кто-то уронил корзину с яблоками — но нам было не до них.

К счастью, дверь в мой дом была не заперта — красть у меня нечего, да и боялись соваться в жилище ведьмы, если честно. Особенно после того случая с соседом, который решил, будто я его капусту заколдовала...

Распахнув дверь настежь, мы влетели внутрь, тяжело дыша. Ноги дрожали, и я рухнула на пол, раскинув руки и ноги в стороны. Как же я устала! Сырое платье противно липло к телу, и я вся была мокрая и распаренная после безумного бегства.

Распахнув дверь настежь, мы влетели внутрь, тяжело дыша. Ноги дрожали, и я рухнула на пол, раскинув руки и ноги в стороны. Как же я устала! Сырое платье противно липло к телу, и я вся была мокрая и распаренная после безумного бегства.

— Ты вообще нормальная? Зачем ты с ним разговаривать начала?! — взорвалась Самара. — Ты со змеей разговаривала, понимаешь?! О чём ты вообще думала?!

— Хватит! — вскочила я на ноги, направляясь к кровати и стягивая с себя мокрое платье. — Нас бы всё равно сожрали, а так хоть кто-то узнал, что я не в своём уме.

— Швах с тобой, ты неисправима! — фыркнула Самара, поднимая лежащее на полу одеяло и бросая его в мою сторону. — Прикройся хоть! Я за дровами, а то заболеешь.

Подруга выбежала на улицу, громко хлопнув дверью. А я закуталась в одеяло. Живот свела болезненная судорога. С самого утра, кроме половины яблока, толком ничего не ела...

— Ивей, ты дома?! — тихонько приоткрыв дверь, в дом робко шагнула рыжеволосая Анника. Анника и Самара — единственные близкие мне люди.

— Дома, Ани! — ответила я, и в дом вошла стройная рыжеволосая девушка.

На ней была голубая рубашка и длинная чёрная юбка, ниспадающая до самого пола. На груди затейливые завязки стягивали ткань, образуя мягкие складки, манящие взгляд к ложбинке между грудей. Плечи укрывала пушистая меховая накидка. Распущенные волосы текли по спине волной тёмного шёлка.

Как ни странно, Анни была дочерью Грегори. И как ни пытался грозный папаша отвести дочь от меня, ничего у него не вышло.

В руках она бережно держала тарелку, укутанную в полотенце.

— Что случилось? — встревоженно оглядела она меня с головы до ног, быстро поставила тарелку на стул и подбежала ко мне, прикладывая ладонь ко лбу.

— Заплыв она внеплановый устроила, вот что, — в комнату ввалилась Самара, кряхтя, с охапкой дров в руках.

Анни тут же подхватила половину поленьев, и в четыре руки они кинулись к печи, ловко растапливая её и подбрасывая дрова в разгорающееся пламя.

А я, распаренная и утомлённая, блаженно плюхнулась на кровать, постепенно погружаясь в дрему под рассказ Самары о случившемся.

Спустя пару часов:

— Вставай, укротительница змеюк! — вовсю голосила Анни.

Еле разлепив глаза, я растерянно оглядывалась, не понимая, что происходит. Меня тут же выкопали из-под тёплого одеяла и вручили горячую металлическую кружку с подогретым травяным отваром.

Приподнявшись и сделав глоток, я злобно посмотрела на девчонок. Они уже успели разобрать завалы из моих книг, которые я целую неделю любовно укладывала в стопки в углу стола. И теперь накрывали на стол ужин. Как оказалось, Анни принесла блины. А Самара откуда-то извлекла ещё одну бутылку вина — хоть бы не палёного.

— Подъём, говорю, нам ещё тебя на праздник собирать. Ты же обещала пойти! — не унималась Анни.

Ивей рухнула обратно в кровать, закричав в подушку. Девчонки расхохотались в голос.

— Давай, мадам. Нам ведь ещё завтра в город ехать.

Тут я оживилась, вспомнив о своём улове.

— Мне нечего надеть... — пробормотала я, кряхтя, поднимаясь с постели и подходя к ним.

— Сорочка на окне, — буркнула Самара, пригубив вино из кружки.

— Ешь давай, и побежали уже — все собрались у границы.

Спустя некоторое время мы опять направлялись к тому проклятому Багровому лесу, где по традиции должен был проходить сегодняшний праздник.

Девчонки нарядили меня в тонкую сорочку, распустив и тщательно расчесав мои спутавшиеся волосы. По традиции, это был единственный день, когда девушки могли позволить себе свободно расхаживать с распущенными волосами и в исподнем, не боясь осуждения.

Но для нашего главы это было всё равно что помахать красной тряпкой перед носом. «Бери меня, я вся твоя, почти раздетая», — мысленно передразнила я его похотливый взгляд. Вот и стоял он, облизываясь, как кот у миски со сметаной, и разглядывал девиц, едва скрывая своё вожделение.

Спустя время мы вновь держали путь к тому самому проклятому Багровому лесу, где, по неизменной традиции, готовился праздник.

Девушки приодели меня в тонкую сорочку, распустив и тщательно расчесав мои спутанные колтуны — теперь волосы струились по плечам тяжёлой волной.

Мои же девчонки были одеты в простые белые сорочки до пола, с распущенными волнами волос. Сорочки хоть и обрисовывали силуэт, но были нарочито мешковаты — словно напоминая, что сегодня важнее дух праздника, а не наряды. Я тяжело вздохнула. В этой тонкой ткани я чувствовала себя чересчур... открытой.

Подруги шли рядом, не отпуская меня ни на шаг, словно опасаясь моего побега. Их глаза блестели от предвкушения, а улыбки были такими широкими, что я невольно улыбнулась в ответ.

Весёлые трели флейты переплетались с ритмичным боем барабанов. Повсюду полыхали костры, отбрасывая причудливые тени на стволы деревьев. В центре поляны возвышались два огромных дубовых стола, ломящихся под тяжестью еды и напитков: румяные пироги, копчёные окорока, горы яблок и мёда, кувшины с пенным пивом и ягодным квасом.

— Ну, кто куда, а я вижу говядину! — воскликнула Самара, хлопнув в ладоши.

Я плавно свернула к столу, пробираясь сквозь танцующие пары. В воздухе витали ароматы жареного мяса, пряных трав и дымка от костров. Наконец, я ухватила поджаренное, источающее дразнящий аромат мясо на деревянной шпажке. Мысленно возблагодарила богиню за то, что всё же пришла сюда — голод, терзавший меня с утра, наконец-то можно было утолить.

Но не успела я поднести шпажку ко рту, как меня грубо развернули, бесцеремонно вырвали еду из рук и безапелляционно заявили:

— После первой не закусывают, язвы...

Глава-3: Настоящее время

Боль прошла так же внезапно, как и началась. Белый свет затопил всё вокруг, ослепляя до рези в глазах.

— Ноэль? — Сердце бешено колотилось, словно барабан, готовое вырваться из грудной клетки. Паника сковала движения, заставляя Ивей красться вперёд, как загнанный зверь, боясь оступиться в этой ослепительной пустоте.

Руки, вытянутые вперёд, беспомощно шарили в поисках хоть какой-то опоры. Ни травинки, ни ветки, лишь мягкая, податливая перина под ногами. «Неужели это иллюзия? Неужели во мне пробуждается дар?» — эта мысль настойчиво пульсировала в голове, словно спасительный маяк.

— Надоело! — Отчаяние вырвалось криком. Ивей замерла, оглядываясь вслепую. Тяжело вздохнув, она опустила на землю, поджав ноги и спрятав лицо в коленях. Тело била дрожь. — Всё хорошо, это скоро пройдёт! — шептала она, пытаясь утешить себя призрачными надеждами.

Внезапно... Удар! Что-то массивное и тяжёлое врезалось в неё, выбивая воздух из лёгких. Ивей рухнула на спину, успев лишь издать жалобный писк.

С трудом отдышавшись, она вскочила на ноги, жадно глотая воздух, но он лишь обжигал горло, вызывая кашель. Спустя несколько мучительных минут, немного успокоившись, Ивей начала озиаться, пытаясь понять, что произошло.

Отдышаться не получалось, и я, вскочив на ноги, жадно глотала воздух, но в ответ лишь давилась кашлем. Через пару мгновений, немного успокоившись, я начала осматриваться, пытаясь понять, что произошло.

— Моё крыльцо? Но оно целое! Свежевыкрашенное, жёлтое, с резким запахом, бьющим в нос. Перила, сломанные мною ещё прошлой зимой на дрова, целы и невредимы.

Ивей спустилась с крыльца и оглядела избу снаружи.

— Мор, скорее всего, это воспоминание, но чьё?

Я забралась обратно на крыльцо, зашла в дом и огляделась. Просторная, светлая комната. Всё так же, как в мои времена, никто ничего не менял. Ивей растерянно оглядывалась, пытаясь понять, зачем ей всё это показывают. На кровати, в небольшом свёртке, что-то зашевелилось, привлекая внимание.

— Ребёнок?

Девушка подошла ближе и уставилась на него. Медленно, осторожно Ивей протянула руку, пытаясь откинуть тонкое кружево, мешающее рассмотреть малыша, но рука прошла сквозь него, словно я — лишь неуспокоенный дух, лишённый плоти. Я не могла дотронуться до ребёнка. Тяжело вздохнув, Ивей присела на край кровати. Всё верно, меня здесь не должно быть. Это чужое воспоминание. Но чьё же?

Так, стоп! Внезапно вздрогнув, я ещё раз посмотрела на ребёнка, потом вскочила и бросилась из дома вон.

Если это моя изба, значит... Возможно, это я!

— Мои родители! Они должны быть ещё живы! — Пожалуйста!

Слёзы навернулись на глаза, и я едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Я просто хочу их увидеть. Вспомнив рассказы бабок, я кинулась к полям, где постоянно пропадал отец. Надеюсь, я права.

Не знаю зачем. Просто хочу хоть одним глазком увидеть их. Ничего эдакого я от родителей и не хотела. В конце концов, я уже не ребёнок. Всё понимаю... Мёртвых не вернуть, но всё же... Я бежала изо всех сил к выходу из деревни. Посевы в ту пору были разбросаны по полю, что раскинулось рядом с лесом. «Надеюсь, он там!» Вдали начали проступать очертания полей.

— Наконец-то!

Добежав до поля, девушка остановилась, всматриваясь... Посреди поля, вдали, неподвижно стоял высокий мужчина. «Не могу разглядеть, слишком далеко». Медленно направилась в его сторону, с каждым шагом приближаясь. Всё яснее становились очертания длинных, белоснежных волос, заплетённых в толстую косу. Они ниспадали почти до земли.

Вздрогнув, она остановилась в паре метров от него. Не знаю почему, но не могу себя пересилить и просто подойти.

Ивей сверлила взглядом кончик косы отца, стараясь перебороть себя. «Значит, правы были бабки, говоря, что он был силён». У магов, в отличие от других рас, независимо от пола, волосы всегда были в огромном почёте. Чем сильнее маг, тем длиннее его волосы. Считалось, что, отрезав их, можно лишить одарённого силы. «Спокойно! Вдох, выдох». Она выпрямилась и направилась к нему, желая взглянуть в лицо.

— В конце концов, это всего лишь иллюзия.

— Что это... У него нет лица?! — Девушка в шоке отшатнулась от мага, словно от огня. Его лицо застилала белая, непроницаемая дымка, не позволяя заглянуть в глаза.

Немного успокоившись, девушка медленно подошла к отцу, подрагивающей рукой проводя по дымке, застилающей лицо.

— Если лица не видно... значит, мне хотят показать что-то другое.

Мужчина был одет в шёлковую белую рубашку с закатанными по локоть рукавами, местами засаленную. Чёрные атласные штаны плотно сидели на бёдрах и облегали ноги. Босой. Он стоял в поле абсолютно босой!

— Так не должно быть... Нет, почему?! — Девушка больше не могла сдерживаться, слёзы градом текли по щекам, а губы подрагивали, выдавая волнение.

— Так, спокойно, разреvelась тут, — пытаюсь успокоить себя, она вытерла горькие слёзы, громко всхлипывая. Выпрямившись, Ивей легонько начала щипать себя за щёки, жадно глотая воздух, успокаиваясь.

— Не просто так мне это всё показывают.

Подрагивая, Ивей более придиричиво начала осматривать мужчину, ища хоть какую-нибудь маленькую зацепку. Рубашка, одежда... Ничего интересного на них не было. Хотя...

— Перстень! Так и знала.

Подойдя ближе, девушка присела на землю, опираясь на колени, стараясь как можно тщательнее рассмотреть орнамент камня на перстне отца. Сам камень был белого цвета. На нём был высечен круг с линиями зелёного цвета. В центре круга была изображена пентаграмма в виде шестиконечной звезды. В центре её был грубо вырезан полумесяц. Камень почти незаметно поблескивал в свете, привлекая к себе внимание.

— Не видела раньше таких знаков. Точно не из знатных. Может, посол?

Вскочив на ноги, девушка начала массировать виски, пытаюсь понять, зачем ей это всё показывают, а главное — почему. Более-менее успокоившись, Ивей вздохнула. Голова сейчас расколется пополам. Пошатываясь, Ивей медленно побрела в сторону деревни.

Возле избы столпилась толпа. Стоя за забором, они пытались заглянуть в окна.

— Этим-то что нужно? — подумала она. Просачиваясь сквозь толпу, Ивей подошла к крыльцу. Не оглядываясь, распахнула дверь и вошла в дом. На всю избу разносились истошные стоны и плач младенца.

— Что происходит?

Девочка лежала на кровати, надрываясь от крика и требуя внимания. Пытаясь вырваться из плена пелёнки, она недовольно размахивала крошечными ножками и ручками. Возле окна, прямо на полу, лежала женщина, стоная громче плача собственного ребёнка. У меня челюсть едва не отвалилась, а глаза готовы были выскочить из орбит.

— Это... моя мать? — не веря своим глазам, я подошла ближе, рассматривая открывающуюся передо мной картину.

— Эм, ты вообще мать, тебя ничего не смущает? Там твой муженёк в поле один батрачит! — громко пробормотала я себе под нос. Я пыталась получше рассмотреть женщину, но её полностью закрывал собой мужчина, грубо насаживающийся на неё. Судя по ушам — эльф.

Смуглый мужчина с короткими красными волосами. На вид жёсткие и взлохмаченные, они торчали во все стороны. Наматывая на руку тёмно-каштановые волосы моей матери, он с особым остервенением вдавливался в неё, с каждым толчком оттягивая её на себя всё сильнее.

— Не похоже, чтобы её насиловали... Даже не сопротивляется... М-да, лучше бы я этого не видела. Теперь в кошмарах снится будет.

Вдруг эльф резко повернул голову, смотря прямо в мою сторону и довольно ухмыляясь.

— Меня же не видят, ведь так?

Зелёные глаза, рваный шрам на щеке, острые, волевые черты лица, щетина. Для эльфов всё это было неприемлемо. Это противоречило их культуре смазливых лиц.

— Хорош, зараза. Но всё равно противно, — мне вдруг резко поплохело. Тошнота подкатила к горлу. Не выдержав, я выбежала из дома на крыльцо. Опираясь на перила, я пыталась отдышаться. Толпа людей всё стояла, с улыбками и смехом что-то обсуждая. Всматриваясь в лица, я старалась разобрать, что они кричали, но ничего не могла расслышать, как ни стара-

лась прислушиваться. Словно рой пчёл, они гудели на всю округу, но слова... Я не могла их разобрать.

— Ну хоть хорошо, что они меня не видят. Грегори бы мой вид, в чём мать родила, так сказать, порадовал бы.

Вдруг толпа умолкла, расступаясь в сторону. К крыльцу со всех ног нёсся мой отец, распахивая зазевавшихся крестьян и забегая в дом.

— М-да, а можно меня оттуда унести? Там ребёнок, маленький и всё такое, рано мне такие вещи слушать, — кричала я, заходя в дом. — Почему все забывают, что у вас новорождённый ребёнок лежит и надрывается? Хоть бабке Агате отнесите и делайте что хотите.

Кричала я, заходя в дом. Зайдя в комнату, морок вдруг резко пропал, я даже не успела ничего толком рассмотреть. Я оказалась на той самой поляне и ошеломлённо озиралась по сторонам, пытаюсь вернуть себе самообладание. Вдох... Выдох... Руки налились свинцовой тяжестью, обжигая огнём, будто по венам струилась раскалённая лава.

Измучённо разглядывая ладони, я не верила своим глазам. На коже расцветали причудливые зелёные узоры, переплетаясь в извилистые лозы. Они тянулись вверх, окутывая всё тело, беря своё начало глубоко в сердце.

— Получилось! — от восторга я едва не подпрыгнула на месте. — Девчонки были правы! Мой дар... Он пробудился! Готова расцеловать этого Ноэля!

Звуки праздника доносились издали приглушённым эхом. Значит, всплеск магии остался незамеченным. И к лучшему.

— Чёрт, Ноэль! — вспомнив о мужчине, я бросилась к нему. Он лежал неподвижно на берегу, не подавая признаков жизни.

— Не дышит... Да что ж я за женщина такая?! После ночи со мной мужик не сбежал, а помер!

Отчаянно пытаюсь привести его в чувство, я била его по щекам, оставляя на коже красные следы. Ноль реакции. Он даже не дышал!

— Ну за что ты свалился на мою голову, ирод проклятый?! — причитала я, тормоша его за плечи. Голос мой разносился по всей округе.

— Стоп! Спокойно! Если дар проснулся, значит, по идее, я могу врачевать, как моя... — язык не поворачивался назвать эту женщину матерью.

Сглотнув ком в горле, я не знала, что делать. Дрожащими руками положила ладони на грудь Ноэлю, закрыла глаза и сосредоточилась, пытаюсь успокоиться.

Несколько минут я сидела неподвижно, пока моё дыхание не стало ровным и спокойным.

— Так... Сосредоточься... — Закрыв глаза, я попыталась призвать силу. Никогда не думала, что задамся вопросом, как это вообще делается. Теорию я знала, но практика — совсем другое дело. — Так... Спокойно...

В книгах говорилось, что за магию всегда приходится платить. Безвозмездно её не призывать. Она всё равно заберёт своё, причём на своё усмотрение.

— Предложить мне тебе нечего, — прошептала я. — Так что, надеюсь, ты будешь снисходительна и сработает один разочек в долг.

Во всех свитках, независимо от вида магии, было написано одно и то же: «Узри её!» Это повторялось на каждой странице, словно набат.

— Вот только как её узреть? — Я попыталась представить, как на моих руках образуются светлые сгустки магии, обволакивают грудь Ноэля и помогают ему. Других идей у меня не было.

Молясь всем богам, я расслабила ладони, прислушиваясь к ощущениям. И вдруг руки пронзила неприятная колющая боль, пальцы обожгло огнём. Не выдержав, я открыла глаза.

От ладоней исходил слабый зеленоватый свет, мягкими волнами растекаясь по телу мужчины. Я попыталась убрать руки, но они словно прилипли к Ноэлю. Через мгновение всё прекратилось.

К горлу подступила тошнота, руки задрожали, сердце кольнуло. А я молча сидела и ждала, что же магия возьмёт с меня в оплату. Дрожа всем телом, я смотрела в одну точку, тяжело дыша.

Но ничего не происходило. Ноэль ровно задышал. Его ресницы едва заметно затрепетали, лоб нахмурился. Скоро он проснётся, и с ним всё будет в порядке. А мне пора.

— Замечательно! — пробормотала я, поднимаясь на ноги.

Стоять было сложно. Ноги стали ватными и норовили подкоситься. Но я, стараясь не обращать на это внимания, оглядела поляну.

«Растудить его в корень, куда ж этот дьявол кинул мою сорочку?!»

В кромешной тьме берег казался бездонной пастью. «Шварц подери!» — вырвалось у меня, и я в лихорадочном отчаянии металась по песку, тщетно высматривая пропажу.

И вдруг на мою голову обрушилось нечто неуклюжее и тяжёлое, впиваясь крошечными, цепкими коготками в кожу. Панический вопль сорвался с губ, и я принялась отчаянно трясти головой, пытаясь сбросить с себя это нечто.

«Да чтоб тебя!» — прорычала я, открыв глаза и переводя взгляд на землю в поисках массивной туши-обидчика. Но там, о чудо, сидела лишь мелкая рыжая зараза — белка. Эта пушистая гадина смотрела на меня невинным взглядом, примирительно протягивая в своей крошечной лапке агонит.

«Понимаешь?» — усмехнулась я, махнув рукой. «Хотя о чём это я... Всё равно по пятам за мной ходишь».

Присев на корточки, Ивей обратилась к зверьку:

— Давай так: ты помогаешь мне найти одежду, а я обещаю не прогонять тебя и не пытаться придушить. Что ж такое, сначала змея, теперь белка... Кто следующий, ёжик?

Белка смотрела на меня внимательно чёрными глазками-бусинками, затем юркнула к реке, словно тень. Я бросилась следом. Остановившись, зверёк вновь привлёк моё внимание громким стрекотанием, развернулся, взмахнул пушистым хвостом и помчался во весь опор к скалам, что темнели у самой кромки воды. Едва успев уследить за его прыжком, я побежала следом.

Зверёк сидел возле моей сорочки, выжидающе глядя на меня. Не теряя времени, я схватила одежду, запахнула её на теле, убирая за шиворот непослушные пряди.

Сзади раздался оглушительный стон мужчины — словно хлёсткий удар по и без того расшатанным нервам, придавший мне сил бежать.

— Побежали, имя тебе потом придумаю.

Белка проворно запрыгнула на руку, перебираясь на плечо.

— Нужно не забыть выпить отвар. Да простят меня боги, но сейчас я не потяну ребёнка...

Ивей оглянулась, бросив мимолётный взгляд на Ноэля.

— Красивый мерзавец, жаль, что лжец.

Вздохнув, я рванула в сторону деревни. До поляны отсюда рукой подать. Добежать, а завтра видно будет, как жить дальше. С этими мыслями я бежала, полная надежды.

Но стоило мне покинуть чашу и выбраться на тропу, как звуки праздника стихли — ни музыки, ни криков. Это было чертовски подозрительно.

— Да сколько можно! Что ещё там произошло? Хотя мне-то какая разница... Завтра же продам все отвары и собранные сегодня травы и уеду учиться в академию. Там уже разберёмся, как жить дальше.

Убедив себя в этом, я сошла с тропы в чащу, углубляясь в лес. Излишняя осторожность не помешает: неизвестно, что там творится. А так, через лес, по кустам, получится проскользнуть в дом незамеченной.

Лавируя между деревьями, я присела на корточки и поползла на коленях вперёд. До поляны оставалось совсем немного — лучше сначала убедиться, что там безопасно. Коленей не жаль. Вдоль полосы деревьев разрастались огромные кусты — слава богам, не колючие. Сочная и пышная листва укрывала от посторонних глаз, позволяя наблюдать за происходящим на безопасном расстоянии и оставаться незамеченной. Хорошо хоть в лесу почти не было животных: оборотни отпугивали любую живность одним своим запахом. Кроме птиц да шепутных белок тут и встретить было некого.

Отодвинув ветви кустов, я взглянула на поляну. Белке же здесь явно не понравилось: она спрыгнула на землю и с любопытством выглядывала из-под куста.

— Так и знала! — Люди были окружены, словно скот, и согнаны ближе к костру. Наёмники кишели повсюду, лица скрыты под капюшонами, оберегая своих хозяев от посторонних глаз.

Девушка жадно осматривала происходящее и вдруг вздрогнула. Прикрыв рот рукой, она, подрагивая, медленно отвернулась.

Около столов с задорной ухмылкой стоял их главарь, наблюдая за кривляньями Грегори. Приглядевшись, я узнала этого эльфа — того самого красноволосого гада со смуглой кожей. На нём был чёрный, расшитый золотом камзол, тянувшийся за хозяином небольшим шлейфом, атласные штаны и кожаные сапоги до колен. Он, как и его приспешники, практически сливался с темнотой сумерек. Этот шварц по-собственнически обнимал Самару за талию...

Та вся раскраснелась и льнула к нему, прижимаясь грудью и одаривая томными взглядами. Смотреть на это было противно. У меня перед глазами стояла та сцена из морака. Если он жив, значит, отец его тогда не прикончил — а зря.

Не в силах больше наблюдать, я перевела взгляд на мою подругу по несчастью. Она с интересом высматривала всё происходящее, виляя хвостом из стороны в сторону.

— Гойя! — произнесла я полушёпотом. — Не против, если тебя так будут звать?

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Не смотри на меня так. Я по характеру поняла, что ты женского рода. Под хвост пока заглядывать не будем.

Она согласно зарокотала, забавно вильнув хвостом, и в мгновение ока прыгнула в просвет между кустами, стрелой помчавшись в сторону поляны.

— И эта туда же, предательница... Что ж все бабы к тебе-то липнут, морда зеленоглазая? — гневно бормоча себе под нос, я подняла взгляд на поляну, выискивая Гойю. Всё-таки я к ней привыкла.

Белка тем временем, незаметно огибая воинов, подбежала к костру. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что её никто не заметил, она начала осматриваться.

— Что она ищет? — пробормотала я, затаив дыхание.

Гойя аккуратно вытащила своими крохотными лапками из-под тлевшего полена тоненькую, ещё целую веточку. Поднеся её к огню, она немного подожгла ветку. Дождавшись, когда та чуть загорится, белка побежала в сторону их вожака.

Он как раз любезно одаривал Самару своим вниманием: схватив её за волосы на затылке, требовательно оттянул их назад, запрокинул её голову и впился в губы грубым поцелуем — раскрывая их и проникая языком. Второй рукой он лапал её грудь, то и дело переходя к соску, сжимая уже затвердевшую горошину.

Пока Гойя бежала, тлевшая ветка начала разгораться всё сильнее. Добежав до эльфа, она поднесла веточку к его мундиру. Удивительно, но горящую ветку с белкой никто не заметил.

Край мундира начал понемногу загораться, быстро разжигаясь и перекидываясь вверх — на штаны.

Красноволосый, не ожидая такого поворота событий, прикусил язык и истошно завопил, отпихивая от себя Самару. Размахивая руками, благородный эльф бранил весь свет почём зря. Испуганный Грегори тем временем носился вокруг него, голыми руками пытаясь затушить пламя и крича на крестьян.

Довольная собой, Гойя уже вовсю неслась обратно к нашему укрытию.

— Честно, я пыталась не выдать себя. Зажимая рот ладонью. Но, увидев поджаренный зад этого гада, не смогла сдержать смех — из груди вырвались хрюкающие звуки, а глаза заслезились от усилий удержаться. Прибежавшая белка, похоже, тоже была в шоке от увиденного зрелища: она замерла на мгновение, затем удивлённо склонила голову набок.

— Умница моя, так ему! — похвалила я. — Как доберёмся до города, все цацки и орехи — с меня!

Белка согласно запрыгнула мне на макушку, цепляясь коготками за волосы, чтобы не упасть.

— Терпимо... За такую помощь пусть хоть все волосы мне подёргает, — усмехнулась я, осторожно поправляя белку на голове. А сама тем временем лихорадочно раздумывала, куда мне деваться. Домой нельзя — где гарантия, что они не за мной пришли?

— Гойя, придётся нам к оборотням идти ночевать, — сообщила я, оглядываясь по сторонам.

Белка недовольно вцепилась сильнее коготками в волосы и зарокотала, будто возражая.

— Выбора нет, альфа на ночлег пустит. Вот только убраться оттуда будет проблематично, зато живы будем. Завтра тогда придётся по-тихому наведаться к змеёнышу за травами.

Она снова недовольно зарокотала, словно споря со мной.

— Тихо ты, денег нет. Быстрее этого способа заработать — нет. Хотя... Есть, но, боюсь, ещё одного мёртвого мужика после ночи со мной я не переживу, — вздохнула я, поёжившись от неприятных воспоминаний.

Потихоньку, на четвереньках, я поползла обратно в лес. На тропинку нельзя: гарантий нет, что они туда не сунутся. А без неё в темноте я не ориентировалась. Ивей встала, отряхивая руки, и осторожно спустила белку с головы на землю.

— Выручай: отсюда до них дороги я не знаю, только по тропинке ориентируюсь, — попросила я, заглядывая в блестящие глазки Гойи.

Гойя недовольно вильнула хвостом, огляделась, принялась, будто взвешивая все «за» и «против», и побежала влево — вглубь чащи.

Оглянувшись назад, я увидела приближающиеся огни факелов — они мерцали и подрагивали, пробиваясь сквозь деревья.

— Всё поняла, бежим! Могла бы и предупредить, — бросила я белке, подхватывая подол ночнушки.

Со всех сил я неслась за Гойей, стараясь не отставать. Ветви хлестали по рукам, корни норовили подставить подножку, но я упрямо мчалась вперёд, доверяя чутью маленькой помощницы.

Глава-4: Настоящее время

Я задышалась. Как могла, пыталась не отставать от Гойи, огибая деревья и вездесущие кусты. В лесу было невозможно что-либо разглядеть. Луна еле-еле освещала чащу, пробиваясь сквозь крону деревьев. Но и этого хватало, чтобы кое-как разглядеть впереди мелькающий рыжий хвост белки.

— Кажется, на сегодня я с лихвой выполнила свою норму по поиску приключений на свою многострадальную... пятую точку, — выдохнула я, с трудом переводя дыхание.

Бежать оставалось недолго, но каждый шаг отдавался болью в уставших ногах. Не разбирая дороги, я оступилась и провалилась в небольшую ямку. Как мешок с картошкой, я рухнула на влажную землю, ощутив резкую боль в колене.

— Да чтоб вас! — прошипела я сквозь зубы, кое-как поднимаясь на ноги. Правая нога саднила, а колено горело огнём. Из последних сил я ковыляла вперёд, стараясь не упасть. Проклятая сорочка то и дело цеплялась за колючие ветки кустов.

Погони пока не было. Наёмники прочёсывали территорию рядом с тропой, опасаясь заходить глубоко в чащу. Вдали, со стороны тропы, виднелись пляшущие огни факелов и доносилось ржание лошадей.

— Точно по мою душу, — пробормотала я, прижимаясь к стволу дерева. — Скорее всего, эти сволочи даже и не догадаются искать меня в лесу. Всё-таки хрупкая беспомощная девушка в тёмный лес сунуться не должна...

М-да... Как нутром чуяла, что не стоит туда идти. А то бы их ждал сюрприз, преподнесённый на блюдечке с голубой каёмочкой.

— Сдаваться этому гаду я не собираюсь! — твёрдо сказала я себе, стискивая кулаки.

Решение созрело мгновенно. То, что он и его головорезы охотятся за моей душой, у меня не оставалось ни малейших сомнений.

Через несколько мгновений мы вышли на пшеничное поле, залитое лунным светом. Колосья мягко шелестели под лёгким ветерком, а серебристая дымка тумана стелилась между ними. Дальше местность была мне хорошо знакома. До города восточного племени оставалось всего-то минут пятнадцать. Вряд ли наёмники сунутся на чужую территорию. Хотя и в племени в такой поздний час меня ждал не самый радушный приём.

Погружённая в раздумья, я замерла на границе леса, подозрительно оглядывая поле. Мне не хотелось выходить из леса, где я могла хоть как-то затеряться в тени деревьев. Там же я буду как на ладони.

Точных гарантий, что они не сунутся сюда, у меня не было. От напряжения тело пробила мелкая дрожь. Собирая всю свою волю в кулак, я сжала руки до побеления костяшек.

Глубоко вздохнув, я решила обойти поле краем, оставаясь в тени деревьев, где меня было сложнее заметить. Здесь я чувствовала себя немного спокойнее — по крайней мере, пока густые ветви надёжно скрывали меня от чужих глаз.

Гойя, увидев, что я иду в другую сторону, тут же бросилась за мной, запрыгнула на подол моей сорочки и вцепилась в ткань своими крошечными коготками. Её большие глаза с тревогой смотрели на меня, будто она понимала, что впереди нас ждёт что-то недоброе.

А я лихорадочно думала, что скажу часовым. Я столько раз отказывалась даже переночевать в их городе, не то что остаться жить, — а тут сама пришла: в жалком подобии сорочки, грязная, растрёпанная, в поздний час.

Оборотней я не интересовала как женщина — у них своих красавиц хватало. Но вот как травница...

Их кланом правил матёрый, изрядно потрёпанный временем оборотень — сам Фалкор. Истинный альфа, воплощение силы и власти. Его избрали вожаком, когда их клан висел на волоске от гибели после кровавой междоусобицы северного и южного племён. Северяне были разбиты: казна разграблена, женщины уведены в плен, а город обращён в пепел. Выжившие ютились в лесах, словно загнанные звери.

Но Фалкор, взойдя на трон, в кратчайшие сроки переломил ситуацию. Он обратился за помощью к волкам, предложив взаимовыгодный союз. И вот уже вчерашние жертвы сами стали охотниками — их стая окрепла, а влияние клана росло с каждым годом.

Насколько мне известно, с наследниками у него не заладилось — одни дочери, целых пять.

— С одной из них я, к несчастью, уже сталкивалась, — пробормотала я, вспоминая недавнюю встречу.

Скажем так, она весьма настойчиво пыталась силой затащить меня в город, схватив за волосы. От этих воспоминаний я горько усмехнулась и ускорила шаг.

Похищение, по идее, должно быть безболезненным, но Хезер, похоже, об этом не слышала. Старшая дочь Фалкора, единственная из его отпрысков, упорно отказывавшаяся связывать себя брачными узами, она оставалась в поселении подле отца, пользуясь всеми привилегиями своего положения.

Она открыто заявляла, что именно ей суждено стать следующим вожаком. Правда, как она собирается поднять руку на отца, оставалось загадкой. Таков уж закон оборотней: чтобы занять место альфы, необходимо бросить ему вызов.

Именно Хезер и вела со мной торговлю. В ней-то и заключалась вся проблема: в их лесу произрастало невероятное количество редких трав, а вот знахарей и травников не было. Из-за этого племя страдало — без целебных снадобий болезни распространялись быстрее, а раны заживали хуже.

Я невольно сжала кулаки, вспоминая, как Хезер в прошлый раз угрожала мне, если я откажусь поставлять им зелья. Она не понимала, что травничество — это не просто сбор листьев, а целая наука, требующая времени, знаний и тонкого чутья.

Погрузившись в раздумья о предстоящей встрече с Хезер, я и не заметила, как обошла поляну. Впереди уже виднелись первые огни поселения, мерцающие в ночной темноте.

— Фух, — Гайю осталось совсем немного, — выдохнула Ивей.

Девушка шла, лихорадочно приглаживая волосы, дрожащими пальцами зачёсывая их назад. Отчего те лишь ещё сильнее спутывались, превращаясь в огромные колтуны.

Вскоре впереди показались каменные белоснежные очертания городской стены. Ворот пока не было видно.

— Чёрт, да сколько можно! — Из-за этой лесной чехарды я вышла совсем не с той стороны, — злобно оглядывая стену, Ивей тщетно пыталась понять, где она очутилась.

Как вдруг... Позади раздался утробный рычащий рык. От неожиданности Ивей вздрогнула, на миг обратившись в статую. Белка в панике юркнула ей на плечо, прячась в густых волосах. Девушка медленно обернулась, боясь даже представить, на кого она так скоро нарвалась в этих краях.

«Мне показался до боли знакомым этот рык», — пронеслось в голове.

Мельком взглянув на мужчину, стоявшего в чём мать родила, Ивей, покраснев, отвернулась, нервно закусив губу. Это был Йорас — один из охотников, отвечавший за провизию. Когда-то он бегал за ней, клялся в вечной любви. Да, честно сказать, мужчина с хвостом не особо-то её и привлекал.

Надоел он ей, да и бабки начали шептаться — а ей это надо? Правильно, не надо. Он оказался упрямым бараном и отказывался понимать, что ему ничего не светит. Ну и она не промах: пригласила на ужин, напоила одной травкой... В общем, облысел он. И если в человеческом обличье это ещё терпимо, то представьте лысую огромную пантеру!

В общем, после этой истории, кроме него, у всех мужчин его племени отбило охоту претендовать на неё — да и в принципе подходить без острой надобности.

Медленно сосчитав до десяти, Ивей попыталась настроиться на разговор. «Знаю я, что сейчас будет. Любит он пофилософствовать да на нервы капать».

— Позволь узнать, о неприступная моя, что ты здесь забыла в столь поздний час? — раздался голос Йораса.

— Йорас, я, конечно, всё понимаю, но предпочту разговаривать с тобой так. Ты хотя бы ипостась смени. На твоё хозяйство любоваться пока не хочется. Поворачиваться не буду!

После этих слов в округе воцарилось мёртвое молчание. Казалось, даже птицы замерли, наблюдая за ними.

Как вдруг... В один момент спина ощутила лёгкое дуновение ветра. Мурашки галопом пронеслись по коже, а плечи невольно дёрнулись. Он стоял вплотную, обжигая кожу жаром своего тела. «Что ж такое, когда же эта проклятая ночь закончится!»

Он не касался её, но больная фантазия уже услужливо нарисовала картину их со стороны в голове Ивей.

— Что, лишние волосы появились? — бросила она, стараясь скрыть дрожь в голосе.

В ответ раздался раскатистый, громоподобный смех.

— Я выполняю свои обязанности. Кем бы ты ни была, но в столь поздний час ты не имеешь права здесь находиться, и тебе это должно быть известно, — уже с угрозой прорычал оборотень.

Девушка молча подрагивала, судорожно сжимая и разжимая пальцы. «Что мне ему сказать?! Для восточного племени я не представляю особой ценности. Если наёмники придут за мной, никто не станет меня защищать. Может быть, попытаться договориться с ним? Вдруг он тайно проведёт меня?»

— Ладно, решено, — прошептала я и, тяжело вздохнув, резко повернулась к нему. Чуть не врезалась носом в его грудь. Задрав голову, я попыталась разглядеть его лицо. Встретившись с золотыми, как расплавленное солнце, глазами, я инстинктивно отшатнулась.

Отступив на шаг, я отчаянно пыталась увеличить и без того жалкое расстояние между нами. Он изменился. Я не видела его давно. Говорили, он проходил инициацию.

По их традициям мужчины, достигшие совершеннолетия — а именно двадцати лет, — должны быть изгнаны из города на год. Целый год они учатся выживать, познают свои инстинкты, силу и выносливость и не имеют права возвращаться обратно домой. Весело, конечно. Даже родители отказываются от собственных детей: они не имеют права им помогать или принимать обратно. После инициации бакенeko не имеет права вернуться в родительский дом. Ему отстраивают собственное жилище соплеменники — там он и обязан проживать дальше, обзаведаясь собственной семьёй и детьми.

Инициация заметно повлияла на Йораса. Натренированное тело, смуглая кожа и прищур жёлтых глаз, в которых плескалось неприкрытое любопытство. Нос с горбинкой добавлял облику хищности, а заострённые уши завершали странный, притягательный образ.

И тут меня прорвало на смех — этакий дикий зверь отрастил роскошную каштановую шевелюру! Мужчина, скрестив руки на груди, изучал меня. Веселье мигом схлынуло с его лица, оставив лишь настороженный прищур. Он ждал, когда я начну распинаться и оправдываться.

— Мне срочно нужно поговорить с Хезер.

Глаза оборотня разом стали величиной с блюда, а рот приоткрылся в немом изумлении, обнажая острые клыки. Он прекрасно знал, как я отношусь к этой особе, и такое заявление явно сбило его с толку. Но отступить было некуда — придётся зайти издалека.

— И на кой хрен тебе сдалась эта мегера? — хрипло спросил Йорас.

— Йорас, пожалуйста, позови её. Я всё тебе объясню, но позже. У меня ноги отваливаются, и мне срочно нужно прилечь. Хоть на стогу сена, в углу, — выдала я почти залпом.

Он молча сверлил меня взглядом. Гойя притихла и не вмешивалась, словно растворилась на моей макушке.

Видимо, приняв какое-то решение, он заговорил:

— Переночуешь у моей сестры. Здесь небезопасно разговаривать. Всё расскажешь в подробностях позже.

Не церемонясь, он подхватил меня на руки и одним прыжком взмыл вверх. Я лишь успела пискнуть и вцепиться в его шею. В мгновение ока он оказался на стене. Придерживая меня одной рукой, а другой перемахнув через край, вцепился когтями в каменную кладку, сдерживая наше падение. За это я была несказанно благодарна.

— Спасибо, можешь...

Он злобно рыкнул, прижав меня к груди так сильно, что, кажется, я услышала хруст собственных костей. Осматривая местность, его глаза вспыхнули жёлтым огнём.

«Нормально, я тут душу изливаю, о его удобстве беспокоюсь, про наготу ничего не...» — ой. Вздвогнув от внезапного осознания, я уткнулась лицом в шею мужчины, пряча пылающие щёки.

Йорас стремительно нёс меня по пустынным улицам, практически летел на всех парах. Он постоянно прислушивался и оглядывался, и при малейшем подозрительном звуке прыгал на крыши домов. Ну а я, вся красная, крепко держалась за него, стараясь не свалиться. «Как же стыдно! А ему вообще нормально — разгуливает тут, причиндалами направо и налево размахивая?»

Наконец мы подошли к дому. Ничего примечательного: двухэтажная громада из красного камня, крытая тёмной черепицей. Высокий металлический забор с зубцами, тяжёлая деревянная дверь и небольшой парник, теплившийся в ограде, завершали картину.

Йорас торопливо распахнул калитку, не дав мне как следует рассмотреть дом, и тут же надёжно прикрыл её за собой. Он понёс меня к дому, открыл дверь и вошёл внутрь. На пороге он вдруг остановился, повернулся ко мне и, словно зверь, принюхался у моего уха.

— Ты пахнешь по-другому... Твой запах изменился, — пробормотал он и, поставив меня на ноги, отступил на шаг.

— Ах ты, шварс облезлый, сейчас ты у меня получишь! — злобно зашипела я, собираясь высказать ему всё, что накипело.

Но из дома донеслась брань. С лестницы, словно разъярённая фурия, сбежала полноватая женщина и угрожающе надвигалась на нас. Не ожидая такого поворота событий, я во все глаза уставилась на неё. Чёрные волосы были спрятаны под красным платком. Длинное, простого кроя зелёное платье без рукавов с огромным вырезом открывало непристойный вид. Глаза — такого же пронзительного цвета, как и у Йораса. В руках она держала белое махровое полотенце, которым угрожающе размахивала, ударяя им о ладонь.

— Опять, ирод, свой пост покинул? Сколько раз тебе говорить! — Она заметила меня и вздрогнула. — Ах ты, кот плешивый, всё-таки утащил девку из деревни! — Женщина придирчиво оглядела меня с ног до головы. — Мари, это не то, о чём ты подумала! — Йорас начал пятиться назад, растерянно размахивая руками, пока спиной не упёрся в дверь. — Да я и не думал... — не успел он договорить, как сестра подлетела к нему и со всей силы ударила полотенцем по лицу. Хлёсткий звук разнёсся по дому.

Похоже, полотенце было влажным. Она стояла и без перерыва хлестала брата по голове, рукам, спине. Видимо, нервы сдали. Будь он моим родственником, я бы его давно в лесу приколопала, под ежевикой.

Мужчина, защищая лицо согнутой в локте рукой, другой отчаянно пытался нащупать металлическую ручку двери. Наконец, наткнувшись на спасение, он распахнул дверь и выскочил на улицу. Сестра бросилась за ним, замахиваясь полотенцем, но момент был упущен, и как бы она ни старалась, ей больше не удавалось попасть по брату. Так и гонялись они по всему двору, под крики Йораса о том, что он не виноват, и она всё не так поняла.

Мне же это надоело. Я устало присела на крыльцо, опершись головой о косяк двери, не смея заходить в дом без разрешения хозяйки, и наблюдала за этой сценой. Глаза устало закрывались сами собой.

— Всё, больше не могу, глаза слипаются...

Вдруг Гойя встрепенулась, и в ней, видимо, разыгралась женская солидарность. Словно пушистый вихрь, она сорвалась с места и понеслась за этой семейкой, кружа вокруг них, как игривый щенок. Мда... Если бы не эта выматывающая усталость, можно было бы списать всё на козни шварса, вызванные палёным вином. Зевая, я потянулась, разминая затёкшую спину.

— Вон, и белочка бежит...

Последнее, что я услышала, прежде чем провалиться в сон, были отборные матерные крики Йораса.

В это же время у стен города... У главных ворот стоял небольшой отряд воинов, взятый в кольцо оборотнями. Огромные, словно изваянные из снега, массивные белоснежные барсы окружили их, не давая ни малейшего шанса на бегство.

Загнанные в ловушку, воины не выдавали и тени эмоции, даже не откинули капюшоны, чтобы лучше обзирать окрестности. Они замерли в ожидании, обнажив парные мечи, закрывая товарищей спинами, натягивающими тетивы луков. Как вдруг...

Ворота в город распахнулись, выпуская девушку. Позади неё, словно безмолвные тени, скользили двое мужчин, сосредоточенно смотря вперёд.

Хезер, дочь главы. Её внешность была необычной. Весьма массивная на вид, она являла собой воплощение силы, выкованной бесчисленными тренировками. Смуглая кожа, почти плоская грудь, узкие бёдра. Острые черты лица, небольшие, с узким разрезом, зелёные глаза. Заострённые уши с множеством проколов в хряще.

Необычная причёска: виски выбриты, а остальные волосы туго зачёсаны назад и заплетены во множество мелких косичек, едва достигающих лопаток. Одета Хезер была в чёрный кожаный корсет и жёсткие хлопчатые штаны землистого, коричневого цвета. К корсету крепилось необычное украшение — брошь в форме ромба бронзового оттенка. К броши цеплялся багровый плащ, перекинутый через левую руку и тянущийся за девушкой длинным шлейфом. Из украшений на ней были лишь серьги-кольца в ушах. На ногах — простые замшевые сапожки.

Хезер неспешно приближалась к нарушителям границ. Их участь была предрешена, и она благородно оттягивала момент расплаты, давая им насладиться последними мгновениями жизни.

— Интересное зрелище. Небольшой отряд благородных эльфов под видом наёмников нарушает границу и пытается проникнуть в наш город.

Воины замерли, словно громом поражённые. Вопрос девушки явно застиг их врасплох.

— *Toreyum lehxl!* — выкрикнул один из мужчин.

В тот же миг воины распрямились, со звоном убирая мечи в ножны. Одновременно развернувшись, они встали в идеально ровную шеренгу. Оборотни расступились, образуя полукруг, давая своей госпоже возможность поиграть.

Быстрым шагом, не сгибая спины, к Хезер подошёл высокий мужчина. Широкий плащ не скрывал его мощного торса, но разгуляться взгляду там было особо не на чём. Да и правильно — незачем отвлекаться.

Главарь плавным движением сбросил капюшон, открывая своё лицо.

Перед девушкой стоял изрядно потрепанный жизнью мужчина. Острые скулы, волевой скошенный подбородок, заострённый прямой нос. Нахмуренные голубые глаза... Его лицо было изуродовано двумя рваными косыми шрамами: один тянулся через правый глаз тремя полосами, другой красовался на левой щеке — яркой алой полосой. Алые волосы, перевязанные тугим узлом на затылке, прятались под пологом плаща. Знатный эльф, не иначе.

Презрительный взгляд девушки скользнул по нему, и в следующее мгновение её прорвало взрывом хохота.

— Давненько я не видела эльфов из рода Энурад, — сквозь приступы смеха выдохнула она. Мужчина терпеливо ждал, не дрогнув ни единым мускулом.

— Я так понимаю, альфа не знает о нашем визите? — тон девушки мгновенно оледенел, словно её окатили ледяной водой. Высокомерный взгляд пронзил красноволосого гостя.

— Ну, задницы эльфийские, и что же вас привело в мои владения? — Она скрестила руки на груди, тщетно пытаясь унять дрожь, пробежавшую по телу.

— Моё имя Реален, и мы здесь по поручению короля. В вашем городе укрывается беглянка, и мы требуем, по-хорошему, выдать её нам и разойтись с миром, госпожа, — произнёс эльф.

Едва он закончил говорить, самодовольная ухмылка ещё не успела покинуть его губы, как барсы, до этого молчаливо наблюдавшие за происходящим, угрожающе зарычали, ошетились и плотным кольцом окружили эльфов, отгораживая их от своей хозяйки.

Выражение лица Реалена не изменилось ни на йоту. Ни страха, ни злости — лишь бесстрастное спокойствие, словно он наблюдал за представлением уличного театра.

— Беглянка? — Хезер опешила, пытаясь понять, о ком толкует этот остроухий нахал.

— Травница, что жила в деревушке на вашей границе. Эта женщина — собственность нашего Архимага! — Произнося титул, мужчина с уважением приложил два пальца — средний и указательный — к губам.

— Значит, девчонка всё же в городе. Забавно, — хмыкнула Хезер. — Мы шли по её следу, но, к несчастью, он оборвался у самых ваших стен.

Реален положил руку на рукоять меча, медленно вынимая клинок из ножен.

— Её здесь нет. Да будь она и здесь, я бы вам её не отдала, — твёрдо ответила девушка, окинув мужчину презрительным взглядом.

— Она — собственность моего клана, и только мне решать, куда и с кем ей уйти, — добавила Хезер, угрожающе вскинув левую руку. С показным интересом она перебирала пальцами, на которых, словно по волшебству, мимолётно удлинялись и заострялись когти.

— Зачем Архимагу вообще сдалась эта деревенщина? Не настолько он уродлив, чтобы за ней гоняться! — с вызовом бросила она.

Мужчина пристально следил за каждым её движением, за мимикой, пытаясь уловить хоть малейший отблеск лжи, но тщетно. Её лицо было непроницаемо.

«Нужно сообщить Маэтору, где потерялся след. Пусть сам разбирается со своей беглянкой. Он и так слишком много невинной крови пролил», — подумал Реален.

— В таком случае прошу ответить: не останавливался ли кто-то из посторонних в городе?

Девушка всё так же надменно смотрела на него.

— Может, да, а может, и нет. Память у меня девичья, — она театрально схватила за голову, запрокинув её назад.

— Тогда прошу прощения за вторжение. Надеюсь, об этом неприятном инциденте альфа не узнает, — Реален из последних сил сохранял спокойствие. Наглая девица действовала ему на нервы. Он был уверен, что она лжёт, но сейчас приходилось отступить.

— Разумеется... Пока что, — девушка тяжело вздохнула, развернулась и направилась к воротам. — Пока у меня хорошее настроение.

Оборотни расступились, освобождая дорогу, и выжидающе смотрели на незваных гостей, не отходя ни на шаг.

Мужчина вздохнул и двинулся в сторону деревушки, на ходу набрасывая капюшон. Его люди бесшумными тенями последовали за ним.

«Как эта девчонка без моего ведома проскользнула в город?» — Хезер шла по пустынным улицам, яростно пытаясь уловить хоть малейший след её запаха. Белая брусчатка, многоэтажные дома, лавки, флаги и украшения — всё её раздражало.

«Как такое вообще возможно? Если только...»

Девушка произнесла, не оборачиваясь, но зная, что её услышат:

— Срочно предоставьте мне список всех, кто хоть на минуту отлучался со своего поста, и укажите причину.

За спиной послышался шорох, и мужчины, охранявшие её, бесшумно исчезли.

— Решила поиграть, ну-ну... — пробормотала Хезер себе под нос.

Глава-5:

Утро следующего дня

Живот скрутило от голода. Я проснулась от собственного урчания желудка.

— Эх, а так тепло и мягко... Совсем не хочется вставать, — пробормотала я.

Приоткрыв глаза, я попыталась сфокусировать сонный взгляд на окне, пока очертания комнаты не стали более отчётливыми.

«Так, стоп... Где я?!»

Резко вскочив, девушка в смятении начала осматриваться. Просторная комната тонула в молочной белизне. У стены стояла тумбочка, увенчанная подносом с настойками. Рядом — дверь из морёного дуба, а у окна — туалетный столик, над которым возвышалось огромное зеркало.

Окно во всю стену сквозь тонкую кисею белоснежного тюля пропускало лучи рассвета. С потолка, словно причудливые украшения, свисали фиолетовые лианы, обвивая плоскую люстру и касаясь спинки кровати. По комнате, игриво порхая, танцевали огоньки-чертики. Несмотря на наступивший день, они всё ещё кружились в воздухе, мягко освещая пространство голубоватым светом.

Воспоминания, словно набат, обрушились на сознание одно за другим. В висках появилась мучительная пульсация, и я, издав стон, рухнула на кровать, зарывшись лицом в подушку. Крик, полный отчаяния, вырвался из груди — единственное, на что сейчас хватало сил. Горло саднило, воздух в лёгких иссяк, но я всё ещё пыталась издать хоть звук.

Внезапно оборвав вопль, я резко вскочила с кровати.

— Магия... Дар... Он пробудился! — прошептала я, с трудом веря в случившееся.

— Я так боялась, что это лишь пьяный бред, плод моего воображения.

— Ладно, вдох... выдох, — я попыталась сосредоточиться, представляя, как вчера, свет, бурлящий внутри, перетекает в руку, формируя шар. Моля всех богов, чтобы конечности остались на месте, а платой за магию стали... ну, хотя бы только выпавшие волосы.

Минут пятнадцать прошло в бесплодных попытках. Я давила на себя, пытаюсь хоть что-то создать. В какой-то момент я выдохнула, расслабила тело и, упрямо, на одном лишь желании, попыталась добиться хоть малейшего результата.

Знакомая дрожь пронзила пальцы почти мгновенно. Распахнув глаза, я с изумлением уставилась на раскрытую ладонь. В руке плавно переливался шар, излучающий мягкий зелёный свет. Не веря своему счастью, я растерянно улыбнулась. Глаза в свете магии угрожающе блеснули, выдавая волнение.

— О, богиня Селестия, благодарю тебя! Ты услышала мои молитвы! — я закружилась по комнате, плавно взмахивая руками и представляя, как черки гаснут. Они, медленно пульсируя, угасали, исчезая один за другим.

— Стоп, рано праздновать, — осознание происходящего вновь обрушилось на меня, как набат. — Нужно бежать, выбираться отсюда как можно скорее, до реки. Остаться здесь слишком опасно.

Живот предательски заурчал, требуя еды, угрожая скорой голодной смертью нам обоим, если немедленно не получит пищу.

— погоди, возможно, сейчас мы огребём по самое не балуй! — страх сковал меня. Йорас, преданный Хезер до мозга костей, не станет молчать о моём ночном визите. Побежит докладывать сразу же, как облезлый котяра!

Как же хотелось есть... Я всё ещё была в той же вчерашней сорочке. Хоть это немного и радовало.

Тяжело вздохнув и протирая заспанные глаза, Ивей подошла к окну.

— М-да... Второй этаж — высокогато. Не хотелось бы проверять, обрела ли я способность летать... Ничего не поделаешь, придётся увидаться с Мари. Судя по её вчерашней реакции, она сообразительнее своего братца.

Медленно, словно на негнущихся ногах, ожидая подвоха, Ивей подошла к двери и открыла её. Выглянув в коридор, она осмотрелась.

Убедившись, что никого нет, Ивей вышла из своего укрытия, плотно закрывая дверь. Стараясь не шуметь, она огляделась.

Стены коридора были отделаны светлым деревом. На втором этаже всего три двери. На стенах около дверей и чуть ли не на потолке — цветы. Чёрные пушистые лианы оплетали стены возле дверей, словно зловещее украшение.

Прямо у порога моей комнаты валялся свёрток с запиской. Раздираемая сомнениями, девушка аккуратно взяла его в руки и развернула.

«Йорас заперт в подвале, не волнуйся. Времени у тебя не так много. Когда будешь готова, спускайся — чем смогу, помогу».

Подрагивающими руками девушка смяла записку, до крови прикусывая нижнюю губу. Словно фурия, зайдя в комнату, Ивей бросила свёрток на кровать и присела рядом. Дрожащими пальцами она развязала узел и стала рассматривать содержимое.

В кулке была заботливо уложена одежда, гребень и заколки. Ходить в сорочке по городу совсем не хотелось.

— Интересно, на этом этаже есть купальня или хотя бы деревянное корыто? После вчерашних приключений мне нужно срочно ополоснуться, — тяжело вздохнув, я вышла в коридор и по очереди открыла каждую из трёх дверей. Две оказались заперты, а третья, с краю, — открыта.

Аккуратно приоткрыв дверь, девушка просунула голову внутрь, осматривая убранство. Это оказалась купальня. Просторная, отделанная плиткой персикового цвета с мелкими белыми крапинками.

Посреди комнаты возвышался плоский выступ, больше похожий на огромную невысокую ступень. Внутри него была высечена углублённая чаша с бортиками вокруг. И она пуста, если не считать странного камушка, одиноко лежащего на бортике.

Подойдя ближе, Ивей с интересом рассматривала камень. На бортике лежал нормит — голубоватый, небольшой камень, используемый для создания пресной воды в малых или больших количествах. Не из дешёвых, очень дорогой, но, к сожалению, недолговечный. Один такой камушек служит примерно полгода, а потом просто рассыпается в пыль.

Я подошла к купели и скинула с себя сорочку. Она была вся в грязи и потная. Как ни странно, пол оказался тёплым — словно я попала в остывшую баньку.

Опустившись на корточки у края купели, Ивей положила нормит на дно чаши — аккуратно, еле касаясь пальцами. Мгновение — и камень озарился золотистым сиянием, осыпая вокруг себя россыпь искр. Из этих искр, словно живая вода, хлынули потоки воды, медленно наполняя чашу.

Нормит одиноко плавал на поверхности. Агонита нигде не было видно, как я ни всматривалась. Рядом с купелью, словно по волшебству, появилась аккуратная стопка из мягкого халата, пушистых полотенец и ароматного мыла.

«Нужно скорее смыть с себя всё это и бежать отсюда», — подумала я, осторожно погружаясь в купель. С головой окунувшись в прохладную воду, я почувствовала, как она обжигает своим холодом — но сейчас это было даже приятно. Это было то, что нужно: вода взбодрила меня. Быстро освежиться и бежать — времени терять нельзя.

Намыливая руки, я тщательно тёрла кожу, пытаюсь избавиться от грязи: руки, грудь, живот... Пока взгляд не упал на внутреннюю сторону бёдер. Там была запёкшаяся кровь. В памяти тут же всплыли воспоминания. Щёки Ивей вспыхнули румянцем, и в голове вихрем пронеслись вчерашние воспоминания о Ноэле.

«Как стыдно! Я бросила его там одного...»

Хватит! С головой нырнув в прохладную воду, я попыталась обуздать смятение в мыслях.

Минут через пятнадцать я наконец выбралась из купели, мысленно благодаря Мари за роскошный багровый халат. Пробежав босыми мокрыми ногами по полу, я вернулась в комнату.

Подойдя к кровати, схватила резной деревянный гребень и провела им по влажным волосам.

«Девчонки вчера знатно потрудились, распутывая мои патлы», — подумала я, чувствуя, как гребень легко скользит по сырым локонам, практически не запутываясь.

Закончив с волосами, я решила примерить одежду Мари. Сорочку я оставила в купальне. Надеюсь, на меня не осерчают за такое пренебрежение гостеприимством — тащить её с собой не хотелось.

В кулке лежал костюм из невероятно мягкой ткани. Он состоял из глухого кафтана без рукавов нежного голубого оттенка, застёгивающегося на рубиновые пуговицы. Края его были искусно расшиты разноцветными цветочными узорами, выполненными серебряными и золотыми нитями. Кафтан доходил до колен.

В комплекте шли хлопковые чёрные штаны и перчатки, скорее украшавшие руки, чем согревающие их: они изящно облегали ладонь и тянулись до плеча, обуви не было.

Быстро скрепив заколками влажные волосы у основания шеи и спрятав их под копной, я соорудила немного странный пучок. Волосы ещё не высохли, но ждать было некогда.

Подходя к двери, я чуть не расшибла нос, споткнувшись о длинные чёрные сапоги на шнуровке.

«Клянусь, минуту назад их здесь не было! Что за игры!» — про себя выругалась я, кое-как поднимаясь на ноги и натягивая сапоги. Спасибо Мари — они уже были зашнурованы, оставалось только затянуть и завязать. Каблук был совсем маленький, плоский, почти не чувствовался. Но если придется убегать звук от этих каблучков привлечет внимание.

Лестница, как я поняла, вела прямо в столовую. Осторожно спускаясь вниз, я растерянно оглядывала убранство.

В столовой, залитой мягким бежевым светом, царил уют. В центре комнаты возвышался большой круглый стол, накрытый белоснежной скатертью. Под ногами утопал белоснежный махровый ковёр, словно облако. Во главе стола восседала Мари.

На ней была фиолетовая ночная сорочка простого кроя, открывающая плечи тонкими бретельками. Стол был сервирован на двоих: две тарелки с дымящимся супом, приборы и небольшая тарелка с тёмным хлебом. Справа, ближе к центру, расположился пузатый фарфоровый чайник. Живот предательски заурчал, напоминая о себе настойчивым требованием.

— Ну, заходи же, чего стоишь? Голодная, небось? — голос Мари был мягким.

Я медленно спустилась по лестнице, вошла в столовую, не смея поднять глаз, и замерла, не решаясь подойти к столу.

— Так, соберись! — прошептала я себе, пытаюсь унять дрожь.

Мари, заметив моё замешательство, одарила меня доброй улыбкой и махнула рукой в сторону свободного стула. Приглашение было ненавязчивым.

Медленно опустившись на стул, словно загнанный зверёк, я настороженно оглядела хозяйку.

— Почему ты заперла Йораса? — Голод отступил на второй план, уступая место накопившимся вопросам.

— А ты эту дубину разве не знаешь? — нахмурилась Мари.

— Она кого-то гладит под столом? — любопытство взяло верх.

Небрежно положив руку на стол, я ловким движением смахнула ложку на пол, якобы случайно, и нагнулась, чтобы поднять её.

Гойю, несносная толстая белка, развалилась на коленях у Мари и блаженствовала. Хозяйка щедро накормила её, раздув круглый живот до неприличных размеров.

Подняв ложку и выпрямившись, я в упор посмотрела на Мари, протирая прибор салфеткой.

— К Хезер чуть не сбежал, ну я его сковородкой и огрела, как тебя наверх отнёс. Дальше уж я сама с тобой справилась, — ответила Мари.

— Слух по городу ходит с самого утра. Говорят, травница из деревни пропала. А какие-то странные люди ищут её по всей округе, — произнесла Мари, переводя взгляд с белки на меня. Её взгляд стал пристальным, холодным, хищным. Он проникал под кожу, достигая самых костей.

— Мари, пожалуйста, не впутывай меня. Я сейчас же улизну из города, соберу травы и исчезну из вашей жизни, — выпалила я на одном дыхании, боясь взглянуть ей в глаза.

В столовой воцарилась звенящая тишина. Она давила на уши, нагнетая обстановку. Я вся напряглась, ожидая её слов, будто смертного приговора.

— Дар пробудила. Запах твой изменился. Знаю я, что дальше ты будешь делать. Только вот хорошая ли это затея? В городе тебя проще достать будет, — сказала Мари.

Я слушала её и медленно начала хлебать похлёбку. Живот благодарно затих и, видимо, временно отменил расправу.

— В Суруйскую академию тебе надо, — продолжила Мари.

Я вопросительно подняла на неё глаза.

— Туда мне не светит. Академию построила Айла. Она — истинная пара предписанная судьбой, бога магии и разрушения, Хангвара. Да только брак у них не удался: завёл он вторую женушку себе. Но и про Айлу не забывал, похаживал к ней иногда. Она, женщина волевая, долго терпеть не стала, сбежала из мира богов Одиоса. И, долго не раздумывая, построила академию в центре измерения Ивроме. Муженёк пытался её забрать, да она защиту такую поставила на академию, что сам чёрт лазейку не найдёт. Что про бога говорить! Суруйская академия считается лучшей во всех двенадцати измерениях. Попасть туда для меня невозможно.

— Маг тут недавно объявился, беглый какой-то огневик, из знатных. Просился на пару ночей в городе переночевать, под защитой. Как я поняла по разговорам, туда путь держит. Могла бы с ним поговорить, напроситься в дорогу — вдвоём безопаснее будет. А насчёт академии не волнуйся, поступишь. Айла — женщина справедливая, если что, укроет. Да и дар у тебя сильный, раз запах изменился.

— С чего ты так просто мне помогаешь? — спросила я.

Я уставилась в тарелку, пытаюсь понять подвох в её словах. Огневик-аристократ... Небось сам в бегах, если на ночлег в город просился. Ещё одни лишние проблемы мне уж точно не нужны.

Вдруг Гойю встрепенулась и, с трудом переваливаясь с боку на бок из-за огромного живота, прыгнула на пол, направляясь ко мне.

В дверь настойчиво колотили. Мари, ничего не говоря, поднялась — медленно, с тяжёлой неохотой, словно её тащили против воли, — и поплелась к двери.

Меня же поразила мелкая дрожь. Вскочив со стула так резко, что он с грохотом рухнул на пол, я, как загнанный зверь, шарахнулась назад, оглядываясь в поисках спасения.

— Задержались мы с тобой, пора уходить по-тихому. Можно попробовать через окно — первый этаж не проблема. Но вот зубчатый забор... Так просто я его не перелезу: будут потери, штаны могу разорвать, — прошептала я и тяжело вздохнула.

Злоупотреблять гостеприимством не хотелось, но и засиживаться дольше было нельзя.

В столовой, во всю стену, располагались два огромных окна, выходящих в сад, на задний двор. Окна были обрамлены позолоченными прутьями, образующими узор из квадратов. Внизу — едва заметные резные ручки, без которых сложно было догадаться, где именно открываются створки.

Не теряя ни секунды, Ивей подошла к окну, слегка надавливая на створку.

— Проклятье, слишком туго! — прошептала она.

Тем временем дверь отворилась, и Мари громко с кем-то разговаривала.

По спине пробежали мурашки. Осознание неизбежного плена набатом застучало в голове, мешая трезво мыслить. Упрямо, из последних сил, я давила на стекло, надеясь, что если оно не откроется, то хотя бы треснет, разлетится вдребезги — и чёрт с ним, если привлечёт лишнее внимание.

Вложив все силы в последний рывок, мне удалось распахнуть створки.

С угрожающим грохотом они ударились о стену дома, петли взвыли от напряжения. Ивей, не медля, взобралась на подоконник и перевалилась через раму наружу. Несчастная белка едва успела зацепиться за штанину, повиснув бездыханным комочком. Спрыгнув на землю, девушка попыталась как можно тише прикрыть за собой створку. Скрип получился громким. «Если не идиоты, то точно меня услышали», — мелькнула тревожная мысль.

Растерянно оглядываясь, Ивей медленно двинулась к углу дома, скользя вдоль стены, опираясь на неё спиной, крадучись на носках. Достигнув угла, она осторожно выглянула из укрытия, пытаясь боковым зрением оценить ситуацию на крыльце.

— Может, удастся проскочить... Скрыть своё присутствие в этом доме уже не получится. В купальне осталась моя сорочка. Да и в столовой наверняка остался мой запах. Оборотни к запахам чувствительны, сволочи такие. Как я вообще могла быть такой дурой, оставив там сорочку? Это всё равно что письмо с указанием моего местоположения.

На крыльце стоял отряд из нескольких мужчин. С Мари разговаривал рослый, матёрый оборотень. Подробно рассмотреть его не получалось.

— Чёрт, не выйдет проскользнуть незамеченной. А через забор с шипами я уж тем более не полезу — уж лучше Хезер тогда... Лишаться единственных штанов мне совсем не хотелось.

Пытаясь найти выход, девушка окинула взглядом задний двор, выискивая пути к отступлению. Вдоль забора рос «сурук» — цветок-лиана, густо переплетавший ограду и образующий внизу огромный куст с фиолетовыми бутонами.

— Можно попробовать там спрятаться, но цветок этот мой запах точно не скроет. Слишком слабый, неопределённый запах он источает, чем-то черёмуху напоминает... Попытка не пытка, хуже точно не будет, — прошептала Ивей.

Вздохнув, девушка двинулась к кустам, пробираясь под сплетёнными ветвями и укрываясь под их пышной кроной. Ей повезло: под лианами оказалось достаточно места между кустом и забором.

— Когда же это кончится... Уж лучше бы я с Нозлем осталась. От него хоть проще было убежать... — в памяти начали всплывать фрагменты: его глаза, прожигающие меня взглядом, после которого я теряла всякую волю. — Кто же он такой?

Куст рос как раз напротив окна, позволяя следить за происходящим. Лианы были достаточно толстые, чтобы скрыть меня от посторонних глаз. А вот унюхать... это другое дело.

Слегка отодвинув лианы, я попыталась рассмотреть, что происходит внутри. На кухне столпился практически весь отряд. Я вовремя успела спрятаться.

— Восемь человек... Ладно, пока Мари заговаривает им зубы, можно попробовать сбежать. В конце концов, не все же знают мой запах — может, получится сойти за местную.

Гойю тем временем, еле перебирая лапками, переползла на моё плечо. Мысленно помолвившись всем богам, Ивей поползла вдоль своего укрытия, раздвигая руками лианы в стороны

и пытаюсь пробраться наружу. Еле выбравшись из кустов, я вновь выглянула из-за угла. Никого. Скорее всего, ищут её нерадивого братца в подвале. Ладно, у меня всего одна попытка, на счёт три...

— Раз, два...

Тяжело вздохнув, я со всех ног помчалась к открытой калитке, захлопывая её за собой.

— Да чтоб вас! Вместе со всем вашим везением!

Не успев затормозить, я завернула за угол и, как назло, споткнулась на ровном месте. И вместе с наглой белкой полетела вниз, на брусчатку.

— Да чтоб вас всех! Семерых одним махом! Одежда цела, и то слава матери. Но колено саднило и пекло — кажется, я всё-таки его разбила.

Прихрамывая, я направилась к главной площади. Единственное место, где мог остановиться этот аристократишка, — таверна у Юлиса. Местные бы его даже к забору не подпустили: нарушение территории, и всё такое. Тяжело пыхтя и ковыляя, я бранилась хуже городского сапожника, проклиная эльфов, оборотней и день, когда я появилась на свет.

— Вот не могли таверну где-нибудь поближе к стене построить? Нет, надо в самом центре, у всех на виду, да чтоб хромать до неё дня два! На что я надеялась? Думала, в сказку попала? Ага, конечно, и сожгут меня в конце на поминальном костре!

Гойю тем временем радостно бегала внизу, виляя хвостом. Пока её маленький проворный носик что-то не учуял. Сразу же оживившись, белка убежала далеко вперёд.

— Конечно, беги! Что тебе, я не пропаду! Как-нибудь подпалю твой пушистый хвост, предательница, и будет всё замечательно!

Радовало только одно: насколько я помню, сейчас у племени грядёт фестиваль, а значит, Хезер лично патрулировать улицы не будет — она занята подготовкой к встрече племён.

Всего в мире Сайвариса существовало три племени бакэнэко. Раньше было четыре, но южное племя кануло в небытие. В прямом смысле: за одну ночь всё племя исчезло вместе со своим поселением — просто как будто их и не было никогда.

— А значит, Хезер сейчас будет не до меня. Хоть какое-то облегчение. Вот только как же аристократишку узнать...

Если верить книгам по истории созданий, у каждого мага стихий были свои специфические черты лица — всё зависело от рода магии, которой обладал маг. У меня не было возможности вживую убедиться, так ли это. Но в пример, думаю, можно привести мою мать. Её стихия, как я поняла, — вода. У водников обычно волосы от синего до голубого оттенков, иногда каштановые, бледная или белоснежная кожа, голубые или серые глаза. Опять же, это всё из книг — точно убедиться в этом у меня не было возможности. Проблема в том, что у огневиков бывают и каштановые волосы — такие же, как и у большинства оборотней.

Пока я раздумывала, наконец-то приковыляла к трактиру.

Тем временем на стене города Хезер стояла на смотровой вышке у стен, придирчиво рассматривая западную часть города в поисках беглянки. Её глаза злобно сверкали золотым светом, а зрачок то и дело приобретал вытянутую форму, позволяя хозяйке пользоваться силами второй ипостаси. Вид у девушки был измождённый и помятый.

Целую ночь вместе со своими ищейками она обыскивала улицы города. К сожалению, толку было мало. Пропажа так и не нашлась. Девушка тяжело вздохнула, сильнее сжимая металлическую ограду башни, отчего та, не выдержав напора, немного погнулась, оставляя на себе следы от пальцев девушки. Её раздражало, что пришлось всю ночь гоняться за деревенщиной.

— Ничего не поделаешь, она пока единственная травница на всю округу. Отец, узколобый старый кот, противился всем попыткам послать обучать наших людей медицине. Бурчал, дескать, нечего им там делать, Ивей нам с лихвой хватает. А кому суждено, того Богиня смерти и так заберёт.

— Идиот, его религиозность когда-нибудь ему боком выйдет, — прошептала девушка. В этот момент сзади, словно тень, к ней подкрался мужчина, стараясь не нарушить покой хозяйки.

— Госпожа, след девчонки нашли, как вы и приказали. Дали ей возможность ускользнуть незаметно.

На лице Хезер расцвела довольная ухмылка.

— И какая же скотина её укрывает? Тот паренёк с заставы, Йор... как его там? — произнесла она, не оборачиваясь.

— Госпожа, нам неизвестно, как она проникла в город. Но мальчишка, клянусь, не виноват, — он протянул ей грязную сорочку, принадлежавшую беглянке.

— Вот, нашли в доме вашей... — мужчина запнулся.

— Говори!

— Вашей кормилицы...

Не успел он договорить, как Хезер резко обернулась, выхватывая сорочку.

— Пшёл вон! — голос Хезер прозвучал хлестко, как удар кнута. — С ней я потом разберусь. Девчонку из виду не упускать! Её глаза сверкнули золотом.

Хезер поднесла сорочку к носу, втягивая еле уловимый аромат, отчего-то напоминающий корицу. Ей овладел охотничий азарт. Вот почему она приказала псам следить за девчонкой. Лёгкая добыча, но хоть какое-то развлечение.

— Запах изменился... — удивлённо пробормотала девушка, разглядывая ткань.

— Какого чёрта... Так вот почему я тебя не заметила, — Хезер с омерзением швырнула сорочку с вышки и, вся в раздражении, зашагала прочь, вздымая подолом плаща пыль.

Глава-6:

Трактир

Ивей окинула взглядом улицу. Тени удлинились, предвещая вечер. У трактира толпились люди — торговцы, ремесленники, пара подозрительных типов в плащах. «Нельзя вот так просто войти, — подумала она. — Полгорода меня знает». Она отступила в тень переулка, прикидывая, как подобраться ближе, не привлекая внимания.

— Ладно, ничего не поделаешь, мне нужен этот паренёк, — Ивей окинула взглядом улицу, ища место, где можно незаметно наблюдать за трактиром.

— Надоело всё, хватит! — раздражённо воскликнула она, хватаясь за ручку двери с намерением войти. Но в этот момент ей на голову запрыгнула белка — мягкая, но тяжёлая, с цепкими коготками. Ивей подпрыгнула от неожиданности, едва не вскрикнув.

— Что у тебя за манера — исподтишка прыгать мне на макушку?! — прошипела она, пытаясь аккуратно стянуть Гайю за шкурку. Белка возмущённо пискнула, вцепившись в волосы, но всё же позволила себя снять.

— Ну и что ты там нашла? Учти, денег на еду у нас нет. До обеда ты голодная, хотя... — Ивей посмотрела на торчащий живот белки, сомневаясь, что её сегодня вообще нужно кормить.

Гайю, заметив, куда она смотрит, оскорблённо фыркнула, развернулась на своих четырёх лапках и убежала в переулок справа.

— Ах, какие мы нежные! Слово поперёк не скажи, — вздохнув, я сорвалась с места, догоняя её.

Западная окраина города:

— Да на кой чёрт мы вообще в эту дыру забрались! — процедил Алукард сквозь зубы.

По улице неспешно брёл стихийник. Высокий, даже излишне, и худощавый — но даже сквозь одежду чувствовалась мощь натренированного тела мага. Длинные багровые волосы

были небрежно собраны в низкий хвост, ниспадающий почти до земли. Бледная кожа, золотистые глаза, аристократические, словно выточенные из слоновой кости черты лица, волевой подбородок. Тонкие, брови прямой острый нос.

Одет он был в чёрную рубаху с распахнутым алым камзолом, расшитым золотыми нитями и украшенным золотыми пуговицами. Бархатные чёрные штаны обтягивали стройные ноги, а высокие кожаные сапоги до середины бедра привлекали внимание. Рядом с ним, не спеша, парил магический фамильяр — ворон породы аксура. На таких птиц хозяева ставили родовую печать, и владели ими, как правило, только представители высшего света. Ворон был угольно-чёрным, с алым клювом и багровыми, словно бусины, глазами. На спине его переливались багровые узоры, складывающиеся в шестиконечную звезду.

— Шариз, да это не город, а... чёрт знает что! Вторые сутки тут проторчали. Ищейки отца скоро нас найдут, и что тогда?

Птица плавно спикировала на брусчатку и зашагала рядом с хозяином.

— Кто ж знал, Алукард, что люди такие пугливые. Даже провизии купить не дают.

— Может... — парень поднял руку в белоснежной перчатке, и на ней вспыхнул огненный шар, переливаясь багровыми отблесками. — По старинке? Этот метод всегда срабатывал.

— Даже не думай! — Шариз злобно каркнул, захлопал крыльями, взмывая вверх, к лицу Алукарда. — Из-за твоих методов нас теперь на всём Восточном континенте, кроме твоего папаша, ещё пять племён ищут! Сколько городов ты подпалил, идиот!

— Как же есть-то хочется...

Тяжело вздохнув, мужчина потушил шар и провёл рукой по лицу.

— Мы почти дошли до таверны Ал.

— Слишком далеко! А что там за толпа?

— Кажется, там как раз находится таверна. Толпа выглядит внушительно.

— Таверна... — Алукард, воспрянув духом, со всех ног бросился к площади.

Толпа плотным кольцом обступила таверну. В центре этого живого водоворота стояла девушка, совсем юная и миловидная. Её окружали оборотни: одни требовали немедленно доставить её к госпоже, другие же утверждали, что она вольна сама решать свою судьбу.

Сама девушка, одетая в простенький костюмчик, потупившись, вцепилась руками в ткань кафтана. На её волосах сидел маленький зверёк — вряд ли магический. Белка как белка.

Шариз тем временем перелетел ко мне на плечо, искусно скрывая свой правый бок с родовой печатью от любопытных глаз за моими волосами.

— Ал, присмотришь.

— Ты о чём?

— На девушку взгляни.

— Обычная селянка.

— Да чтоб тебя шварц побрал, на ауру посмотри! Только об одном и думаешь...

Я опешил. Впервые за пятнадцать лет знакомства услышал от него брань. Вот что побег из родового поместья и отказ от аристократических манер творят.

Алукард, сосредоточившись, устремил взгляд на девушку, мысленно вызывая к стихии. Сердце вдруг забилось с бешеной частотой, разнося по телу потоки магии. В считанные мгновения глаза его налились багровым светом.

От незнакомки исходило сияние, словно сотканное из чистого света, а из области груди во все стороны тянулись тончайшие нити изумрудного цвета. Я никогда не видел ничего подобного.

— Её аура... Кто она?

— Ты лучше на свечение посмотри. Дар могучий, но свет... незнакомый.

В этот момент девушка развернулась и начала пробираться сквозь толпу к противоположному краю площади, пытаясь скрыться от любопытных взглядов.

— Стой! — я рванулся следом за ней.

— Да чтоб им вечность на костре гореть! Девчонка им теперь не интересна, лишь бы зубы поскалить.

Мужчины тут же переключили своё внимание на незнакомца.

— Огневик... маг... чужак... Как же вы все надоели!

Над нашими головами пронёсся Шариз, крича:

— Это не он! Вы ошиблись, расходитесь! Не на что тут смотреть!

— Да что это за идиоты?!

— Не то слово! — Ал, кое-как расталкивая зевак, выбежал из толпы, но, не удержав равновесия, рухнул на булыжную мостовую. Растерянно оглядываясь по сторонам, он вдруг увидел перед собой хрупкую маленькую ладошку.

— Живой?

Глава-7:

Чуть позже, в таверне

В затхлом помещении полукругом стояли грубые дубовые столы, за которыми уже среди бела дня заседали захмелевшие мужчины. Посреди комнаты высилась массивная барная стойка, истерзанная временем, грозящая рассыпаться в труху от первого же неловкого звука. Круглая люстра висела на толстой цепи, даря полумрак, а не свет. К её основанию были приварены подсвечники, в которых оплывали свечи.

В самом дальнем углу, рядом с единственным источником свежего воздуха — маленькой распахнутой форточкой — за покосившимся столом сидели два мага: Ивей и Алукард. Молчание давило, словно тяжёлая плита. Ивей нервно заламывала пальцы, устремив взгляд в столешницу, а Алукард, не скрывая брезгливости, осматривал убранство таверны. Так продолжалось уже полтора часа, пока Ивей не выдержала.

— Я — Ивей. Приятно познакомиться, — девушка приветливо протянула руку.

Но стоило Алукарду перевести взгляд на неё, как со стороны послышался шум. Вопросительно переглянувшись, они одновременно повернулись в поисках источника звука.

Гайю и Шариз носились по столам, воруя еду у посетителей и тут же её заглатывая. Если белка ещё умудрялась прятать еду за щёки, то оставалось загадкой, куда она так быстро исчезала у ворона. Грохот стоял такой, что находиться в таверне становилось попросту опасно.

«Я смотрел на это зрелище, в очередной раз удивляясь, как в маленькой птичке может помещаться столько еды», — подумал Алукард.

— Алукард Вианский, рад знакомству. Можете звать просто Ал, — он прикоснулся губами к протянутой руке девушки, наблюдая, как лёгкое замешательство появилось на её лице. — Совсем забыл, что здесь мои манеры — пустой звук. Глупо... — Ал усмехнулся, глядя на девушку. Абсурдность ситуации вдруг показалась ему забавной.

— И что же вызвало в тебе такой интерес у местных мужиков? — спросил он.

Ивей примирительно вскинула руки, тихо рассмеявшись:

— Если вкратце, я в бегах. Решила здесь передохнуть, а теперь нужно незаметно уйти. Видимо, моя персона привлекла внимание.

— Я искала тебя, — добавила она.

Улыбка соскользнула с её лица, и она серьёзно посмотрела на него, словно ожидая хоть малейшей реакции. Алукард замер, словно поражённый молнией. Сидел неподвижно, словно статуя. Казалось, он забыл, как дышать, не находя слов для ответа на такое откровение.

Наконец, после томительной паузы, он произнёс:

— Я не могу помочь беглянке, не зная всех подробностей, — слова прозвучали нерешительно.

Девушка тяжело вздохнула и опустила взгляд на свои руки, начиная свой рассказ...

Спустя десять минут

Алукард почти не слушал её. Его взгляд был прикован к её ауре, стремясь вспомнить, где он мог слышать про эти зелёные нити. С каждой минутой их становилось всё больше — они оплетали всю таверну, едва касаясь постояльцев.

— Исцелила!..

— Что, прости? — переспросил Алукард.

Девушка начала рассказывать, как нашла на берегу раненого парня, как в ней пробудился дар и она решила ему помочь.

«Зелёный свет, она назвала его...» — мысли вихрем закрутились в голове мага. Задумчиво он остановил взгляд на груди девушки, пытаясь ухватить ускользающий ответ, который маячил где-то рядом.

Стоп! Как от пощёчины, маг вздрогнул и часто заморгал. Жадно, во все глаза, он принялся изучать девушку.

— Целительница, спустя пятьсот лет! Как я сразу не вспомнил... Этот свет... Он бывает только при этом даре. Такая редкость. Но как? — прошептал Алукард.

Вопросы набатом бились в голове, не находя ответа. «Нельзя её упустить», — мелькнуло в мыслях.

Наконец девушка подошла к моменту, когда рассказала о том, как разыскивала его.

— Я могу тебе помочь, попутчик мне не помешает. Я уйду завтра на рассвете. Мне нужно запастись провизией. Так что срочно убраться отсюда мы с тобой не сможем, — сказал маг.

Девушка моментально побледнела, растерянно глядя на мага.

— Тогда извини за беспокойство, я как-нибудь сама выберусь, — пробормотала она, поднимаясь из-за стола и направляясь к выходу.

— Постой! — Ал рванулся вперёд, хватая Ивей за руку. — Один день. Мы спрячем тебя, побудь здесь всего одни сутки. Сам не веря, что несёт, проговорил я.

— Не могу я раньше уйти, продовольственный мешок совсем пустой. До Академии, даже на Шаризе, лететь дня три. Без еды и воды мы не протянем. Останавливаться в каждой деревне — не вариант, ассасины отца нас рано или поздно найдут, — выпалил маг на одном дыхании.

— У меня нет этих суток. Я и так рискую, оставаясь здесь, — Ивей смотрела на него, скрывая все эмоции. — Шварц, сколько можно тебя уговаривать? Закинуть бы на плечо, связать — и дело с концом. Если бы ты не была целителем...

— Спрячься где-нибудь. Как только мы с Шаризом найдём лавку, где продадут провизию, мы тебя отыщем. Я всё ещё держал её за руку, боясь отпустить.

— Хорошо... Спасибо, — Ивей вырвала руку и спрятала её за спину, растерянно пятясь. — Я буду ждать у южной стены, до полуночи, ни минутой дольше. Спасибо... Ты настоящий друг.

Она развернулась и выбежала из трактира, а следом за ней — пушистая бестия.

— Друг? — Я растерянно смотрел ей вслед.

Ворон сел на плечо, приводя в чувство.

— Похоже, у вас взаимовыгодные отношения. Считаю, подругу по несчастью нашёл.

— Кого?! — Я в смятении повернулся к ворону, глядя ему в глаза.

— Только женщин-соратников мне и не хватало!

— Шариз, уходим! Нужно поторопиться.

— Я полностью с тобой согласен. И чем скорее, тем лучше! — проговорил ворон, глядя назад.

В недоумении я обернулся. На меня смотрели злые, голодные посетители, мечтающие придушить.

— Я тебя прибую, ощиплю и на вертеле зажарю когда-нибудь! — раздался крик Алукарда.

— Всё потом!

Под ругань и крики расправы мы кое-как выскочили из таверны — и, кажется, вовремя. Вслед за нами вылетел табурет.

— Наших быют! — верещал ворон на всю улицу.

— Умолкни, шварц тебя дерит, не кормят тебя, что ли? У чужих ворует? — бранясь на чём свет стоит, я побежал вдоль улицы к рынку, где проходил фестиваль. Уж там-то должны быть продовольственные лавки, которые продадут чужакам.

— У чужих вкуснее! — донеслось мне вслед.

Спустя время

Ивей стояла в тени одинокой плакучей ивы, всего в паре метров от стены.

«Долго ещё ждать огневика... Ала, кажется? — думала она. — Хоть я и сказала, что уйду после полуночи, без его помощи непонятно, как я это проверну».

Устало откинув голову на ствол дерева, она прикрыла глаза. «Интересно, почему он сбежал из родового поместья? За ним погоня похлеще, чем за мной. Если подумать...»

Вздыхнув, Ивей выпрямилась, разминая затёкшую спину.

«Наверняка он за мной ворона отправит, чтобы сверху наблюдал. Под деревом меня могут не заметить», — решила она.

Осторожно оглядываясь по сторонам, словно нашкодивший зверёк, Ивей вышла из укрытия, прислушиваясь и подходя ближе к стене.

— А я думаю, когда же мышь осмелится вылезти из укрытия, — раздался голос за спиной.

Ивей подпрыгнула от неожиданности. Медленно подняв взгляд, она увидела на смотровой башне Хезер, которая лукаво ухмылялась, обнажая свои клыки.

Не успела девушка и глазом моргнуть, как сзади появились двое мужчин. Схватив её за руки, они вывернули их назад. Вскрикнув от боли, Ивей упала на колени.

— Хезер, прошу, хватит! Отпусти! — взмолилась она.

Она попыталась призвать магию, чтобы освободиться, но ищейки крепко держали руки, не давая сделать ни малейшего движения.

В это время владычица спрыгнула с башни, словно камень, оставив после себя внушительное углубление в брусчатке. Видок у неё был изрядно помятый: растрёпанные косы, грязь на щеке, красные глаза с расширенными зрачками.

— Отпустить?.. Ты пришла ко мне в гости, не предупредив. Должна же я была тебя хоть как-то встретить, — произнесла Хезер с насмешкой.

Хезер скептически смотрела на Ивей, которая старалась не выдать дрожи в голосе.

— Предпочту уйти незамеченной!

— К эльфам! — в глазах бакэнэко горел азарт. Наконец-то загнала жертву в ловушку. Как же не радоваться, что целый день слежки не был потрачен впустую. — Они спрашивали о тебе, а я сказала, что ты останешься здесь. А лгать я не привыкла.

Девушка залилась диким смехом.

— Я в очередной раз убедилась, что у тебя совсем с головой плохо, — бросила Ивей.

Хезер резко переместилась к Ивей и, замахнувшись кулаком, ударила её в грудь. Всё произошло настолько стремительно, что девушка не успела ничего понять. Из лёгких выбило воздух. Похрипывая, Ивей жадно глотала воздух, в горле стоял ком, вырываясь наружу хриплым кашлем.

Не успела она опомниться, как оборотни отлетели от неё, а сама она упала на брусчатку, тяжело дыша.

— Ал?.. — еле слышно прошептала Ивей.

Кое-как привстав на руки, она обернулась, пытаясь понять, что произошло. Грудь болезненно саднила, сковывая движения.

Сзади стоял злощий огневик. Волосы его окончательно распустились, струясь по спине огненным водопадом. А с его рук в стороны летели золотые искры.

— М-да, что-то всё сильнее воротит меня от этого города, — с тихой горечью проронил Алукард, страдальчески проводя ладонью по лицу и массируя переносицу.

Шариз, словно тень, парил над головой Ала, с нескрываемым интересом наблюдая за разворачивающейся сценой.

— Ивей, ты что здесь делаешь? Мы должны были встретиться метрах в двадцати отсюда, — строго спросил ворон.

Ивей взирала на него с ошеломлённым видом, не находя слов. Гайя, юркнув с её плеч, засеменила в сторону Алукарда. Проворно перебирая лапками, она вскарабкалась к нему на плечо и, словно маленький невозмутимый наблюдатель, устроилась там.

— Да вот, со старыми знакомыми столкнулась, решила перекинуться парой слов, — с натянутой улыбкой ответила Ивей.

— Понятненько. Ну, тогда полетели отсюда, — бросил Шариз.

Не теряя ни секунды, Шариз начал размахивать крыльями. С каждым взмахом он становился всё больше и больше, пока не разросся до размеров двухэтажного дома. С царственным равнодушием он подлетел к Ивей и, бережно, но крепко обхватив когтями, взмыл ввысь, оставляя мага внизу.

— Постой, а как же он?! — воскликнула Ивей.

— Доверься ему. Тем более, если он не выживет, я его прибью. У него провизия в кармане, — невозмутимо ответил ворон.

— В кармане?

— Женщина, ты не слышала про сумку-склад? Мы скупили всю лавку и сразу к тебе! А тут у тебя... — Шариз перемахнул через стену, плавно спикировав вниз и мягко приземлившись в нескольких метрах от неё.

Глава-8:

Тем временем Алукард

— Шустрый гад облезлый, — процедила Хезер, провожая ворона взглядом.

Обнажив клыки и когти, её лицо стало покрываться мягкой белой шерстью, напоминающей пух, которая расползалась от переносицы к щекам. Её ищейки, разрывая на себе одежду, начали частично обращаться. Зрелище было диковинным: пантеры, барсы... Они стояли на задних лапах, с выжиданием в глазах, обращённые к своей хозяйке.

— Моё имя Хезер, я дочь главы этого клана. Это моя территория, а эта женщина — моя собственность. Ты пренебрег нашим гостеприимством, будь добр ответить за это, — провозгласила она.

— Убить! — взмахнув рукой, она довольно оскалилась.

Немедля, оборотни ринулись вперёд, набрасываясь на мага.

— Дочь главы, значит? — уклоняясь от ленивого удара лапой влево, небрежно поинтересовался парень.

— Заткнись! — с рыком бросилась девушка на Ала.

— Что за крикливая девчонка... — изгибаясь назад, маг увернулся от лапы и, не теряя ни секунды, призвал магию. Телепортировавшись в сторону от неё, он крепко схватил Хезер за шею.

— Ещё раз посмеешь что-то вякнуть в мою сторону — и тебе конец, — презрительно произнёс парень, отшвыривая оборотницу в сторону.

Пролетев несколько метров, она со всего маху врезалась спиной в стену, оставив в ней вмятину. Ал лениво потянулся, выставя руки перед собой.

— Давайте, нападайте, покажите всё, на что вы способны!

Оборотни оскалились, осознавая, что численное преимущество на их стороне. Из толпы отделились двое мужчин, и они тут же бросились на него. Не используя магию, одной рукой он отбросил обоих в сторону.

— Моё имя Алукард Вианский, а о такой наглой девчонке я слышу впервые, — громко произнёс маг.

Оборотни, сами того не замечая, попятились назад.

— Вианский... Это древний род магов в королевстве Эфрон. Они вторые по могуществу в стране после монарха. Прославились своей кровожадностью, их ещё называют карающим мечом империи... — прошептал кто-то из толпы.

Хезер, опираясь о стену, смотрела на Алукарда с ухмылкой.

— Не велика честь — разобратся с болтуном, — выкрикнул кто-то из толпы.

— Нам конец, ребята...

— Дурак, заткнись, а то от двоих получим! — Толпа загудела в смятении, не понимая, от кого больше пострадают.

Ал, не теряя времени, пошёл в их сторону.

— Уж не знаю, хорошие вы или плохие ребята, но за свои действия вы поплатитесь, — холодно произнёс он.

— Да что ты нам сделаешь, а, шкет? У тебя молоко на губах не обсохло! — выкрикнул один из ищеек.

Ищейки разом бросились на него.

— Дрянь... Ну и дрянь, — говорил Ал, отшвыривая их от себя, словно мусор. Призывая огненные всполохи на руках...

Девушка с неверием смотрела в его сторону, медленно пятясь назад, пока не упёрлась спиной в стену. Каменный холод пробирал сквозь ткань, заставляя пальцы судорожно вцепиться в неровную поверхность.

— Какого...! — выдохнула она, губы дрогнули, но голос сорвался на шёпот.

Ал стоял, потягиваясь и зевая.

— Что за дрянная у вас техника боя... — небрежно бросил он, и в голосе прозвучала скука, от которой у Хезер по спине пробежал холодок.

Мужчина поднял руку, собирая на ладони клубок огня. Пламя вспыхнуло с тихим шипением, опалив воздух запахом гари. От шара в разные стороны рванулись огненные щупальца, образуя небольшую воронку вокруг мага. Они извивались, словно живые, отбрасывая пляшущие тени на лица ищеек.

Оборотни атаковали стаей — хаотично, яростно, с рычанием. Ал двигался иначе: плавно, расчётливо.

Ищейки мгновенно замерли, понимая, что дело пахнет жареным. Кто-то из них невольно отступил, шерсть на загривке встала дыбом.

— Спасибо за цирк, ну, не обессудьте... Понеслась! — Ал резким движением направил на них столб огня.

Огненные щупальца устремились в стороны с треском, пожирая воздух. Они таранили западную стену, оставляя глубокие борозды в камне. От оборотней осталась лишь чёрная пыль, оседающая на брусчатку с едва слышным шорохом.

Ал развернулся к южной стене. Руки вспыхнули — два столпа пламени взметнулись над ладонями, мерцая и потрескивая. Разбег. Прыжок. Удар! Стена взорвалась обломками, открывая путь. Камни трескали, как кости, перед тем как рассыпаться в пыль. После удара стены

ещё дрожали — тлели, испуская тонкие струйки дыма. Даже воздух казался гуще — будто опалённый.

— Мать твою за ногу! — вскрикнула Хезер, отпрыгивая в сторону. Её шерсть на загривке встала дыбом, клыки оскалились, но в зрачках мелькнуло что-то новое — не ярость, а... уважение? Она тряхнула головой, отгоняя это чувство.

Ал вышел в проём, настороженно осматриваясь по сторонам. Ивей стояла неподвижно. Глаза расширились — не от страха, а от изумления. Она никогда не видела магии такой силы. Губы невольно приоткрылись, но ни звука не сорвалось — голос пропал.

— Мне даже немного неловко, — робко улыбнулся маг, заводя руки за спину, словно стараясь не напугать девушку ещё сильнее.

— Неплохо ты тут разрушил... — простонал Шариз, нервно взмахнув крыльями.

— Идиот, срочно улетаем отсюда! — заорал ворон. — Слышите? Топот! Они уже близко!

Ивей стояла в ступоре, глядя на мага: город полыхал, сзади бушевал огонь, стена была разрушена, а он всё ещё пытался вести себя дружелюбно.

Парень подбежал к ней, схватил за руку и весело побежал к Шаризу. Птица попятилась в сторону, хлопая крыльями.

— Стой, сначала покажи Гойю! Живую и невредимую! А не то... — он наклонил голову, сверкнув глазом, — ...я тебя здесь оставлю!

Ал замер, затем резко распахнул камзол. В потайном кармане, укутанная в шёлковый лоскут, мирно спала Гойя.

Шариз выдохнул — впервые за вечер — и кивнул:

— Легим.

Ворон взмахнул крыльями, поднимая вихрь пыли.

Ал подхватил девушку за руку, и они бросились к Шаризу, который уже начал расти, размахивая крыльями. С каждым взмахом он становился всё больше, пока не достиг размеров двухэтажного дома.

— Ну чего застыли? Бежим! — поторопил Шариз, когда они оказались рядом. — С обеих сторон кто-то приближается!

Глава-9: Встреча двух друзей

Сутки спустя:

Мы безостановочно летели весь следующий день. Как оказалось, владения Багрового леса были невероятно велики. Казалось, мы целую вечность не могли пересечь его границы — о привале не могло быть и речи.

Зная мстительный нрав Хезер, нетрудно было догадаться, что она отправила за нами погоню. Подпалённая шкура кошки равносильна оскорблённой женской гордости — она так просто не отступится.

Словно подтверждая мои опасения, Алукард то и дело бросал тревожные взгляды вниз, вглядываясь в колышущиеся кроны деревьев. Боюсь даже представить, что он мог там разглядеть с такой высоты. Но, казалось, маг чувствовал опасность — и потому безжалостно подстёгивал острыми носками сапог бока Шариза, заставляя его лететь быстрее.

Моё тело давно затекло. Я из последних сил цеплялась за торс Алукарда, не рискуя даже пошевелиться. Руки онемели до противного покалывания, и я чувствовала, что уже не смогу разжать пальцы. Волосы мага хлестали меня по лицу — шевелюра у него, конечно, шикарная, но остричь её теперь было делом чести.

От скуки я всё же пересилила себя и взглянула вниз, с любопытством рассматривая мелькающие багровые макушки леса. Родные места оставались позади с головокружительной скоростью, и я не успевала понять, над какой частью чащи мы сейчас пролетаем.

Не успела толком осмотреться, как лес внезапно расступился. Шариз стремительно перелетел границу владений оборотней, и теперь было совершенно непонятно, где мы находимся. Внизу простирались бескрайние поля и зелёные посевы, тянущиеся до самого горизонта.

— Неужели... Ал, где мы сейчас пролетаем? — спросила я.

Это было моё первое настоящее путешествие, если не считать коротких вылазок к границе, где торговал восточный город. Томительное ожидание заставляло меня ёрзать — я жадно вглядывалась вниз, в расстилающиеся поля.

— Потерпи немного! Видишь равнину впереди? За ней лес — там и отдохнём! — крикнул Ал.

Из-за сильного ветра, поднимаемого крыльями ворона, я его практически не могла слышать. Хорошо, что огневики сами по себе люди горячие — не прижимаясь к нему, я бы уже совсем окочурилась.

Миг — и мы уже над равниной. Я даже не заметила, как промелькнули поля. Внезапно Шариз сложил крылья и камнем полетел вниз.

Внутри всё похолодело, перед глазами пронеслась вся жизнь. Глаза наполнились слезами, но я старалась не кричать. Уж если умирать, то с честью. Я вцепилась в Алукарда так, что, казалось, его рёбра сейчас треснут, лишь тихонько поскуливала себе под нос.

Но вот до земли осталось всего ничего. Шариз расправил крылья, сделал пару взмахов — и мы плавно приземлились.

— Ивей, можешь немного ослабить хватку, — с едва заметной насмешкой произнёс Ал. По крайней мере, не смеялся — и то хорошо.

Его тон словно молнией пронзил меня. Я выпрямилась, убрала руки с его торса и возмущённо отвернулась. Щёки запылали — в этот миг даже сама королева позавидовала бы моей горделивой осанке. Я сидела прямо, словно аршин проглотила, испепеляя взглядом хвост Шариза.

Через пару минут я резко обернулась, полная решимости высказать всё, что думаю о его хамстве и отсутствии сочувствия. Но в этот момент Шариз взмахнул крыльями — и нас раскидало в разные стороны. Видимо, Шаризу надоела наша перебранка: он начал резко крутиться, сбрасывая нас со спины.

Мне повезло: я угодила в мягкий куст вербены. Слава богу, черенки были молодые — иначе бы я не выбралась из этих колючек. А вот магу повезло меньше: он со всего маху врезался макушкой в ствол дерева, глухо застонав.

— Надоели! Сил моих больше нет! Таскаешь их, таскаешь на своей хрупкой спине. Ночей не спишь, света белого не видишь. Да у меня, может, во рту с утра ни крошки не было! — каркал ворон, в ярости рассекая воздух угольно-чёрными крыльями.

На глазах Ивей он начал таять, уменьшаясь в размерах, пока не превратился в обычную птицу. От его прошлого величия остался лишь лёгкий белоснежный дымок, тающий в воздухе.

— Шариз то, Шариз сё! И так в поте клюва тружусь, а они решили ещё на меня поскандалить. Совсем леший вас подери, обнаглели! — продолжал он, нахохлившись.

Сдерживая смех, Ивей поднялась на ноги. Тихонько выбираясь из куста, она мягко приземлилась, но липкий сок поломанных веток был ужасно пристающим.

«Вот обломала пару веток — теперь благоухать буду, как цветочная клумба», — бормотала про себя девушка, отряхивая одежду.

Робко Ивей начала подходить к птице, боясь спугнуть. Как вдруг прямо перед её носом пронёсся алый шар огня. Он не задел ворона, пролетев чуть выше его головы, едва опалив макушку. Расстояние от Ала до Шариза было незначительным — вряд ли это случайный промах.

Ал полулежал на земле, приподнявшись на локтях. На его лице не дрогнул ни один мускул — он гневно сверлил взглядом птицу, угрожающе вновь выставив вперёд правую руку, призывая огонь.

— В себя поверил? Ты с кем так разговариваешь? Забыл, кому служишь? — без лишних эмоций произнёс огневик. Он поднялся на ноги и, презрительно глядя на Шариза, добавил: — Я не потерплю такого обращения в мою сторону.

Ворон умолк, обиженно посмотрел на хозяина. Громко каркнув, он взмахнул крыльями и взмыл ввысь, улета в южную сторону.

— Ну и зачем ты так с ним? Он ведь правду сказал! — у меня больше не хватало сил разговаривать мило, поэтому я перешла на крик. — Да чтоб тебя шварц подрал, сложно что ли держать магию при себе? Размахиваешь тут огнём направо и налево!

Ал молчал, даже не удостоив меня взглядом. Его больше волновал мундир: торопливо он отряхнул его, расправляя и без того несуществующие складки.

— Чтобы помнил, кто его хозяин. Ивей, он полностью моё творение — огонь ему не навредит.

Он развернулся, осматривая местность.

— Мы на территории чародеев. Не могу сказать, в какую часть страны нас занесло — позже посмотрим по карте.

Пробормотав себе под нос, он достал из кармана небольшой золотой камушек и подбросил его в воздух.

Маг взмахнул рукой, и камень на глазах начал расти, обретая очертания небольшой сумки, которая упала прямо ему в руки.

— Это походная сумка? — не веря своим глазам, я старалась рассмотреть её со всех сторон.

На вид — обычная, если не считать, что она была сшита из чёрной пупырчатой кожи. Простая походная сумка через плечо, без единого узора. Лишь на ремне виднелись крошечные руны, вышитые золотой нитью.

— Знаешь, как с ней обращаться? — Ал открыл сумку, доставая аккуратно завернутые в бумажные кульки и перевязанные тонкой верёвочкой припасы.

— Нет, я... — взглянув на сумку, я вдруг почувствовала, как в голове кубарем пронеслись воспоминания о празднике и Ноэле.

«Эта сволочь кончил в меня, чёрт бы его побрал! Нельзя забеременеть и опять потерять дар. Нужно срочно найти „нулум“, иначе весь побег пойдёт насмарку», — пульсировало в висках.

— Ал, я пойду хворост поищу, — медленно я побрела в сторону чащи, обходя куст злополучной вербены.

— Ивей, постой, сегодня костёр жечь нельзя. Это небезопасно, привлечём внимание, — окликнул маг.

Но я уже не слушала. На всех парах побежала в лес, надеясь, что он не побежит за мной и решит, что я просто не расслышала.

Углубляясь всё дальше в лес, я толком и не знала, как буду её здесь искать. Это тебе не багровый лес — такого цветка здесь может и не быть. Вот только времени на раздумья совсем не оставалось. Мы приземлились, когда уже начинало смеркаться. Сейчас же рассмотреть что-либо было невозможно.

— Ни черта не видно. Я даже ног своих не вижу, не то что траву, — бормотала я себе под нос от досады, топнула ногой, тяжело вздыхая. — Может, чирик попробовать заколдовать?

Удивившись такой простой идее, я начала оглядываться по сторонам. Скорее на инстинктах убеждала себя, что зверья здесь нет и небольшой огонёк их не привлечёт.

Сделав глубокий вдох, я расправила плечи, закрыла глаза.

— Это просто заклинание. Оно должно получиться!

Я попробовала сделать пасс рукой, представляя, как в воздухе загорается чирик — небольшой, летающий и излучающий немного света. Пальцы знакомо начало сильно покалывать.

Приоткрыв сначала один глаз, потом второй, я удивлённо уставилась на светлячок, открыв от изумления рот.

— Получилось! Благодарю тебя, боже.

Над головой образовались два шара, которые практически не излучали никакого света, едва светясь. Я не знала, что делать дальше: не на все заклинания можно было проделать пассом руки. Для каждого нужна была полная концентрация и определённые движения кистей или даже стойка.

— Можно попытаться влить в них немного магии, — сказала я и пристально уставилась на один огонёк, представляя, как он загорается всё ярче и ярче.

Чирик резко начал расти, излучая свет, освещая практически всю чашу, пока не лопнул, осыпаясь белоснежными искрами на траву.

— Слишком много, видимо, магии вложила, — вздохнула я.

Я попыталась проделать то же самое со вторым, на этот раз расслабив кисти рук. Почувствовала, как по моей руке переплетаются невидимые нити магии — они соединялись между собой, направляясь к чирику.

— Нужна всего одна, — с этими словами я напрягла руку, разрывая ненужные. Шар начал увеличиваться в размерах.

— Чёрт, сейчас и этот лопнет... — я нервно встряхнула руками, стараясь прекратить поток магии. Точнее, надеясь, что прекратится.

Чирик замер, перестав расти. Свет, который он излучал, освещал небольшую территорию вокруг меня. Но и этого скудного сияния хватало, чтобы различить тропу впереди.

Спешно двинувшись вперёд, я неотрывно смотрела под ноги, молясь о том, чтобы не повторить вчерашнего головокружительного падения. В голове набатом гудело: «Только бы найти!»

Для женщины-стихийника нет ничего страшнее беременности. В попытке защитить ребёнка организм матери сам отдаёт всю свою магию плоду ещё в утробе, пока у него не сформируется свой дар. До рождения дитя женщина ещё способна управлять стихией, но после магия рассеивается, стихийница становится обычным человеком. Так поддерживается баланс.

В дешёвых свитках, которые я когда-то читала, об этом говорилось вскользь, не раскрывая причины. Почему так происходит, оставалось для меня загадкой. Магия никогда не возвращается к матери — именно поэтому дети магов так ценны. Не каждая осмелится лишиться себя дара, лишь бы подарить миру нового мага.

И сейчас лишь одна надежда — найти нулум. Он любит влагу, поэтому искать его лучше ночью, когда распускаются его диковинные цветки. Стараясь не отклоняться от маршрута, я упрямо шла вперёд, боясь заблудиться в этих проклятых дебрях.

Около получаса я бесцельно бродила, не находя ничего, кроме колючих кустов и скользких камней.

— Проклятье... — выдохнула я, чувствуя, как сердце колотится в груди, а терпение иссякает. Время утекало сквозь пальцы, а эта мерзкая трава словно сквозь землю провалилась. — На рассвете поищу ещё раз, — прошептала я, пытаюсь усмирить отчаяние и повернуть обратно к магу.

Как вдруг...

В ноги мне что-то бросилось, сбивая с ног. Я пошатнулась, беспомощно взмахнув руками, словно пытаюсь поймать ускользающее равновесие. Но тщетно. Кубарем покотившись вниз, я приземлилась на свою и без того измученную пятую точку.

— Да сколько можно?! — простонала я, потирая ушибленный бок и приподнимаясь на локтях.

Из кустов выскочила Гайю и подбежала ко мне.

— Да чтоб тебя! Ты мне мстишь за что-то или просто любишь надо мной издеваться? — спросила я.

Белка активно закивала мордочкой. Непослушный чирик опустился, подсвечивая её.

— Тебя Ал послал за мной? — Гайю согласно закивала. — Идём уже, предательница. Мы с тобой столько всего пережили, а ты меня на мужика променяла.

Поднявшись, я отряхнула бёдра. Неуправляемый огонёк кружил над нами, освещая поляну. Выпрямившись, я в последний раз окинула взглядом место нашего падения, пока чирик окончательно не погас.

— Дура слепая! Да чтоб меня три раза мотыгой огрели! — воскликнула я.

Прямо перед моим носом рос куст, усыпанный золотистыми цветами в форме колокольчиков. Их края были изящно загнуты вверх и причудливо переливались серыми узорами, напоминающими мыльные разводы на воде.

— Я чуть на него не наступила! — пробормотала я, поражённая собственной невнимательностью. — Вот толку создавать свет, если под носом ничего не вижу.

Тяжело вздохнув, я нагнулась, сорвала несколько листьев и сразу же бросила их в рот. Сок нулума убивал всё чужеродное в организме, в том числе и нежеланного ребёнка. Дорогое удовольствие, особенно для жительницы тущоб. За эту редкость на рынке сдирают три шкуры.

Он был очень горьким и мгновенно вызывал тошноту. Ком горечи подкатил к горлу.

— Мне жаль дитя, если оно есть, — прошептала я, стараясь проглотить слёзы. — Но выбора нет. Даже если бы я его оставила, мне нечем себя прокормить, не то что его.

По щекам градом покатались слёзы, мелкая дрожь пронзила всё тело. Сделав обречённый шаг, я осела на землю. Ноги отказывались держать, а глаза заволокло пеленой слёз. Единственное, на что хватило сил, — сесть, поджав колени и спрятав лицо в них. Непослушные локоны, выбившиеся из пучка, упали на лицо.

Гайю сидела рядом, уткнувшись мордочкой в мою руку. Казалось, она понимала, что я творю.

Я ждала, когда начнётся жар и трава начнёт действовать. Мне было противно от самой себя. Ребёнок ни в чём не виноват. Я ничем не лучше своей матери.

Дрожь была всё сильнее, а сердце колотилось в груди, разгоняя кровь по венам.

— Людям свойственно совершать ошибки, — прозвучал тихий голос. Шершавая, тяжёлая ладонь погладила меня по голове.

Не ожидая этого, я отпрянула в сторону, словно меня ошпарили. Холодный пот выступил на спине, а сердце застучало так громко, что, казалось, его слышат все вокруг.

Ал сидел рядом на корточках и с сочувствием заглядывал в мои глаза. В его взгляде не было ни осуждения, ни любопытства — только искренняя забота.

В горле у меня встал ком, а во рту резко пересохло. Я хотела ему ответить, но из горла вырвался только хрип. Парень тяжело вздохнул, осторожно провёл рукой по моей щеке, стирая слёзы.

— Да, я всё видел, и да, я знаю, что это за дрянь, — тихо произнёс он. — Мне всё равно, что с тобой произошло, и я тебя не осуждаю. В таверне ты сказала, что я твой друг, так что позволь мне поступить так.

Аккуратно, будто я была пушинкой, он поднял меня на руки и направился к лагерю. Я была в шоке — меня не то отчитывали, не то мне сочувствовали. По-хорошему, мне бы следовало возмущаться, но всё вокруг плыло в тумане, звуки доносились будто издалека. Ал бережно прижал меня к себе и через пару минут вынес на нашу стоянку.

Под деревом было аккуратно расстелено огромное покрывало, обшитое бурым мехом. Не говоря ни слова, он опустил меня на него и отошёл к сумке.

«Одно покрывало на двоих», — пронеслось в голове. Я, конечно, всё понимаю: он сам в бегах и не рассчитывал на мою персону, и я должна быть благодарна. Но это вовсе не успокаивало.

Гайя прибежала ко мне, заваливаясь под бок, и тут же уютно свернулась клубочком. Алкард, покопавшись в сумке, достал металлическую флягу и что-то бросил в неё. Тяжело вздохнув, он подошёл ко мне и протянул флягу со свёртком.

— Шариз недалеко здесь летает, нашёл подружку. Сказал, раньше утра его не ждать, — пояснил он.

Я приподнялась на локтях, взяла из его рук флягу с водой и положила рядом на покрывало. По дну что-то скользило, судя по звуку — небольшое. Нормит, скорее всего. Парень уселся рядом, разворачивая бумажный кулёк, в котором лежали ломтики вяленого мяса, жареные овощи, сладкий нарезанный соломкой перец и огурцы.

— Костёр лучше не зажигать, поэтому только так, — сказал он. — Ассасины моего отца — не те коты облезлые. После такого цирка будут искать, невзирая на границы государств. Ты давай пока приходи в себя, а я пойду защитную печать поставлю, а то нас видно, как на ладони.

На этих словах маг многострадально провёл рукой по лицу, затем схватил один ломтик мяса и протянул мне кулёк.

— Ешь, — коротко бросил он, встал и направился в сторону чащи.

А меня, наконец, начало отпускать понемногу. Кроме слабости в теле ничего не осталось. Подрагивающими пальцами я схватила фляжку и покачала её из стороны в сторону. Камушек всё так же шуршал на дне, катаясь.

— Значит, мне не показалось, — пробормотала я. — Ладно, не в моём положении выбирать.

Откупорив крышку, я сделала несколько больших глотков. В животе жалобно забурчало. Я наклонилась к кулёчку и взяла ломтик вяленого мяса.

— Ну, попробовать можно, вдруг съедобное, — попыталась я пошутить, но голос прозвучал слишком хрипло.

На вкус получилось пересушенное мясо с острым красным перцем. Ничего, лучше это, чем вообще ничего. Съев пару ломтиков, я наелась, запивая всё водой. Разбудила Гойю, указывая на овощи, чтобы перекусила. Она, лёжа, подползла передними лапками к овощам, придирчиво хватая их и запихивая в рот, даже не поднимаясь.

Я встала на ноги и направилась в сторону, куда ушёл Ал. Он оказался не так уж и далеко — выжигал что-то на траве. Я подошла ближе, присматриваясь. Сложив указательный и средний пальцы, он вызывал небольшие всполохи огня на кончиках пальцев. Они быстро поджигали траву: круг, а в середине — шестиконечная звезда, по бокам — два маленьких кружка.

— Что это? — пытаюсь лучше рассмотреть, я не заметила, как спросила громко.

Плечи мага дрогнули, выдав его испуг. Тяжело вздохнув, он обернулся в мою сторону.

— Ивей! — развернувшись ко мне, он театрально схватился за сердце. — Я тебе подвеску на шею сделаю с бубенчиком, чтобы мужчин до шварсов в глазах не пугала.

На лице Ивей появилась улыбка, а щёки залила румянцем. Она не ответила, стараясь сдерживать смех.

Парень сцепил руки за головой в замок и улыбнулся. Видимо, этого он и добивался.

— Что это за знак? — пробормотала девушка, переводя взгляд с него на печать.

Ал на мгновение замер, затем его глаза потемнели, а улыбка исчезла с лица. Уставившись отстранённо на ноги Ивей, он наконец заговорил:

— Эта печать принадлежит семье Монро, — произнёс он тихо. — Их род ещё называют щитом империи. Они занимаются безопасностью императорской семьи и территорий, находя-

щихся под их контролем. Эту печать придумал их далёкий предок. Ею пользуются только три главных аристократических клана. Печать Лунис гораздо сильнее любых из существующих защит. Она создаёт непроницаемый прозрачный купол вокруг хозяина. С внешней стороны ни её, ни нас не видно.

Я жадно слушала, улавливая каждую фразу. Видя мой интерес, Ал, наконец, по-обычному улыбнулся.

— Ладно, пойдём, целительница, спать пора. Нам завтра ещё на местное кладбище топтать.

— Зачем...? — Ивей ошарашенно отступила на шаг назад от огневика.

— Только не говори, что мертвецы пугают такую смелую девицу! — злобно ухмыляясь, он снова начал подшучивать.

Он молчал, уклоняясь от вопроса, издевательски улыбаясь.

— Ну всё... — прошипела Ивей.

Не говоря ни слова, девушка быстро подбежала к магу и, прыгнув, сделала ему звонкий подзатыльник. Довольная своей безнаказанностью, Ивей сразу же побежала в сторону лагеря, не дожидаясь возмездия.

— Что творишь, женщина! — воскликнул он, стараясь догнать её.

Я пыталась убежать, змейкой виляя из стороны в сторону, чтобы мне было сложнее поймать, стараясь не оглядываться назад. Ала не было слышно. Обернувшись всего на секунду, я пыталась его увидеть, но его не оказалось. Переведя взгляд вперёд, я не успела заметить, как влетела в грудь мага.

Отпрянув от мужчины, как от огня, девушка схватилась за ушибленный нос, закрывая его руками. На глазах выступили слёзы.

— Нос цел? — он положил свои руки на мои плечи, немного сжимая их.

— Цел, — прошептала я, шмыгнув носом.

Ал лукаво улыбнулся.

— Это хорошо... — Через мгновение он резко подхватил меня под бёдра, забрасывая на плечо. Развернувшись, он направился к поляне. Протестуя, я начала размахивать ногами, пытаясь ударить парня в лицо.

— Будешь рыпаться, спать отправлю за купол. — А ты отпусти меня, изверг!!!

— Чтоб опять руки распускала на приличных мужчин? Ну нет, тут главный я. Раз уж навязалась, принимай такие правила, — бросил Ал, подталкивая Ивей вперёд.

Мы быстро, под крики и брань, дошли до покрывала, и он грубо скинул меня на землю. Маг стал скидывать с себя сапоги и мундир, бросая мне, чтобы накрыться. Гайя уже пятый сон видела: свернувшись калачиком, она спрятала мордочку в хвостик, едва заметно подрагивая во сне.

— Зачем нам завтра на кладбище? — Ал улёгся рядом, сцепив руки за головой, и уставился на звёзды.

— Друга подобрать нужно. Я с ним ещё неделю назад связался через Шариза, а один боюсь — дорогу до академии не потяну, — тихо ответила Ивей.

— Значит, ты уже учишься в академии? — он повернул голову, изучая её лицо в свете луны.

Ивей внимательно смотрела на него. Парень, ещё несколько мгновений назад светившийся весельем, теперь наслаждался моментом тишины, не выказывая эмоций.

— Нет, мы с ним оба в бегах и только собираемся поступать на первый курс, — Ал снова посмотрел на звёзды. — Ну давай, спрашивай. Вижу, что не терпится.

Нахмурившись, Ивей уже было открыла рот, но в тот же миг передумала возмущаться. Вместо этого она тихо спросила:

— Почему ты сбежал?

— Ты что-нибудь слышала о моём роде? — в голосе Ала прозвучала горечь.

— Нет... — к горлу подкатил тугой ком.

Ал улыбнулся, поворачивая голову назад и вновь устремляя взгляд на звёзды.

— Ивей, я не из этого мира. Мой род проживает далеко, в мире, который называют Нолурия. Это огромные материки, полные богатства. Моя родина — Эфрон, где ныне правит престарелый император Андриель. Прямых наследников у него нет, лишь бастарды, расплодившиеся по всей стране. Народ никогда не примет на трон отпрыска грязнокровного монарха.

Самые влиятельные аристократические семьи, приближённые к императорскому двору, правят Эфроном, пока император бездумно растрачивает казну. И среди них первое место занимает мой род — Вианские. В народе нас зовут Мечом Империи.

Есть вторая по власти семья, как я тебе уже говорил, — Монро, Щит Империи. И последняя семья — Фаеленор, которая заведует всем на материке.

В Нолурии живут и гномы, осевшие в ледяных горных хребтах на границе. По соседству с ними раскинулось княжество колдунов — Дангенос, которым управляет князь Лейкор с двумя сыновьями.

Дальше, соседями колдунов, обитают древние создания — эльфы рода Энурада. Высокие, статные, они отличаются от прочих сородичей алыми, словно объатыми пламенем, волосами, Ивей. Уже много веков ими правит владыка Аммарел.

А на юге, за хребтом дремлющих вулканов, живут Вирмы — один из родов драконов, их прямые родственники. Меняя облик, они обращаются в огромных змееподобных драконов с жёлтой чешуёй, без лап и крыльев. Обитают они преимущественно в воде.

Ивей, людям в моём мире живётся нелегко. Самая мелкая монета у нас — серебряная. Серебро и золото — в ходу. В Нолурии процветает нищета. У нас полно ископаемых и драгоценных камней, но большая их часть находится на территории Вирмов и гномов. Город гномов — Уримар — уходит глубоко в толщу гор.

— Я убийца, — произнёс он тихо, и в голосе прозвучала усталость. — Мой род на протяжении всего своего существования оказался на подкачках империи. Мы, по сути, не отличаемся от ищеек той девчонки. С детства нас заставляют выживать, тренируют и обучают, устраивая так называемые бои, призом в которых будет лишь возможность продолжать своё жалкое существование.

Преданность роду и императору — вот что превыше всего. Единственный способ остаться в живых — стать следующим главой рода. — Парень сжал руки в кулаки. — Иначе рано или поздно подохнешь в какой-нибудь канаве. Старшим повезло, они растут без страха, а младших ждёт смерть. Нас закаляют, обучают. Не чувствовать боли, страха и любого другого чувства — это главное. Приказ императора — важнее всего. Не важно, что с тобой будет, ты обязан исполнить его ценой своей жизни, иначе позор на всю семью.

Маг устало прикрыл глаза.

— Ивей, я один из старших, мои руки по уши в крови, крови собственных братьев и сестёр. Две недели назад меня призвал император, а отец без колебаний отправил меня к нему. Только бантика на голове не хватало и записки «новая псина в подарок».

Как оказалось, император — идиот и порочный человек. Ему отказала в близости вдова одного обнищавшего рода. Ладно бы просто отказала, так она так из его рук вырывалась, что в лицо ему плюнула. За это он приказал вырезать всю её семью, вплоть до дальних родственников. Я был готов исполнить приказ, пока... не увидел, как она с лаской играет с сыном... Совсем малыш ещё. Три года где-то от роду.

— Ивей, я сбежал, призвал Шариза и улетел. Периодически я отправлял ворона в поместье тайком — за деньгами или сумкой. Но в последний раз ворона заметили, и отец отправил за нами ассасинов-наёмников. Вот и вся история. Ты не у того мага просила помощи, я сам

по уши увяз в крови и дерьме. Академия — единственный выход, чтобы отречься от рода и остаться в живых. А теперь спи, целительница, завтра нас ждёт тяжёлый день.

Ал повернулся на бок, спиной ко мне. Тяжело дыша, его спина дрожала, выдавая волнение.

А я сидела, словно рыба, выброшенная на берег. Шевелила губами, но не знала, что сказать. Он открылся мне, рассказал всё. Скорее всего, ему просто нужно было выговориться, но всё же...

Я легла на покрывало, поворачиваясь к нему. Нерешительно взяла локон его волос в руку, стараясь не тянуть слишком сильно. Не знаю, зачем, возможно, чтобы убедиться, что он не пропадёт никуда. Глаза сами собой закрывались, а мысли кубарем проносились в голове.

— Завтра со всем разберёмся, — прошептала я, проваливаясь в сон.

Утро Алукарда:

— Просыпайтесь, лежебоки! Уже солнце вовсю печёт, а вы разлеглись! Караул, среди белого дня разврат! Что ж это делается, улица аристократов в людях убивает! Где манеры, где манеры... — раздался над ухом противный голос Шариза.

Голова трещала от боли, отдавая в виски. Слишком много магии потратил вчера на тех облезлых котов и подпитку барьера. «Чёрт, как бы сознание не потерять, — подумал Ал. — Девчонка, скорее всего, испугается. После вчерашнего она и так напугана. Искала спасителя, а наткнулась на побитого мальчишку. Да ещё эта сволочь горлопанит с утра пораньше».

Не выдержав, маг лениво взмахнул рукой, отправляя столб огня в ворона. Тот, словно тень, уклонился, но, к счастью, хоть замолк. И на том спасибо.

Сквозь пелену сна Алукард приподнялся на локтях, шаря взглядом в поисках ворона. Тот, приземлившись поодаль, принялся шуршать. «Мясо нашёл, проглот, лишь бы брюхо набить», — усмехнулся про себя маг.

Стараясь не нарушить тишину, мужчина осторожно повернулся к спящей девушке. Она безмятежно сопела, крепко сжимая в ладони прядь его волос. «Не хотелось будить, вчера до изнеможения набегалась, даже ворчливого идиота не услышала», — подумал он с лёгкой улыбкой.

Осторожно высвободив локон из её пальцев, парень поднялся и направился к сумке, доставая карту. Импульс магии озарил свиток, прокладывая маршрут до Бальдора.

На пергаменте начали проступать причудливые узоры. Лес возник из ниоткуда, пронизанный паутиной разноцветных нитей. Среди них выделялась пульсирующая, жирная чёрная нить, тесно переплетающаяся с алым следом магии Алукарда и изумрудной линией Ивей. Она уходила вглубь чащи и обрывалась у старого дерева.

«Потоки магии — более точной карты для поиска одарённого не найти», — подумал маг.

— Отброс недалеко, — гримаса исказила лицо мага. С отвращением свернув карту, он спрятал её обратно в сумку.

Бальдор был... бастардом. Отпрыском рода Лигни. С рождения — пленник чародеев. Якобы ради перемирия между государствами: ненужный ребёнок в обмен на ненужный мир.

Ирония судьбы: самым талантливым некромантом в семье оказался именно он. Род Лигни, опомнившись, всеми силами пытался вернуть его в родное поместье: отправляли гонцов, наняли искателей, плели магические сети. Но некромант ухитрился сбежать, оставив всех с носом.

Бальдор навсегда исчез в лесной глуши, и с тех пор о нём ходили лишь слухи — то ли он укрылся в древних руинах, то ли заключил сделку с духами леса.

Мы провели вместе всё детство. Отец часто отправлял меня к чародеям — в основном к Владычице Мелессите, у которой и жил Бальдер. Она жила в ветхой башне на окраине болот, окружённая склянками с мутными жидкостями и клетками с дрожащими зверьками.

Мелессита очень любила создавать яды, а отец любезно ей предоставлял зверушек для их проверки. Помню, как в восемь лет я впервые выпил разбавленный настой — просто чтобы доказать, что не трус. Тогда-то всё и началось...

В какой-то степени я благодарен Мелессите. С возрастом мой организм выработал иммунитет к ряду ядов. Вот только этот иммунитет нужно поддерживать — а сам я стал от них зависеть.

Без отравы мой организм начинало ломать в судорогах, будто каждая клетка восставала против меня. Кожа покрывалась липким потом, в ушах стучала кровь, а перед глазами плясали чёрные точки. Сколько я ни пытался пересилить собственный организм — не смог. А потом и вовсе перестал пытаться избавиться от зависимости.

В моей семье, где каждый пытается перерезать друг другу глотку, это стало отличной защитой.

Единственный, кто согласился мне помочь, когда я сбежал, стал, как ни странно, Бальдер. Шариз — болтливая птица — наткнулся на него в лесу, когда тот собирал корни для зелий. Наёмники чуть не поймали ворона — их псы уже взяли след. Ну и благодарный Шариз разболтал отбросу всё.

А тот... предложил помощь. Внимательно выслушал его историю, не перебивая, а потом молча протянул флягу с мутной жидкостью.

— Это поддержит его на пару дней, — сказал он. — Но помни: я даю лишь неделю. Иначе уеду на вступительные экзамены один.

Алукард, вернув карту в сумку, достал гребень и заколку.

— Как же я ненавижу всё это, давно бы обрезал! — бормоча проклятия, Алукард принялся расчёсывать непокорную шевелюру. После вчерашних приключений волосы превратились в один сплошной колтун. Собрав их в тугий хвост, маг страдальчески потёр виски, пытаясь прогнать остатки сна.

— Давай-давай, и без того мы в плачевной ситуации, так он ещё и силы решил убавить, просто молодец, — Шариз злорадно каркал, действуя на нервы.

— Да чтоб тебя... Шариз, ещё одно слово, и можешь быть уверен — я не промахнусь!

— Глядите, какие мы обидчивые, на правду обижаемся, — ворон начал чистить перья, явно довольный произведённым эффектом.

— Вообще-то нам выдвигаться пора. А то из меня тут отца хотят сделать, — маг вопросительно взглянул на ворона. — Не смотри на меня так. После сегодняшней ночи одна нервная сорока не желала меня отпускать. Как только выдался удобный момент, я и удрал.

Шариз резко замолчал, настороженно склонив голову.

— Слышишь? — прошипел он.

Алукард замер, прислушиваясь. Где-то вдалеке, за деревьями, раздался треск веток и приглушённый голос.

— Наёмники? — прошептал маг, хватаясь за сумку.

— Хуже, — мрачно ответил ворон. — Это люди отца. И они знают, где нас искать.

Правый глаз мага нервно задёргался. Вытянув руку, он призвал магию. Алые потоки окружили птицу, и через мгновение ворон превратился в белый бесформенный шар, пульсирующий в воздухе. Он замер на месте всего на пару секунд, пока магия вновь не взяла его в кольцо, увлекая за собой в руку хозяина. Крепко сжав кулак, Алукард почувствовал, как Шариз осыпался искрами на землю.

«Мне надоело это терпеть», — и он тут же отозвал его обратно. Но в одном ворон был прав: они и так слишком задержались. Быстро послав импульс, Алукард уменьшил сумку до размера камня, поймал её на лету и побежал будить Ивей. «Надоел — у Бальдора выпущу обратно», — подумал он. Сердце тут же кольнуло: ворон был недоволен и требовал свободы.

— Ивей, быстрее вставай! — Ал тряс девушку за плечи, пытаясь разбудить. — Давай же, времени нет. Или я тебя засуну в карман — и не вини меня потом.

Девушка проснулась, сонно хлопая глазами. Выпавший из пучка гребень освободил копну белых волос, рассыпавшихся по её спине.

— Как ребёнок, ей-богу! — Рядом валялась белка, задрав лапки кверху и подставляя пузо солнцу. — Вся в хозяйку!

— Куда? Что? — Не дожидаясь, пока девушка окончательно проснётся, Алукард схватил её за руку и рывком поднял на ноги. Быстро откинул белку на траву и, скрутив покрывало, убрал его в карман.

Ивей, плюнув на всё, просто замотала волосы в пучок, закрепив гребнем.

— Напомни мне, когда будем в городе, закупить тебе заколок. Всё-таки ты девушка, — произнёс он.

Она была всё ещё полусонная и даже не огрызалась. «Чёрт с ней», — подумал Алукард. Схватив Ивей за руку, они побежали в чашу. Деревья, кусты — всё казалось одинаковым, а времени не было. Густые кроны почти не пропускали солнечный свет, и под ногами то и дело попадались корни, готовые подставить подножку. Воздух был пропитан запахом сырости и прелой листвы, а где-то вдалеке ухала сова, будто насмехаясь над их спешкой.

— Бальдер уедет к полудню, если не добегу вовремя, — задыхаясь, произнёс Алукард. — Так вот, Ива, там направо.

Белка, которую он откинул на траву, теперь скакала следом, перепрыгивая с ветки на ветку, и Ивей невольно улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

К горлу вдруг подкатило тошнота, а во рту разлился металлический привкус. Алукард остановился как вкопанный, отпустил руку Ивей и успел лишь опереться о ствол дерева. Подрагивая, он прикрыл рот рукой, плотно сжав губы. Раздумывал, куда свернуть, чтобы не пугать девушку. Но было слишком поздно: тугой ком подкатил к горлу, а живот свела мучительная судорога.

Его начало рвать кровью. Плотные сгустки кровавым комом стояли в горле, не давая толком даже откашляться. Отвратительное зрелище. Он чувствовал, как силы покидают его, будто сама магия высасывает жизнь капля за каплей. В голове пронеслось: «Бальдер предупреждал... Нельзя так часто выходить за резерв».

Не знаю, сколько минут они так простояли, но, когда отпустило, Алукард беспомощно упал на колени, пытаясь отдышаться. Пот струился по вискам, а перед глазами всё ещё плыли тёмные пятна.

— Ал, ты... — Она подбежала к нему, обхватила руками его голову. На её руках появился зеленоватый свет, но он тут же дрогнул и погас. — Идиот, знал, что так будет? Всё торопился, — её голос дрожал, в глазах стояли слёзы.

— Успокойся! — Он ободряюще взял её за руки, не давая прикоснуться. — Такое бывает, когда выходишь за пределы своего резерва магии. Чтобы дальше колдовать, отдаёшь свои жизненные силы. Переборщил вчера... Ты ничем не можешь, тут до некроманта терпеть нужно.

Ивей закусил губу, сжимая кулаки. Она ненавидела чувствовать себя бесполезной. «Может, если я попробую ещё раз? Или хотя бы дать ему воды...» — но маг лишь покачал головой, тяжело поднимаясь на ноги.

Резерв — вот предел магии, та невидимая граница, что определяет возможности и способности каждого мага. Как ни странно, наибольшим резервом обладали представители высших сословий. Маги редко заключали браки с «неодарёнными» (теми, кто не владел магией): сила крови даровала их потомкам почти безграничный резерв, неуклонно растущий с возрастом. Но стоило магу выйти за пределы дозволенного, магия требовала плату — жизненные силы. Восстановление после этого было долгим и мучительным.

Алукард на мгновение закрыл глаза, вспоминая последнюю встречу с Бальдером. Тот стоял у старого дуба, хмуро глядя на карту. — Ты опять играешь с огнём, — сказал он тогда. — Один неверный шаг — и магия начнёт пожирать тебя изнутри. — Зато я могу делать то, что другим не под силу, — усмехнулся Алукард. Бальдер лишь покачал головой. — Однажды это тебя погубит.

«Может, он был прав», — подумал маг, с трудом выпрямляясь.

Это касалось только элементарей. Люди, владеющие природными стихиями — будь то вода, огонь, земля или воздух, — целители и алхимики — не платили за использование магии. Они и были её частью.

Стихийники — частицы магии, обретшие плоть и разум благодаря благословению богини Амриты. Они необходимы для поддержания природного баланса и, покинув мир живых, не попадают в царство смерти Иссаэль. У элементарей не было души: их тела рассыпались прахом, а сами они возвращались в чертоги богини магии Амриты.

Чародеи же пользовались магией при помощи магических артефактов: посохов, мечей, палочек. Без них они не могли призвать её. Магия циркулировала в артефакте и позволяла использовать её в необходимых количествах без вреда для владельца, облегчая управление заклинаниями.

А ведьмы и колдуны... Они посвящали магии всю свою жизнь и периодически приносили подношения: сладости, вино, кровь животных. Им было проще всего: магия передавалась по родству — через поколение — либо выбирала сама своего владельца, обычного человека. Они могли использовать и артефакты, помогающие лучше контролировать магию, но с ограничением: ворожить в полную силу с их помощью они не могли.

— Ты весь дрожишь, я должна... — Глаза девушки забегали, не зная, за что зацепиться. Вся подрагивая, она пыталась чем-то помочь.

— Ты слаба! — сорвался я, накричав на неё. Она сразу замолчала, смотря на меня.

Парень моментально успокоился, посмотрел на девушку и потрепал её ободряюще по голове.

— Послушай, твой дар только пробудился. Тут быстро поможет лишь поделиться магией. Хочешь, как я, кровью блевать?

Ивей опустила взгляд, как нашкодивший котёнок, прикусывая нижнюю губу, не говоря больше ни слова. Пошатываясь, Алукард поднялся на ноги, взял девушку за руку, и они побежали дальше.

— Ивей, ищи две сросшиеся между собой сосны! Мы стоим в центре чащи, ищем чёртв ход к его дому!

— Вон там! — Ивей потянула его в сторону, указывая на две сосны, чуть ли не ткнув носом.

— Что теперь?

— Лезь.

— Чего?! — Махнув рукой на Ивей, он первым начал перелезать через пространство между соснами, проходя сквозь завесу.

Не успел толком встать на ноги, как на него навалилась туша сзади.

— Чего встал? Знал, что полезу!

— Да не сразу же за мной! Тут есть узкое пространство — метр на метр. — Ивей тяжело вздохнула, ухватила покрепче за хвост его волос и потащила к дому, еле поспевая за девушкой. Маг вертел головой из стороны в сторону, пытаясь освободиться.

Некромант удивил с выбором дома. Двухэтажный дом из белого кирпича, с тремя башнями по бокам, каменное крыльцо без перегородок, коричневая черепица и со всех сторон окна с деревянными ставнями.

— И где кладбище обещанное, обманщик? — Отпустив его хвост, Ивей жадно рассматривала дом, пока маг, злобно пыхтя, сверлил её ненавидящим взглядом.

— Сам не знаю, но он предупреждал, что будет.

— Может, его нет, уехал уже? — Она пожала плечами, осматриваясь.

— Нет, дом привязан к его хранителю. Если б его не было рядом, он бы исчез.

Хранителей извращённо использовали в тёмных ритуалах. Призывали дух из мира мёртвых Иссаэль, заточали его в предмет, насильно заключая в темницу. Осквернённый дыханием смерти, побывав в ледяных объятиях иного мира, дух приносил с собой частицу потусторонней магии. Их обращали в безмолвных стражей домашнего очага, в помощников при свершении сложнейших заклинаний. Но главным оставалось сохранить хрупкий сосуд хранителя нетронутым, ибо трещина в нём — врата, распахнутые обратно в мир мёртвых: дух, освободившись, неминуемо вернётся туда от куда пришел.

— Как его хоть звать, мертвяк подойдёт? — Маг звонко засмеялся, поднимаясь по крыльцу.

— Пойдёт. Можно просто Бал-Бал его называть, — усмехнулся Ал..

Аккуратно, медленно парень приоткрыл дверь, держа девушку за спиной, не давая зайти первой. Мало ли ловушки или обманки.

Просторная комната с фиолетовыми обоями. Рядом с дверью ввинчены вешалки для одежды с двумя плащами. Вся стена в полках с книгами и бумажными макетами частей тела. Посредине комнаты был небольшой участок стеклянных плит на полу, справа — дверь в другую комнату, вниз вели ступеньки. Надеясь на удачу, маг направился к ним.

Ступени вели в небольшую каморку, приютившуюся в углублении. Справа возвышался шкаф. Инструменты смерти и созидания — ножи, пилы, мотки ниток — заполняли его до отказа. У окна висела небольшая доска, исписанная формулами. Под ней приютился длинный стол, на котором зловеще покоились три мужских головы и один череп, источавший могильный смрад. Рядом со столом, словно стражи, стояли две кожаные сумки.

Ивей надоело стоять. Она несмело шагнула вперёд из-за спины мага, приближаясь к жуткому столу.

— Ивей, немедленно вернись! Они... опасны, — предостерег он.

— Да ладно, хоть не разлагаются — и на том спасибо. Интересно, чьи это головы?

— Боюсь даже представить... — пробормотал маг, подходя ближе и с отвращением рассматривая жуткую картину.

Ивей, заворожённая, изучала череп. Его форма казалась странной: выпуклый лоб, глубоко запавшие глазницы. Девушка со всех сторон осматривала его, но не решалась взять в руки.

— Чего уставились? Успел всё-таки... Где ж ты красотку подобрал? — вдруг прозвучал скрипучий, хриплый голос.

Череп резко щёлкнул челюстью, а в его глазницах вспыхнул зловещий синий свет.

— Хранитель?! — ахнула Ивей.

— Как раз вовремя. Хозяин где? — спросил Ал и невольно посмотрел на Ивей.

Он ожидал увидеть ужас, но Ивей, напротив, с неподдельным интересом смотрела на говорящий череп.

— Да кто ж его знает, целую ночь бродил невесть где, следы заметал. То эльфы по округе шастают... — Ивей вздрогнула и прикусила губу. — Отродясь их здесь не водилось. То ассасины у прохода шныряют.

— Слушай, Лиром, — Ивей осторожно покрутила череп в руках, разглядывая трещины на его поверхности. — А ты всегда был таким... разговорчивым?

— Конечно! — гордо ответил хранитель. — Я вообще самый остроумный череп во всём королевстве. Жаль, никто не ценит.

— А почему именно череп? — продолжила расспрашивать девушка. — Почему не какой-нибудь амулет или книга?

— Потому что я был лучшим алхимиком своего времени! — с гордостью заявил Лиром. — Пока один завистливый маг не решил, что мои знания ему нужнее. Вот и заточил меня в этом... теле.

— Ужасно, — прошептала Ивей.

— Да ладно, не переживай! — бодро отозвался череп. — Зато теперь я бессмертен. И могу пугать гостей. Кстати, а ты вкусно пахнешь. Чем?

— Травами, наверное, — улыбнулась Ивей. — Я собирала их утром.

— О! — оживился Лиром. — У меня есть рецепт зелья, которое заставляет волосы расти в три раза быстрее. Хочешь расскажу?

Алукард, слушавший этот диалог, только покачал головой. — Ивей, не верь ему. Последний, кто послушал совета Лиром, три месяца ходил с бородой до колен.

— Ну и что? Зато густая была! — возмутился череп.

— Уважаемый хранитель, а можно узнать, чьи это головы? — невинно поинтересовалась Ивей.

У мага отвисла челюсть. Он смотрел на девушку, не в силах подобрать слова.

— Ты точно в своём уме? Тебя это всерьёз интересует? Я тебя вчера головой об землю приложил, когда сбрасывал на покрывало!

— О-о-о, ты ж моя краса! Во-о-от, учись, а ещё аристократ! Никаких манер и уважения к старшим. Всё Балю расскажу...

— Девонька, эти головушки — ассасинов, которые в проход зашли. Отличный расходный материал для опытов.

— Правда? А поподробнее можно узнать, как вы будете их использовать?

— Да ты это у хозяина спроси, он во дворе бродит. Для чего они ему, я так и не понял. Да ты возьми меня на руки, надоело мне здесь сидеть, хоть с тобой прогуляюсь...

— А как вас зовут?

— Лиром меня зовут... — Гойю выползла из кармана Алукарда, перепрыгивая на плечо Ивей.

— Нельзя его из дома выносить, разрушится без хранителя...

— Ну, так ты иди разбирайся с хозяином, а я с красой с крылечка посмотрю.

— Хорошо... — У Алукарда просто отняло дар речи. Без тени колебаний или брезгливости Ивей взяла череп в руки, прижала к себе и направилась к выходу.

— Пошли, а то помрёшь раньше времени, сам сказал, магия тебе нужна, — прокричала Ивей.

— Да брось его, нужен он нам! Хозяин у меня жених завидный, знаешь, какой красавчик! — Алукард побежал за ними. — Ивеей, не слушай его, он плут и подлец каких поискать!

Они вышли на крыльцо, и, махнув рукой, Алукард спустился, оглядываясь в поисках Бал-Бала.

— Завидный, ага, не то слово!

Во дворе, среди клумб с чёрными розами, стоял Бальдер. Он склонился над небольшим алтарём, высеченным из цельного куска обсидиана, и что-то бормотал, проводя пальцами по рунам. При виде Алукарда и Ивей он выпрямился, и его губы тронула усмешка.

— Наконец-то добрался, — произнёс он, отряхивая руки. — Вижу уже познакомился с Лиромом.

— Этот... череп — твой хранитель? — Алукард кивнул в сторону Ивей, которая всё ещё прижимала к себе говорящий артефакт.

— Он самый, — Бальдер подошёл ближе, внимательно разглядывая девушку. — И, похоже, он к тебе проникся, Ивей. Редкий случай. Обычно Лиром отпугивает всех гостей.

Глава-10:

Ивей:

Мне было всё здесь интересно, даже сам хранитель, хоть поначалу и вызывал испуг, но он быстро прошёл. Осматривая дворик, я и не заметила самого хозяина.

— Ты опоздал, — некромант потерял всякий интерес ко мне оборачиваясь к Алукарду. .

Он был высоким, статным, с более натренированным телом, чем у Ала. Широкие плечи, массивная фигура. Он стоял справа от Ала, что давало мне возможность рассмотреть его. Выбритые виски, чёрные волосы, туго зачёсанные назад и заплетённые в косу длиной до икр. По волосам было видно — силы в них не меньше, чем у мага. Острый нос, чёрные брови, узкие светлые голубые глаза, волевой подбородок и шрам. Справа, начиная от виска, шли пересекающиеся шрамы, образуя форму креста и задевая уголок глаза. Правое ухо было проколото на хряще, и в проколе красовались две серебряные серьги-кольца. На шее виднелась чёрная татуировка в виде двух ромбов. Кисти рук были чёрные, а на пальцах — небольшие острые когти.

На нём была широкая белая льняная рубашка, растёгнутая на две пуговицы, с небрежно закатанными рукавами. Чёрные штаны и длинные кожаные сапоги до бедра с острыми носами.

Он вдруг резко повернул голову в нашу сторону, удивлённо изучая меня взглядом.

— Я же говорил, хорош! Забирай, для тебя мне не жалко, красавица! — пронзительно вопил хранитель.

Я никак не отреагировала на его слова, лишь сдержанно кивнула в знак приветствия ещё раз. Мужчина как мужчина — за эти два дня я уже успела привыкнуть к их обществу. Вдоволь налюбовавшись мной, он утратил всякий интерес и развернулся к Алу.

— Задержались в дороге, с провизией были проблемы, — произнёс Алукард.

— У тебя слабая аура, ты растратил весь резерв! — заметил Бальдер.

— Бал, что за вопрос? Это и так видно. Немного сил осталось, на один удар хватит.

— Как себя чувствуешь? — Некромант подошёл ближе к магу огня.

— Паршиво, — Алукард поморщился.

Бальдер тембрально захохотал, отходя.

— Занятно. Потерпишь?

— Постараюсь продержаться, заодно разомнётся, — в одно мгновение Ал прыгнул, взлетев на пару метров в воздух, и ринулся в сторону Бала.

— Осторожнее! — воскликнула я.

— Не вмешивайся, мужчинам размяться надо! — кричал хранитель.

Я стояла и наблюдала за их поединком. Вокруг поднялось облако пыли. Движения магов были стремительными, почти неразличимыми для глаза. Бальдер двигался с грацией хищника, Алукард — с яростью загнанного зверя.

— Слишком предсказуемо! — Бал ловко перехватил руку Алукарда и повалил его на землю. Ал сидел на коленях, склонившись, а сверху в расслабленной позе восседал Бальдер.

Алукард сжал кулаки и с нечеловеческой силой бросился на него. Некромант легко перехватил его руку и ловко отбросил от себя. Ал упал, перекатился и встал.

— На нас смотрит такая красотка, дай хоть покрасоваться, — в следующее мгновение Бал переместился к Алу, схватил его за правую руку и подбросил в воздух.

— Достал! — Маг, зависнув в воздухе, сформировал в кулаке столб огня и обрушил его на Бала. Огонь пропахал тёмную дорожку, опалив несколько деревьев и подняв густую копоть. Некромант увернулся с насмешливой улыбкой.

— Ты знаешь условия за опоздание, терпи, — Бал оказался за спиной Ала. Маг огня еле держался на ногах, пошатнулся, схватился за сердце и рухнул на землю замертво.

— Алукард! — Я положила хранителя на крыльцо и подбежала к ним. Бальдер опустился на корточки, проверяя пульс.

— Ты ему ничем не поможешь, я думал, он продержится дольше, — произнёс некромант.

Я оттолкнула его от мага, и он, не удержавшись на корточках, завалился на бок на землю рядом со мной.

Не теряя времени, я положила руки на грудь Алу, представляя, как из меня исходит зелёный поток света, направленный к его сердцу. Мгновение — и зелёное свечение устремилось из моих рук, окутывая мага огнём. Оно пульсировало в такт ударам сердца, проникая глубже с каждым толчком.

И снова накатил тошнота — да сколько можно! Мир перед глазами поплыл, звуки стали глухими, будто доносились сквозь толщу воды. Алукард открыл глаза, удивлённо смотря на меня. А я медленно теряла сознание, чувствуя, как силы покидают меня с каждым уходящим мгновением.

Последнее, что я помню, — как Бальдер бережно поднимал меня, прижимая к груди, чтобы отнести в дом. Его голос, доносившийся словно издалека, прозвучал неожиданно мягко:

— Молодец, девочка.

Глава-11:

Бальдар:

Успел поймать девчонку в последний момент. Безмозглая идиотка выплеснула весь резерв на это... ничтожество.

— Ты мне ничего не хочешь объяснить?! — Подхватив девушку на руки, я рывком направился к дому. Лир должен помочь, иначе она тут же отправится к праотцам.

— Как раз собирался представить вас, пока ты на меня не набросился, — Ал, пошатываясь, поднялся на ноги. Ивей практически восстановила его резерв, но вот побочные эффекты даже ей не под силу снять.

— Изверги!!! — По крыльцу запрыгал Шварц, его череп угрожающе клацал челюстью. — Куда девку поволок? Могли бы потом силами помериться!

Алукард, покачиваясь, почти ползком добрался до крыльца.

— Да что ты говоришь, кто недавно нас поощрял за драку? Да Ивей хвастался: «Хозяин то, хозяин сё»...

Надоели. Их перепалки, похоже, никогда не прекратятся. Ладно, сначала с девчонкой разберёмся, а с этими...

Быстро поднявшись на второй этаж, некромант пронёсся по коридору и направился к винтовой лестнице, ведущей в небольшую башню. Там находилась гостевая комната.

С ноги распахнув дверь, мужчина осторожно положил девушку на кровать.

— Ну и зачем ты мне такая? Одного проблемного хватает. Ладно, дышит, и на том спасибо, — парень взял её руку. — Если не выживешь, не вини меня, я пытался помочь.

Маг вздохнул, передавая ей небольшой поток магии. Сердце болезненно закололо. Как же я ненавижу это — кругом одни идиоты, которые без раздумий растрачивают свой резерв.

На руке девушки начали проявляться чёрные паучьи вены, кожа вздулась, жилы оплели её руку, не оставляя практически ни одного свободного участка.

— Хорошо, значит, она переносит магию тьмы, — пробормотал Бальдер.

Во рту резко возник металлический привкус, сердце заколотилось всё быстрее и быстрее.

— Какого?! — Резкая зелёная вспышка осветила всю комнату, отбрасывая меня подальше от девчонки. Всё прекратилось так же внезапно, как и началось.

Лежу я, значит, пытаюсь осмыслить, за что и чем меня сейчас приложило. По резерву она пуста, так чем?!

Опираясь о стену, мужчина поднялся с пола. Еле держась на ногах, он окинул взглядом девушку.

— На магию света не похоже, вспышка была бы другого цвета, да и отлетел бы я намного дальше, — Бальдер нахмурился. — Что-то иное...

Голова раскалывалась, будто я снова с орками в таверне перепил гномьей медовухи.

— Шварц с тобой, если отлетел, то значит, жива. Мебель мне смотри не переломай, — держась за стену, я еле переставлял ноги. Нужно добраться до лаборатории, пока эта светлая дрянь не выжгла меня изнутри. Скверная магия.

Самым сложным оказалось спуститься по лестнице, но, с горем пополам, я спустился и даже быстро добрался до лаборатории.

Подойдя к столу, маг начал рыться в ящиках, ища темлеху. Эти два болвана были настолько увлечены выяснением отношений, что не услышали даже грохота.

На лице Бальдара появилась ухмылка. Наконец, он нашёл небольшой прозрачный флакон с белой жидкостью. Дрянь редкостная, но для некроманта — единственное, а главное, мать вашу, какое дорогое у местных травников лекарство.

Залпом маг всё выпил, судорожно хватаясь за стол и царапая когтями его поверхность.

— Чёрт, побочный эффект начался, — парень отошёл к стене, садясь на пол и держась за голову. В ушах звенело, а мысли путались.

— А я тебе ещё раз говорю, огневик ты чёртов, — голос Лира приближался, значит, уже наговорились. — Нам и так проблем хватает, а ты ещё тут возмущаться будешь. Да я тебя твоей же птице кормлю!

Ал молча прошёл в лабораторию, поставил на стол Лира и выжидающе смотрел на меня.

— Ты специально не сказал мне, что она светлая? — злобно пробормотал некромант. Этот подонок, не скрывая веселья, ухмылялся, наслаждаясь зрелищем.

— Я не смог удержаться, это моя маленькая месть, — маг подошёл к другу, присаживаясь рядом с ним на пол и скрепя руки на груди, откидывая голову назад, на стену. — Будешь поменьше кулаками махать. Сказал же тебе, пустой я, а ты... эх...

Голова потихоньку приходила в норму, к моему сожалению, потому что желание придушить Алукарда становилось всё сильнее и сильнее.

Некромант тяжело вздохнул, откидывая голову на стену и прикрывая глаза.

— Ну давай, рассказывай, где надёбал девчонку-то. Честно говоря, меня это мало волновало — кто она и чего из себя представляет. Меня интересовала лишь её странная магия. За сто восемнадцать лет своей жизни я впервые такое видел.

Ал не стал сразу выкладывать всю суть, начиная рассказ издали, этот несчастный подонок. Он начал историю так: бедный, голодный наткнулся на прекрасную девушку в бегах. Их сердца застучали в унисон, они решились бежать дальше вместе, а дальше, как водится, она оказалась мегерой, и он решил великодушно сбавить её мне. Ну, а потом эльфы, целительница...

— Так, стоп! — я вскочил с пола на ноги, как ужасенный. — То есть ты хочешь сказать, что меня только что шарахнуло целительной магией?

— Ну да... — Ал глумился, сцепив руки в замок за головой и наблюдая за мной.

Бальдер схватился за голову, нервно расхаживая по комнате из стороны в сторону, заламывая пальцы.

— Всё, отец, где я так согрешил? Первая за век целительница, да ещё и женищина. На неё сейчас охота похлеще, чем на Ала, начнётся. Так, стоять! Помимо ассасинов за нами теперь ещё и эльфы гонятся.

— Да, не знаю, что им от неё нужно, но Ивей вроде вскользь упоминала, что они ещё и за её родителями гонялись.

Мужчина перестал мерить шагами комнату, сверля взглядом спящую кверху пузом белку, лежащую рядом с Лиром.

— Бальдар, медлить нельзя. С Ивей я как-нибудь разберусь. В дороге хлопот она не доставит, в крайнем случае в карман её засуну, — маг вскочил на ноги, подходя к Бальдару.

— Не трогай её, с ней проблем нет. Она будет лежать без сознания как минимум ещё сутки. Лир сможет перенести их вдвоём вместе с домом без лишнего внимания на окраину столицы. Я так понимаю, порталами нам с тобой пользоваться — не вариант, — некромант мотнул головой, наконец посмотрев на друга.

— Я просматривал все ближайшие порталы — они охраняются ассасинами. Так что переместить быстро, без лишнего внимания, мы сможем только девочку.

— Мы можем попробовать пробиться на Шаризе, если купол защиты установить вокруг нас.

Некромант тяжело вздохнул, подходя к шкафу с настойками.

— Держи! — протянул Алу зелёный флакон.

— Это снотворное, чтобы раньше времени не проснулась. Хранитель сможет её защитить, только если она будет внутри дома. А судя по тому, что я уже видел на месте, она сидеть не будет, нас ожидая.

— Боишься к целительнице подходить? — огневик взял флакон, рассматривая его двумя пальцами на весу.

— Заткнись! — не выдержав, я схватил с полки первый попавшийся флакон и швырнул в его сторону.

— Будут меня в моём же доме бродяги упрекать!

Алукард не успел среагировать и увернуться — флакон попал прямо в грудь мага.

Маг промолчал, лишь мориценка на переносице выдала его злость, но, решив благоразумно дальше не ёрничать, чтобы не попасть под горячую руку друга, маг вышел из комнаты, поднимаясь к Ивей, пробормотав про себя:

— Бальдар, ты мне за это ответишь, вот только Ивей проснётся!

Я не успел среагировать на его выпад — огневик уже скрылся на лестнице.

— Всё, мать его, за что мне такое наказание, да ещё и с прицепом... Ладно, делать нечего.

Бальдар стоял, опираясь руками на стол, пытаясь придумать, как поступить.

— На Шаризе лететь — не вариант: привлечём к своим персонам слишком много внимания. Так, ладно, придётся пробиваться через кладбище, — Бальдар тяжело вздохнул, посмотрев на сумки, стоящие в углу, и щёлкнул пальцами.

Сумки начали уменьшаться, пока не стали размером с вошь, а потом и вовсе испарились. Такая же участь ожидала и головы ассасинов, лежащих на столе.

— Пригодитесь!

— Вот нужен он тебе, — Лира, который подозрительно молчал всё это время, прорвало на разговор. — Давай оставим девочку себе, а его папаше отдадим — непутёвый он. Череп прыгал по столу, угрожающе щёлкая челюстью. — Представь, как удобно будет: хозяйюшка в доме, а то, что строптивая, даже плюсом — мужиков всяких в дом водить не будет.

— Из них двоих предпочитаю оставить Алукарда. С ним в разы проще, чем с барышней вспыльчивой.

— Тьфу на тебя! — Лир обиженно повернулся к окну.

— Ну и делай, что хочешь! Старость с упырями своими встретишь.

Я не выдержал — нервы и так к шварсу ушли. На прогулку, маша ручкой, ещё этот начинает, всяких бродячих девок оставлять.

Ударил по столу, отчего Лир подпрыгнул на месте. А Гайю, испуганно проснувшись, озиравась по сторонам. Увидев некроманта, вскочила на четыре лапы и зашипела. Шерсть на ней встала дыбом, а глаза-бусинки бешено метались по сторонам.

— Храбрая белка, — некромант поднял руку, на которой образовался чёрный сгусток энергии. Он плавно перетёк в форму кинжала, приобретая чёткие очертания. Лезвие было слегка выгнутым, с зазубринами у острия, а рукоять переплетена грубой чёрной кожаной лентой.

— Сделаю из тебя плюшевое чучело и поставлю рядом с кроватью.

— Не смей! — Лир завопил на всю комнату.

— Я быстрее из тебя пугало сделаю и на главной площади города поставлю, между твоими дружками-гномами!

Некромант встал как вкопанный, замер на месте, не зная, что ответить хранителю. В его голове вскользь пронеслась идея, за которую он пытался ухватиться.

— Лир, ты гений! — Кинжал пропал из рук, будто его и не было. Бал схватил хранителя и начал подбрасывать его в воздух, радостно кружась по комнате. — Ты просто молодец! Гномы нам помогут. Пару часов по их ходам под горами — и мы в столице.

— Отпусти меня, ирод проклятый! Я хрупкий, уронишь ведь — не склеишь потом, да чтоб тебя!

— Вы чего разорались на весь дом? — Ал не спеша спускался по лестнице, крича из коридора.

Белка сразу же успокоилась, странно посмотрела на некроманта и, видимо, поняв, что огневик её в обиду не даст, разбежалась и прыгнула на Бала. Вцепившись покрепче, она царапала ему лицо маленькими коготками на лапках.

— Шварс! — Некромант переключил внимание на маленькую пакость, пытаясь её оторвать, и позабыл про Лира, который полетел на пол.

Ал подбежал, хотел поймать Лира, но не успел: хранитель свалился, челюсть его откололась и отлетела под стол, сам он покатился к шкафу. Лир валялся, возмущённо сверкая глазами — синий свет из его глазных отверстий становился всё ярче.

Алукард полез под стол, ища пропавшую челюсть. Бальдар носился по комнате, собирая все углы на своём пути — белка не собиралась сдаваться так просто. В конце концов всё закончилось падением: не видя ничего, Бал налетел на филейную, оттопыренную часть Алукарда. Ребята вместе полетели на пол. Гайю отцепилась и прыгнула на стол, не желая разделить их участь.

Бал перелетел через огневика и ударился лбом об стену. Ал перекувырнулся в воздухе, но остался цел.

— Проклятая белка! — простонали мужчины в унисон. Гайю, довольная собой, решила вернуться к хозяйке, понимая, что сейчас защитников у неё нет: спрыгнула со стола и побежала к лестнице.

— Ваиу ж... — огневик, пыхтя, приподнялся, наткнувшись рукой на кусок нижней челюсти. Потирая ушибленный правый бок, он осмотрел её на наличие повреждений. Два передних зуба оказались отломаны, и непонятно, где их теперь искать.

— Зато Лир не будет так много зубоскалить, — довольно ухмылялся маг.

— Откуда эта тварь вообще взялась в моём доме? — Кое-как поднявшись, Бал отряхнулся и направился к хранителю, поднимая его и осматривая повреждения. Не считая челюсти и трещины на лобной части, всё было цело. То и дело некромант хмурился, почёсывая ушибленный затылок.

— С девчонкой была, не стал прогонять. Да и не до этого было, — Алукард подошёл к другу, протягивая челюсть.

— Цел, беззубый, будешь знать, как на меня зубоскалить, — Алукард потешился над ним, еле-еле сдерживая смех.

— Заткнитесь оба, челюсть — ерунда, сейчас вставим обратно. Лир, посмотри на меня: как попадём в город, сразу же разроем чью-нибудь могилу. Возьмёшь себе новый сосуд, любой по желанию, а сейчас потерпи.

Некромант подошёл к столу, поставил череп, забрал из рук Ала челюсть и призвал магию. На его руке появился чёрный сгусток, который окутал челюсть, позволяя аккуратно вставить её на законное место.

— Вот и помогай им после этого, чтоб вас ассасины на куски разорвали! Черти, да я вас у шварсов на вертеле видел! — Хранитель разошёлся не на шутку, разгневанно прыгая по столу.

Бал пихнул локтем Алукарда, махнув головой в сторону двери — мол, пошли отсюда, это надолго. Ал согласно кивнул, и потихоньку они оба, шаг за шагом, начали отходить к ступеням, ведущим из лаборатории...

— Лир, времени нет! Как только мы вылезем через проход, вы перемещаетесь в безопасное место, иначе нас взаправду к шварсам отправят в преисподнюю! — прокричал Бал.

Ребята развернулись и резко побежали к двери.

— И правильно сделают, всё, мать его, пусть так и будет! — доносилось им в спину, когда они выбегали из дома, как ошпаренные.

— Во, разошёлся! — Алукард из всех сил бежал к соснам вместе с другом. — Чего это он разорался? Как бы Ивей раньше времени не разбудил...

— Вот как раз из-за неё и храбрится. Девушка всё-таки, нужно себя показать с лучшей стороны, воспитатель хренов...

Они одновременно, практически друг за другом, перелезли через проём, покидая убежище.

Бальдар сразу же обернулся, глядя на проход и ожидая, когда Лир исчезнет. Спустя пару мгновений дерево пропало, а на его месте осталось пепелище.

— Бегом! — Ал сразу же потянул некроманта за собой в кусты, не давая тому опомниться, ухватившись за шкирку мага покрепче.

Глава-12: Гномья медовуха

Алукард:

Мы успели затаиться в зарослях колючего кустарника, пригнувшись к земле и стараясь не дышать. В душе теплилась слабая надежда на благоразумие Бальдара. Хоть бы он вовремя замолчал.

Бальдар торопливо набросил мне на голову свой мундир, укрывая алые пряди. Как ни прячась, мои яркие волосы легко было заметить даже сквозь заросли веток. Две старые сосны, вернее, тайный переход, находились в самой чаще, неподалёку от поселковой дороги, по которой двигались немногочисленные жители провинциального городка.

И вот со стороны этой дороги донёсся приглушённый цокот копыт. Спустя несколько томительных мгновений показался небольшой отряд всадников. Они двигались неспешно, словно тени, лица скрыты под глубокими капюшонами. Мы замерли, прижавшись к сырой листве, боясь даже пошевелиться.

— Чёрт их разберёт, кто они такие!

Я осторожно приподнял голову, стараясь разглядеть всадников сквозь густую листву. Один из них вдруг резко повернул голову в нашу сторону. Моё сердце замерло.

— Не дыши, — прошептал Бальдар, крепче вжимая меня в землю.

Всадник замер на мгновение, будто принюхиваясь, затем медленно покачал головой и двинулся дальше.

— Пронесло, — выдохнул я, когда отряд окончательно скрылся из виду.

— На этот раз, — мрачно отозвался Бальдар. — Но они вернутся. И в следующий раз будут искать тщательнее.

Наконец они проехали мимо, скрывшись за поворотом. Эти несколько минут ожидания показались невыносимо долгими. Мы пролежали ещё немного, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что незваные гости не собираются возвращаться.

Я сорвал с себя мундир, швырнув его в сторону Бальдара.

— Это не ассасины, аура светлая, — Бальдар задумчиво смотрел вдаль, туда, где дорога терялась в сумерках. — Мы вовремя отправили Ивей в столицу. Эти бы за версту почуяли магический проход.

Маги-элементали... Они обладали редким даром видеть ауру любого одарённого. Достаточно было лишь послать крохотный импульс магии в собственные глаза, и взгляд тут же застилала пелена белизны. В этот момент перед ними открывалась сама суть человека, его магическое естество, сияющее аурой. Цвет ауры зависел от рода магии: чёрная — у тех, кто был наделён силой тьмы, белая — у приверженцев света. А у самих элементарей аура переливалась всеми оттенками стихии, которой они повелевали.

— Если немного переждём, я смогу накопить достаточно магии, чтобы призвать Шариза. Сила, которой поделилась девчонка, вся ушла на поддержание физического состояния тела.

— Нет, слишком заметно. Доберёмся гномьими тропами, — Бальдар обернулся ко мне, с невозмутимой серьёзностью изучая мою реакцию.

— Только не говори, что ты решил обратиться за помощью к Каздуну и Тхуримару!

Он медленно кивнул.

— Каздун и Тхуримар, — повторил я, качая головой. — Ты правда думаешь, что эти двое помогут?

Бальдар усмехнулся:

— Они помогут за золото. Или за выпивку. Или за то и другое вместе.

— А если решат нас продать?

— Тогда я продам их первым, — спокойно ответил он. — Но не волнуйся. У меня есть козырь. Помнишь тот рубин, что мы нашли в ущелье? Он стоит больше, чем все их запасы пива.

Я невольно улыбнулся:

— Ладно, убедил. Но если они опять начнут петь свои гномьи песни — я сбегу.

— Просто потрясающе! Я — не ты, за такую услугу столько не выпью! — Наплевав на конспирацию, я повысил голос, выдавая нас.

Каздун и Тхуримар... Бродячие гномы, бывшие золотодобытчики, покинувшие родной дом в поисках лучшей доли. А на деле же просто заливают в себя бочонки с пивом днями напролёт.

Я мельком видел их как-то год назад, когда отец послал на очередную охоту. Даже если напрячься, не вспомню — на кого. Помню лишь, что охотился тогда до неприличия долго, пока не наткнулся на трактир с этими олухами. Ну а уж с их-то подвешенными языками они быстро выложили всё на блюдечке с голубой каёмочкой.

Только за информацию в тот раз я нажрался как последняя скотина! Два дня потом отлёживался под забором, даже глаза открыть не мог — сразу отключался.

В ту же секунду, обрубая мои возмущения, Бальдар отвесил мне звонкий подзатыльник.

— Не ори, идиот! Есть другие идеи? С удовольствием послушаю. Ты же не настолько глуп, чтобы и вправду понадеяться на Шариза! Это единственный сейчас безопасный путь.

— Безопасный... Бальдар, как мы проберёмся в таверну? Отсюда до неё часа два ходу. Если не этим дуракам, то слугам отца точно попадёмся.

Бальдар внезапно оскалился, уставившись на меня со злобной ухмылкой.

— Через кладбище — полчаса, оно недалеко. Туда точно не сунутся ни эльфы, ни ассасины.

— Насчет ассасинов я не уверен, они не столь брезгливы, — эта затея мне нравилась всё меньше и меньше.

— Что бы ты без меня делал? — Бал поднялся, вставая на колени. Взмахнув рукой, он сотворил облако из множества чёрных искр. Из них, словно выплюнутые из преисподней, на землю рухнули две отрубленные головы, принадлежавшие погибшим наёмникам.

— Они ведь из свиты воинов, которых отправили за тобой. Я их забальзамировал и выморозил изнутри. Можно сделать маски — так мы сможем передвигаться куда безопаснее. Нам главное добраться до таверны, а там гномы нас спрячут.

Алукард брезгливо уставился на головы, его челюсть отвисла. Он не знал, что и сказать, молча перебирая в уме пути отступления, лишь бы не надевать эту мерзость.

«Я и не ожидал, что когда-нибудь в своей жизни свяжусь с гномами, — подумал я. — До чего же богиня судьбы переменчива в своём настроении!»

Бал-Бал прижал два пальца к губам, начиная шептать заговор:

— Аир сраодаш миаргу.

Над головами в воздухе возникла магическая печать, излучавшая фиолетовый свет. Она была в форме круга, по краям испещрённого руническими письменами. В центре находился треугольник, внутри которого пульсировала сфера чернейшей тьмы.

Спустя мгновение головы исчезли, оставив после себя лишь лоскуты кожи. Он оставил только кожу с лиц, словно срезанную скальпелем.

Не теряя времени, Баль схватил кожу и приложил к своему лицу. Лоскут забурлил, плотно прирастая к его коже, будто вторая шкура. Через мгновение на меня смотрел совсем другой человек — ещё недавно мёртвый.

— Быстрее, давай. Принцип действия я тебе показал.

У мага нервно задёргался правый глаз. С нервозностью я перевёл взгляд на оставшуюся кожу.

— Нужно бы ещё изменить цвет твоих волос, иначе даже новая личина не спасёт.

Вздыхнув, Алукард щёлкнул пальцами, призывая морок. Мигом его локоны приобрели тёмно-каштановый оттенок.

— Фу, — Алукард отдёргнул руку, когда кожа коснулась его лица. — Она ещё и холодная, как у мертвеца!

— Так и есть, — хмыкнул Бальдар. — Но лучше мерзнуть, чем висеть на городской стене с табличкой «Предатель».

Маг содрогнулся, представив картину, и глубоко вдохнул.

— Ладно. Ради выживания можно и потерпеть. Но если эта штука начнёт сползать посреди таверны — я тебя прокляну.

— Договорились, — Бальдар подмигнул. — Только не забудь, что проклятия — моя специализация.

— Сойдёт... — с брезгливостью двумя пальцами я поднял кожу, прикладывая её к лицу.

В тот же миг лицо противно защекотало, будто в кожу вонзились тысячи крошечных игл. Это длилось всего пару минут, но мерзкое ощущение покалывания и холода не отпускало. Меня начало потряхивать от одной мысли об этой мерзости на себе.

Как только кожа присосалась к моему лицу, мир вокруг слегка исказился. Звуки стали глуше, запахи — резче, а перед глазами на мгновение вспыхнули образы: лица тех, кому раньше принадлежали эти маски.

Я резко выдохнул, пытаясь отогнать видение.

— Бал, а эти маски... они не передают воспоминания?

Бальдар замер, потом усмехнулся:

— Только если носитель был очень эмоционален в момент смерти. Но не волнуйся, эти ребята умерли быстро. И скучно.

Алукард сглотнул:

— Ты уверен?

— Абсолютно, — некромант похлопал его по плечу. — По крайней мере, надеюсь.

Бал-Бал, заметив моё выражение лица, заржал, как ретивая кобыла.

— Ты бы хоть предупредил, что это настолько противно! — гневно сверля друга взглядом, маг вскочил на ноги.

— Прошу прощения, о мой господин! Что ничтожный раб посмел от вас что-то утаить, — Бал поднялся вслед за ним, с издёвкой наблюдая.

Не выдержав, маг схватил с земли мундир и бросился на Бальдара. Не ожидая такого манёвра, некромант завалился на землю вместе с Алукардом. Ну а маг, не теряя времени, закутал его лицо в ткань мундира, слегка натягивая на себя. Мы покатались по земле.

Бал пытался вырваться, а мне в голову пришла идея — поджечь ему его прекрасный зад! Эту идею нужно было срочно воплотить в жизнь.

Нагрев немного руку, я со всей силы отвесил шлепок по заднице Бальдара.

Штаны сразу же обуглились, слегка подгорая. Теперь на них сзади красовалась дыра в форме мужской ладони.

Я тут же вскочил обратно на ноги, отряхиваясь. Но Бал времени не терял и метнул в меня сгусток тьмы.

Не успев поставить щит, я отлетел назад — в колючие кусты.

— Шварц, ну за что? Хотя ладно, это того стоило, — смеясь, я начал выползать из кустов. Колючки цеплялись за края одежды, царапая сапоги и штаны.

— Ал, да чтоб тебя...

Со стороны леса начали доноситься голоса. Послышался звук цокота копыт. Маги одновременно переглянулись, прислушиваясь к звукам.

— Вот нравится эльфам по лесам на конях ездить! Тут есть метр на метр свободного от кустов и ям — нет же, ногами лень матушке передвигаться. Хоть немного бы форы для побега дали, — бурчал про себя Бальдар.

Не дожидаясь гостей, Бал-Бал махнул мне рукой, привлекая к себе внимание.

Дольше оставаться здесь не было смысла. Подняв с земли свой мундир, он закинул его на плечо. Ложась на землю, он пополз, перебирая локтями, между деревьями в южном направлении.

Тяжело вздохнув, Алукард пополз за ним на четвереньках.

«М-да... Местность, конечно, неудачная», — понял я это спустя где-то десять минут.

Спасибо, вовремя среагировали — уползли на достаточно большое расстояние. Но вот с местностью не очень повезло. Это была окраина леса: деревья здесь имели тонкие стволы, а редкие и без того кусты кустарников были маленьких размеров и встречались нечасто. Нам толком даже укрыться было негде.

Спустя некоторое время ноги отваливались — сколько ж можно ползти! Бал не решился подняться и идти, а я и не думал ему возражать. Он знал эту местность лучше, чем я, следовательно, ориентировался быстрее...

Вдруг, наконец, Бал резко поднялся на ноги, направляясь к склону.

Голоса становились всё ближе. Я различил обрывки фраз:

— ...след ведёт сюда...

— ...магическая аура...

— Чёрт, — прошипел Бальдар, хватая меня за руку. — Они уже рядом.

— И что теперь?

— Бежим. Кладбище. Это ближе, чем таверна.

Он рванул в сторону тёмной рощи, я бросился следом. Маска неприятно скользила по коже, но сейчас это было наименьшей из проблем.

За спиной раздался крик:

— Вон они!

— Ну вот, опять, — простонал я, ускоряясь.

— Я же говорил — недалеко! Вот, смотри: дойдём к склепу, а дальше — по тайному проходу в город.

Захолустное сельское кладбище. Поляна, усеянная деревянными крестами. В самом конце, словно надменный страж, возвышалась чья-то фамильная гробница, увенчанная мраморной статуей богини.

Селестия, божество солнца и плодородия, застыла в безмолвной молитве, прижав ладони к сердцу и устремив взгляд на бранные останки. Искусно вырезанные из камня локоны, казалось, развевались на незримом ветру. Тонкая туника на лямках, подобно застывшей воде, облекала её женственные формы, ниспадая плавным водопадом к мраморным стопам.

Скорее всего, это тот самый склеп, о котором упоминал Бал. Сзади донёсся предательский хруст сломанных веток. Даже лица ассасинов не гарантировали безопасности — не факт, что шум произвели не эльфы.

Закрыв глаза, я выпустил волну магической энергии, прощупывая ауру местности. Колдовство разлилось по округе, сплетая всё вокруг алыми, пульсирующими нитями. Неподалёку от нас я ощутил небольшой отряд воинов. Их силуэты светились тусклым жёлтым светом, неумолимо приближаясь.

— Эльфы! — дёрнув Бала за плечо, я бросился бежать к обрыву, скользя вниз по крутому склону. Маг отчаянно пытался удержаться на ногах, чтобы не покатиться кубарем вниз. Хотя, возможно, так было бы и быстрее.

Бал не отставал, ловко лавируя следом.

— Уверен?

— Манеру движения этих сволочей я запомнил. Да и аура жёлтым цветом сияет.

Мы могли бы поджечь опушку, чтобы задержать их. Пока я здесь, огонь подчинится моей воле, и лес не загорится. Но как только мы покинем это место, я потеряю контроль, и пламя охватит всю чащу.

Добравшись до подножия склона, мы сорвались на бег, не забывая оглядываться назад. Над обрывом, восседая на конях, словно хищные птицы, нависали преследователи. За ними виднелись другие всадники, но точно сосчитать их количество было невозможно.

Бежать по кладбищу было жутко. Каждый крест, каждый надгробный камень будто следил за нами. Я чувствовал, как аура эльфов приближается — жёлтые нити магии пульсировали всё ближе.

«Если они догонят, — пронеслось в голове, — маски не спасут. Они увидят нашу истинную сущность».

Я оглянулся. Эльфы уже спускались со склона — быстрые, ловкие, смертоносные. Один из них поднял руку, и в воздухе заискрила стрела света.

— Бал, пригнись! — крикнул я, бросаясь в сторону. Стрела пролетела в сантиметре от моего плеча, вонзившись в деревянный крест. Тот вспыхнул, как факел.

— Быстрее! — Бальдар махнул рукой, указывая на склеп. — Там нас не достанут!

— Беги дальше! — скомандовал Бал.

Я не стал спрашивать о его плане — всё-таки кладбище было его стихией. Лишь молча кивнул, прибавляя шаг. Маг рванул вперёд, к склепу.

— Без него я всё равно не открою проход.

Добежав, маг обернулся, выискивая остроухих. На всякий случай он воззвал к огненной стихии, формируя вокруг себя опаляющий столб пламени.

Бал стоял посреди кладбища, среди могил. Подняв руки к небу, он призвал тьму. В его ладонях зародились огромные чёрные шары. И вдруг от каждой могилы к магу потянулись

толстые, белые, пульсирующие нити. Когда нити потянулись к Бальдару, воздух вокруг кладбища задрожал. Земля под ногами слегка завибрировала, а кресты на могилах зазвенели, будто кто-то провёл пальцем по краю стакана.

— Что он делает? — прошептал я, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом.

Бальдар резко оборвал поток энергии. Нити лопнули с тихим треском, а чёрные шары в его руках вспыхнули ярче.

— Успел, — он подмигнул мне. — Теперь у нас есть небольшой запас силы. Идём!

— Всё-таки некроманта могила исправит, да и то он доволен останется.

Эльфы тем временем были уже совсем близко. Как вдруг из могил начали выбираться мертвецы. Они разрывали землю руками, просовывая головы, постепенно выбираясь наружу. Бал призвал свежих мертвецов, если их можно было так назвать: ещё толком не разложившаяся кожа, мутные глаза, зияющие раны. От них исходил тошнотворный запах разложения.

Минуты не прошло, и практически все могилы зияли пустотой. С неестественной, пугающей скоростью восставшие мертвецы ринулись на воинов, обрушиваясь на них с безумной яростью.

— Дёрни за руку! — кричал Бал, практически добежав до меня.

Быстро развернувшись, маг полез на выступ статуи, дёргая за руки Селестии. Ладони поддались с глухим скрежетом, едва заметно сместившись.

Внизу раздался оглушительный шелчок, и земля ушла из-под ног, проваливаясь в зияющую бездну. Я рухнул вниз, в тёмный провал, прямо на каменные ступени. Маг жалко взвизгнул, но успел откатиться в сторону, спасая свою многострадальную голову, которая за последние дни и так натерпелась немало ударов.

— Что непонятного в слове «дёрнуть», а не «упасть»? Так нравится постоянно валяться?! — прогремел над головой довольный голос Бальдара, спускавшегося по ступеням.

Алукард проворно вскочил на ноги, отряхивая пыль с одежды. Кругом царила непроглядная тьма. Взмахнув рукой, я призвал Чирик, и склеп озарился багровым, пульсирующим светом.

— Ты выглядишь хуже мертвецов, которых я поднял, — заметил Бальдар, бросив взгляд на Алукарда.

Тот тяжело дышал, его руки дрожали, а багровый свет Чирика мерцал, то разгораясь, то угасая.

— Ничего, — маг попытался улыбнуться. — Просто резерв на исходе. Ещё немного — и я восстановлюсь.

— Не ври мне, — Бальдар схватил его за плечо. — Ты потратил слишком много на тот огненный заслон. Если упадёшь без сил — я не смогу тебя тащить.

Алукард усмехнулся:

— Значит, не падай первым.

Некромант вздохнул:

— Держись. Скоро выйдем. Я дам тебе немного энергии — у меня ещё осталось от тех покойников.

Маг кивнул, с благодарностью взглянув на друга.

— Спасибо, Бал.

— Потом благодарить будешь. Идём.

Бал же, не обращая ни на что внимания, старательно завязывал рукава своего мундира на поясе, пытаясь прикрыть огромную дыру на штанах. Заметив это, я самодовольно ухмыльнулся.

— Только попробуй что-нибудь сказать... Покойники тут же переключатся на тебя. Я мигом это устрою! — некромант, не оборачиваясь, прошёл мимо.

— Как скажешь, — усмехнулся я. — Ладно, шутки в сторону.

Алукард сделал пасс руками, призывая столб пламени, и направил его ко входу, отрезая путь преследователям.

— Как только мы уйдём, он распространится по коридорам.

Глава-13:

Некоторое время спустя Бальдар:

— Хорошо, что я знаю эти коридоры как свои пять пальцев. Жизнь в лесу сделала это единственным способом быстро добраться до города.

Пустынные, пропитанные сыростью и тленом, бесчисленные коридоры переплетались, образуя сложный лабиринт. Каменные стены и грубая брусчатка — вот и всё убранство этих мрачных тоннелей.

— Так, теперь направо!

— Долго ещё, Бал? — Алукард заметно нервничал. Мертвецы, покоящиеся в стенах этих коридоров, забирали половину резерва. За проход по ним и без того истощённый огневик выглядел болезненно бледным.

— Нет, недолго.

Повернув налево, мы оказались перед стеной, в которой зияла огромная дыра, поросшая мхом. С потолка в этом месте капала известковая вода.

Протиснувшись через пролом, мы оказались на дне заброшенного колодца. Он давно высох, поэтому местные им не пользовались. К счастью, он располагался прямо рядом с таверной.

Ал смотрел вверх, сузив глаза. Кажется, его терпение начинало иссякать.

— Куда он выходит? — парень обернулся ко мне, внимательно изучая.

— Прямо над таверной, всего в паре шагов.

— Ладно, была не была.

Ал нагнулся, доставая что-то из сапога.

— Кинжалы? — удивился Бал. Алукард никогда ими не пользовался, предпочитая меч. Дополнительное оружие он всегда считал признаком слабости.

Заметив мой взгляд, он криво усмехнулся:

— Потом будешь ерничать, сейчас главное — попасть в таверну.

Огневик подошёл к стене, ловко втыкая кинжалы в щели между кирпичами. Один — чуть выше головы, другой — в паре метров от руки. Ухватившись левой рукой за верхний кинжал, он подтянулся, ставя носок правой ноги на нижний. Продолжая в том же духе, он проворно карабкался вверх, вытаскивая кинжал и втыкая его выше, придерживаясь свободной рукой за выступы, а носками сапог цепляясь за второй, воткнув его ниже для опоры. Встав на верхний кинжал, он ловко тянулся, вытаскивая нижний. И так по кругу.

Бал с изумлением наблюдал за ним. Он знал Алукарда с детства, прекрасно изучил его привычки и повадки. Раньше он никогда бы не стал якшаться со мной по катакомбам, да ещё и обращаться на равных. Удивительно, как одна ситуация может в корне изменить мировоззрение.

Стараясь не отставать, я призвал тьму, формируя из неё подобие ножей в руках, и последовал за ним.

Спустя десять минут, подтянувшись друг за другом, мы выбрались на свет божий.

Ал, не теряя времени, схватил меня за руку и потащил в подворотню. Я даже не успел толком осмотреться.

В воздухе витал странный запах гари. Город кишел ассасинами.

— Излишняя осторожность не помешает. Мы не знаем, кем те ассасины были при жизни, — он указал пальцем на своё лицо. Я согласно кивнул.

Рядом с нами стояли дубовые бочки. Мы прильнули к ним в ожидании, словно мыши, затаившиеся в норах. Прождали около часа, пока наёмники не перестали патрулировать нашу улицу. Когда голоса на площади стихли, я осторожно выглянул из-за угла, осматривая местность. Убедившись, что поблизости никого нет, Бальдар потянул Ала за мундир в сторону таверны, которая находилась за углом.

Мы выскочили из укрытия и буквально влетели в таверну.

— Слава праотцу, здесь одни гномы, — облегчённо вздохнул я.

Таверна не отличалась роскошным убранством. Два длинных дубовых стола для всех посетителей и стойка хозяина, который протирает деревянные бокалы грязной тряпкой. Освещалась она тусклым светом чириков.

Боковым зрением я заметил, как Ал скривился. Не удержавшись, некромант ухмыльнулся:

— Аристократа так просто не пропьёшь, брезгует.

Каздун стоял у стойки, задумчиво потягивая что-то из алюминиевой кружки. Заметив нас, он плюнул на пол и, поставив кружку на стойку, схватил топор, висевший за спиной, и направился к нам.

Он был невысокого роста, как и все представители его расы. Уже в возрасте, лицо его покрывала густая сетка морщин. Шикарная седая борода была заплетена в две толстые косы, а длинные седые волосы распущены по плечам.

Гном был одет в простую хлопковую рубаху, поверх которой красовался зелёный жилет, а на поясе — небольшая кожаная сумка. Плечи защищали металлические наплечники. Образ завершали чёрные шаровары и тканевые сапоги с обрубленным носком.

— Я что, неясно выразился? Вашему брату чтоб вашего духа здесь не было! — прорычал гном, держа топор наготове, словно пушинку, в правой руке.

— Каздун, спокойно. Дело пахло жареным, — я сорвал с себя маску, отбросив её на пол. Мерзкая вещь!

Гном удивлённо прищурился, всматриваясь в меня. Видимо, пытался понять, мой ли это фокус или эти ублюдки решили втереться в доверие с помощью магии.

— Опять твои фокусы, Бальдр, допрыгаешься ведь. Вон тебя по городу небось твари бесчестные ищут.

— Да нет, не меня, — я многозначительно посмотрел в сторону Алукарда. Поняв намёк, тот быстро содрал свою личину, бросив её вслед моей. Цвет волос менять не стал. Хоть в чём-то сообразил!

— Ну вы даёте, вот вам, магам, делать нечего! — согласно закричали гномы.

— Ну проходите, что как не родные, — Каздун поставил топор рядом с собой, прислонив к стойке, и махнул нам рукой, подзывая.

Мы направились к стойке. Хозяин, недолго думая, поставил перед нами две чаши с гномьей медовухой, одобрительно улыбнувшись.

— Пейте, ребята, легче станет, о делах потом.

Меня долго упрашивать не пришлось, а вот Алукарда перекошило. Сжав губы в тонкую линию, он подозрительно осматривал содержимое чашки.

Мне стало интересно, выпьет или нет.

Вздохнув, Ал сделал медленно пару глотков, практически задержав дыхание.

Спустя пару часов:

Алукарда пробрало, да и я еле соображал, если честно. Спасибо хоть сил хватило гному пробормотать, зачем мы здесь.

Ну, Каздун заявил, что он «МУЖИК». Сейчас допьём ещё пару кружечек и пойдём выводить нас отсюда.

— Не, а ничего у вас, не постоянный двор, конечно, но тоже хорошо, — Ал, держа кружку в руках, что-то пытался доказать хозяину таверны, болтая ею из стороны в сторону.

Пока Алукард спорил с хозяином, к нам подошли ещё двое гномов. Один, с рыжей бородой и хитрыми глазами, сразу протянул нам по новой кружке.

— Вижу, вы с дороги, — пробасил он. — Я Борг, местный знахарь. А это мой брат — Торг. Он молчит, но слушает хорошо.

Торг кивнул, не отрываясь от своей кружки.

— У вас тут, смотрю, весело, — я усмехнулся, принимая напиток.

Борг подмигнул:

— Весело, пока эльфы не нагрянут. А они, чую, скоро будут. Учужали, что в городе маг объявился.

Алукард напрягся, но Борг тут же хлопнул его по плечу:

— Не бойся, парень. Мы гномы — народ надёжный. Пока у нас в таверне, никто вас не тронет. Но вот за её пределами...

Он многозначительно замолчал, допивая медовуху.

— Значит, надо уходить до рассвета, — подытожил Бальдар.

Борг кивнул:

— Умный ты, некромант. Вот за это и выпьем!

Вдруг Алукард ударил кулаком по стойке.

Ал смотрел на медовуху в своей кружке и думал: «Как же всё изменилось».

Ещё неделю назад он сидел в отцовском замке, пил лучшее вино и слушал лекции о благородстве. А теперь? Прячется в таверне среди гномов, пьёт какую-то бурду и чувствую, как магия внутри него едва теплится.

«Но он не жалел», — твёрдо решил Ал. — «Лучше так, чем снова стать марионеткой в руках отца».

Бальдар рядом хохотал, обнимая какого-то гнома. Алукард невольно улыбнулся.

«Может, это и есть настоящая свобода? Без титулов, без правил... Просто друзья, которые прикрывают спину».

Он поднял кружку, присоединяясь к общему веселью.

— За свободу! — крикнул Ал.

Гномы одобрительно загудели, поднимая свои кружки.

— Мало, требую ещё! — Ал вскочил со стула, направляясь к гному.

— Ла-ла-ла, вертись быстрее, Актмезар! — Бальдар, не сдерживая себя, ржал. Не выпьет он столько, ага, конечно.

— Бальдорчик... — споткнувшись, он налетел на меня, начиная лезть обниматься. — Не покидай меня!

От его визга у меня мало-помалу начало закладываться уши. Не выдержав, я оттолкнул его рукой от себя в сторону.

— Пропись, животное!

— Так, ребята, — поставив кружку на стойку, гном важно начал верещать на всю таверну, — пора вас отсюда выводить!

Не удержавшись на ногах, Алукард упал на пол. Пытаясь подняться, он начал просто так смеяться, словно сумасшедший.

— Всё, мать, не умеешь пить — не пей! — Мысли барахтались в голове, перемешались между собой. Но в одном гном был прав: пора было уходить отсюда. — Алукард, нам пора! — шатаясь, я подошёл к нему, дёргая его за шиворот. Да так, что сам еле на ногах устоял.

Он, не удержавшись на ногах, вновь повалился на пол.

— Да чёрт с тобой, где наша не пропадала!

Ухватив покрепче за шиворот его мундира, некромант потащил огневика за шкуру по полу.

— Заодно протрёт, — Каздун, расплатившись за медовуху, пошёл за нами следом.

— Эко разнесло, пить не умеет, что ли?

— Да не... — пыхтя, я тащил Ала за собой. — Аристократ просто!

Гном громко засмеялся.

— Понятно. Ну что, аристократы, пойдёмте на кухню. Там проход есть в подгорные шахты.

Пыхтя, я потащил аристократическую тушу за гномом вслед. Спасибо хоть дверь он придержал.

— А ну заткнись, Баль, иначе опять пострадает твоя поджар...

Не выдержав, некромант ударил мага ногой в бок, чтобы лишнего не болтал.

Каздун с глазами как блюдца наблюдал за нами. Видимо, убеждаясь для себя, что продолжения драки не будет. Отодвинул кухонный стол. Под ним находился массивный металлический люк. Пошатываясь, Каздун нагнулся, отворяя его.

— Баааль, достань ещё пойла!

— Ну всё, надоел! — Не выдержав, я скинул его тушу вниз, подпихивая ногой. А сам спустился следом вниз по деревянной лестнице.

— Всё равно пьяный, боли не чувствуешь!

— Да идите вы знаете куда!

Вслед за нами прыгнул Каздун, закрывая за собой люк.

Глава-14:

Ивей

Что за странное место? Я стояла в центре пещеры, пытаюсь понять, вновь ли я попала в очередную передрыгу наяву или это сон.

Здесь было светло. Своды неровных грунтовых стен украшали светильники-чирики, заключённые в стеклянные сферы. Такие обычно покупали у дриад. Они не требовали постоянного контроля и практически никогда не потухали.

— Поразительно! — По стенам струились золотые жилы, оплетая практически каждый метр. Пола здесь не было. Девушка стояла на выступе. Вот где я теперь. В ушах звенело, практически ничего не было слышно, только вдалеке проглядывался какой-то свет. Он приближался и становился всё отчётливее виден.

— Похоже, очередной морок.

Очнулась я в шахте. Деревянные балки, словно кости гигантского зверя, уходили ввысь, поддерживая свод пещеры. Кто-то кропотливо, с упорством, достойным восхищения, прорыл этот проход.

Тьма и могильный холод пронизывали до костей. В густой темноте не было видно ничего.

Опустившись на четвереньки, я поползла, ощупывая каменный пол. Наконец пальцы наткнулись на шершавую стену. Не отрывая руки, я поднялась и двинулась вдоль неё, стараясь не потерять единственный ориентир.

«Мало того, что связалась с двумя идиотами, у которых то „дружба до гроба“, то „силами меряются“ так, что поминальный костёр можно разводить, так ещё и сны странные мучают».

И вот, приближаясь всё ближе и ближе, я увидела впереди мерцающие огоньки.

— Какого?.. — прошептала я. Вдалеке ковылял Бальдер. Он был словно пьяный в стельку, шатался, еле держась на ногах.

— Эй, аристократы, вы чего тут удумали? — крикнула я, но тщетно. Меня, конечно же, никто не услышал.

В шахте стало светлее, и я, наконец, отлипла от стены, направляясь к ним.

Моим бедным, измученным глазам предстала следующая картина: Бальдер тащил за ворот мундира Алукарда по земле, а тот вопил какую-то песню, из которой до меня доносились лишь обрывки фраз.

С каждым моим шагом звон в ушах становился всё сильнее, заглушая происходящее. А позади этой странной парочки весело шагал невысокий дедок. Он задорно размахивал топором из стороны в сторону, напевая что-то себе под нос.

«Если звон усиливается, когда я подхожу ближе, может, попробовать отойти? Вдруг хоть что-то услышу?»

Звон стал невыносимым. Я медленно, осторожно начала пятиться назад, подальше от них.

И вот стали различимы отдельные слова:

— Было время, мы вкусили фунтаны лиха,

Чуть не съели нас зубастые враги.

И поэтому мы бродим, ходим-бродим очень тихо,

Лишь бы только не скрипели башмаки!

— Так он гном! — удивлённо воскликнула я, не ожидая такого поворота.

Алукард всю подпевал деду, да так, что с потолка сыпалась мелкая крошка земли прямо ему на голову. А Бальдер, шатаясь и задыхаясь, волок его к выходу.

— Не нормально, за нами там погоня! Через несколько дней вступительные экзамены, а они непонятно где и с кем ходят, да ещё и нажрались как свиньи последние! Меня даже с палёного вина так не развозило!

Гном поравнялся со мной, но его слов я уже не слышала — уши снова заложило, не давая ничего разобрать.

— Да сколько можно! — закрыв уши руками, я медленно осела на землю, шурясь и пытаясь сфокусировать взгляд на чём-нибудь одном.

Я прижала пальцы к вискам, пытаясь унять гул в ушах. «Так, спокойно. Соберись», — приказала я себе.

Закрыв глаза, сосредоточилась на ауре вокруг нас. Перед внутренним взором замелькали цветные нити: багровые — от магии Алукарда, тёмно-фиолетовые — следы колдовства Бальдара, золотистые — природная энергия гномов. Но среди них выделялась тонкая чёрная линия — чужеродная, ядовитая.

— Это не просто звон, — прошептала я. — Нас кто-то отслеживает.

Вдруг прямо перед моим носом пролетела стрела, вонзившись гному в бедро. Дальше всё завертелось слишком быстро. Я не успевала следить за происходящим. Голова гудела, звуки казались приглушёнными, а холод сковал всё тело, словно я промёрзла до костей.

Стрела попала деду в ногу. Гном одним рывком вытащил остриё стрелы вместе с небольшим куском мяса из ноги, оставив после себя глубокую кровоточащую рану. Не теряя времени, он, прихрамывая, подбежал к Алукарду, закидывая его на левое плечо.

Шатаясь, Бальдер обернулся назад, не понимая, что происходит. Вздохнув, гном схватил его за шкирку и закинул на правое плечо. И, прихрамывая, побежал вперёд.

Я оглянулась, пытаясь понять, кто стрелял.

— Да вы издеваетесь! — В нашу сторону не спеша направлялись поганые эльфы.

У меня уже глаз дёргался от них. Во главе колонны шёл красноволосый, держа в руках лук. Он ухмылялся, нарочито двигаясь медленно, давая гному возможность побегать подольше.

— Мало тебе Гайю в прошлый раз задницу подпалила, раз мозгов не набрался!

Я быстро вскочила на ноги, побежав следом за ребятами. У меня уже сил не было видеть его рожу. Впереди на меня надвигался отряд гномов.

Но это были не воины, а шахтёры. Держа в руках металлические мотыги и огромные тяжёлые молоты, они шли к нарушителям, чтобы проучить их. Прижавшись спиной к стене, я шла вперёд боком, боясь случайно столкнуться с кем-нибудь. Наконец впереди показалась мелькающая седая шевелюра гнома. Он перешёл на шаг, еле ковыляя вперёд. Видимо, приход соплеменников позволил ему хоть немного передохнуть.

Он направлялся к выходу из пещеры, волоча за собой окровавленную ногу по земле. Это изрядно его замедлило, но бросать ребят он не собирался. Ужравшиеся в хлам, они молча дрыхли кверху задом.

Наконец, выбравшись из шахты под свод огромной пещеры, он скинул с себя ребят и побежал вперёд, ловя на ходу катившуюся металлическую корзину.

Выйдя из шахты, они оказались под сводами огромной пещеры. По ней проходили извивающиеся металлические пути, выложенные по тонким каменным кладкам. Они сновали повсюду, проходя в своды пещер. По ним катались чугунные вагонетки, доверху забитые золотом, алмазами и странной бурой стружкой.

Пошатываясь, гном скинул с себя ребят и, выбежав вперёд на пути, выставил руки, ловя на ходу вагонетку. От удара он немного проехался назад, пока она полностью не остановилась, чудом не свалившись вниз.

Тяжело вздохнув, гном приподнялся, переставляя вагонетку на соседний путь, и покатил её вверх, к магам.

Гном устал, на лбу выступила испарина. Руки подрагивали, намертво вцепившись в вагонетку.

Не теряя времени, он подхватил ребят, укладывая их в вагонетку, и побежал вместе с ними вперёд, разгоняя до середины пути, где встречались развилки.

Добежав до развилки, он решительно направил вагонетку вправо. Она плавно и медленно покатилась вперёд, увлекая их в глубины шахты. Когда они, наконец, растворились под мрачным сводом переплетающихся ходов, на лице гнома расцвела усталая улыбка, и он, прихрамывая, направился обратно к входу в шахты.

Присев у шершавой каменной стены, у самого входа, Каздун осторожно вытянул ноющую ногу. Открыв набедренную сумку, он достал из неё флягу и жадно припал к горлышку, делая долгий глоток.

Дальше видение оборвалось... В лицо внезапно ударил порыв ледяного ветра. Похоже, я просыпаюсь.

— Тепло... так хорошо... — прошептала я, утопая в мягкости постели, укрытая невесомым, как облако, одеялом.

Рядом с щекой что-то мягкое и пушистое зашевелилось, настойчиво тыкаясь из стороны в сторону. Не открывая глаз, я протянула руку и ласково погладила спинку Гайю.

Вот только, похоже, у меня на эту несносную белку началась аллергия. Нос заложило, он отказывался дышать, а глаза слезились и мерзко зудели.

Гайю, почувствовав, что я проснулась, зашевелился активнее. Он вскарабкался по моему плечу, уселся на макушке и начал деловито перебирать лапками, словно собирался устроить гнездо в моих волосах.

— Эй, — я осторожно попыталась снять его, — ты что творишь?

Белка возмущённо пискнула и вцепилась коготками в прядь волос.

— Ладно, ладно, оставайся, — вздохнула я. — Но если у меня из-за тебя голова распухнет, будешь сам объяснять Лиру, почему я не могу идти искать этих двоих.

Гайю, будто поняв мои слова, важно кивнул и устроился поудобнее, уткнувшись носом в волосы.

Я невольно улыбнулась. Несмотря на аллергию, без этой пушистой заразы было бы куда тоскливее.

— Так, ладно, пора вставать. Нужно этих идиотов искать, а ещё лучше найти что-нибудь перекусить, — пробормотала я, с трудом разлепляя веки.

Аккуратно приподнявшись, я старалась не разбудить спящую белку. В сонном состоянии она более безопасна для окружающих.

Глаза нестерпимо чесались, и я начала их протирать руками. Вот только сделала только хуже — теперь они ещё и щипали. Молодец, Ивей, просто умница!

— О, красавица проснулась! — От стен, словно раскат грома, исходил голос Лира. Да такой, что у меня чуть не лопнули перепонки.

— А я думал, долго ещё дрыхнуть будешь, — продолжал греметь он.

— Уважаемый хранитель, можно не так громко говорить?! — заорала я в ответ, пытаюсь хоть как-то перебить его оглушительный голос.

— Ой, прости, давно так не общался, — уже тише отозвался Лир.

— Ты давай там приходи в себя, а я пока покушать сварганю, — я бегло оглядела себя, опасаясь такого способа общения. Мало ли, может, меня тут ещё и раздели, но нет. Я была в той же одежде, не считая сапог. Ну, хоть на этом спасибо.

— Лир, миленький, ты же магией управляешь во всём доме?

— Хорошее начало, чего-то тебе надобно, золотая моя? — лукаво отозвался он.

— Не ёрничай, можешь, пожалуйста, мне какую-нибудь простенькую одежду наколдовать, а то я уже несколько дней в одном и том же хожу. Эта одежда слишком много повидала.

— Наколдовать-то могу, да ненадёжная она будет. Только за крыльцо выйдешь, исчезнет всё. Не настолько я всемогущий.

— Нет, спасибо, не надо... — Спрыгивая с кровати, я потянулась, разминая затёкшую спину.

— Могу хозяина рубашку одолжить, она тебе велика даже будет. Смотреться как туника небольшая должна со стороны. Хоть что-то.

— Ну ладно. Как только эти ироды придут, потребую поход в город, по лавкам! А что они думали? В сказку попали! — Девушка скрестила ладони между собой в молящем жесте.

— Лирочек, одолжи, пожалуйста, я хоть верх сменю. А одежду сразу застираю.

На кровати, словно по мановению волшебной палочки, появилась чёрная шёлковая рубашка.

— Мда, хранитель был прав, — пробормотала я, расправляя и осматривая её. — На мне как нижняя рубашка смотреться будет, да ладно. Где я вообще...?

Бегло вертя головой по сторонам, я осматривала комнату.

Я очутилась в просторной комнате, выполненной в приглушённых серых тонах. В центре стояла резная дубовая кровать небольшого размера. Спинку её украшали изящные виноградные лозы, вырезанные из дерева. Чёрный плед, под которым я спала, и две большие бежевые подушки создавали ощущение уюта.

Над кроватью по бокам висели округлые фонарики, свисавшие с потолка на тонких бронзовых цепочках. Сама же кровать стояла у расписанной стены. На ней красовались перья феникса — серая стена и белые пушистые кончики перьев. Смотрелось восхитительно.

Сбоку от кровати стояла небольшая дубовая тумбочка с двумя ящичками, покрытая приличным слоем пыли. У подножия кровати покоилась софа, обтянутая мягким бежевым бархатом. Слева, почти до самого пола, тянулись два огромных окна, завуалированных тонкой чёрной тканью тюля. Пол же был полностью укрыт огромным пушистым белым ковром, словно облаком.

— Так, ладно, срочно в купель. А потом будем разбираться с двумя идиотами.

Перекинув рубашку через плечо, я покинула комнату.

Вниз вилась деревянная лестница из светлой древесины. Справа, прямо в стену, были ввинчены перила.

— Видимо, меня уложили в одной из башен, — подумала я, осторожно спускаясь.

Впереди расстился длинный коридор, в конце которого виднелась ещё одна лестница. «Может, Лир подскажет, где тут ванная, не хотелось бы опять плутать по чужому дому».

— Лир, миленький, я знаю, что надоела тебе своими расспросами, но не подскажешь, где в ваших хоромах можно помыться?

— Ой, совсем забыл тебе сказать, — эхо отразилось от стен. — Вторая дверь от тебя, девонька. Я, если что, на первом этаже.

— Понятно, что не на пятом. — Я открыла указанную дверь. — Беру свои слова обратно, из этого дома меня вынесут только вперёд ногами.

Комната поразительно отличалась от всего дома. Такое чувство, будто я шагнула в другую реальность. Стены из бежевого камня, с нарочито выделяющейся каменной кладкой, создавали ощущение пещеры. Коричневый кафельный пол и огромная ванна, вырезанная небольшим углублением в плитке.

— Похоже на маленькое озеро.

Рядом с ней на полу стояло маленькое фарфоровое блюдо с водным камнем-нулумом. С потолка свисали причудливо переплетающиеся зелёные пушистые лианы, на которых покачивались чирики в стеклянных шарах. В правую от меня стену, во всю длину, были ввинчены тонкие гранитные полки, уставленные флаконами, полотенцами и прочей дребеденью.

Заинтригованная, я подошла к ним, осматривая в поисках нормального мыла или любой другой вкусно пахнущей дряни. Открыла первый попавшийся флакон, приятно пахнущий зверобоем. «Ну, попробуем». Прихватив одно полотенце и флакон, я побежала к чаше.

Быстро смахнув ненужные вещи в сторону, пока вода наполнялась, я добавила пару капель зверобоя. Не теряя времени, разделась, отбросив грязные тряпки в сторону, и нырнула.

— Бррр... Холодно! Чёрт, опять про аганит забыла.

Едва я это произнесла, на бортике появился красный камушек. Постепенно до меня дошло, чей это был добрый жест.

Взвизгнув, я выскочила из ванны, схватила полотенце и закуталась.

— Лир, мать твою, я всё понимаю, но здесь ты не имеешь права мне помогать! Совсем сдурел? Да я тебя сейчас похороню заживо, пока хозяина нет! — В ответ было гробовое молчание.

Вздохнув, я опять залезла в чашу, на этот раз в полотенце.

— Мочалку можешь, пожалуйста, подать?

Аганит, благополучно осмотренный мной, оказался в воде, подогревая её. Я же начала, как могла, быстро принимать банные процедуры.

«Хоть раз я смогу нормально принять ванну?!» Мысли о своей настрадавшейся туше плавно перенеслись к Мари.

— Мда, запомнят меня оборотни надолго. Как бы на местных не отыгрались за разрушенный город.

Спустя полчаса, распаренная и в хорошем настроении, я не спеша натянула штаны и рубашку. Рукава пришлось закатать почти до плеча. Скрутив волосы в тугую жгут и засунув под рубашку, я тяжело вздохнула. Ворот противно намок из-за влажных локонов.

Кафтан я закинула в чашу, пытаясь вручную хоть немного отстирать его от травы.

Пока я стирала кафтан, Гайю, видимо, проснулась и решила меня навестить. Она бесшумно пробралась в ванную и теперь сидела на краю ванны, с любопытством разглядывая меня.

— Ты что тут делаешь? — спросила я, выжимая ткань.

Белка пискнула и ловко перепрыгнула на моё плечо.

— Эй, осторожнее! — Я едва успела поймать её, прежде чем она плюхнулась в воду.

Гайю возмущённо запищала, будто это я виновата в её промахе.

— Ладно, ладно, — я улыбнулась. — Хочешь помочь?

Она тут же схватила лапками край полотенца и начала его тянуть.

— Нет, так не пойдёт! — Я аккуратно забрала у неё полотенце. — Лучше посиди тут и расскажи, как себя вели эти двое, пока я спала.

Гайю важно кивнула и начала что-то быстро щебетать, размахивая хвостом. Я не понимала ни слова, но кивала в такт, делая вид, что внимательно слушаю.

Разглядывая грязный кафтан в воде, я заметила кое-что странное. На ткани проступали слабые фиолетовые линии — следы чужой магии.

— Так-так, — пробормотала я, поднимая кафтан над водой. — Кто-то оставил на тебе подарок.

Я сосредоточилась, направив на ткань магическое зрение. Линии стали ярче, складываясь в сложный узор.

— Следилка, — выдохнула я. — Кто-то хочет знать, где я нахожусь.

Быстро окунув кафтан обратно в воду, я добавила ещё несколько капель зверобоя — он нейтрализует слабые чары.

— Лир! — крикнула я. — У тебя есть что-нибудь, чтобы полностью снять эту дрянь?

Голос хранителя донёсся из коридора:

— Есть соль дриад. Она выжжет любую магию, но ткань может пострадать.

— Ничего, переживёт, — вздохнула я. — Неси скорее. На бортике тут же появилась небольшая коробочка. Ивей не жалея, высыпала всю соль прямо в купель, размешивая рукой.

Спустя ещё какое-то время, покончив со стиркой, я тщательно выжала кафтан и залезла рукой в чашу, доставая камень.

— Аганит всё равно выпарит всю оставшуюся воду. — В приподнятом настроении я спустилась на первый этаж, в коридор. Гайю убежала вперед меня.

— Лир, ты где?

— Мы здесь! — Голос шёл из лаборатории. Я зашла в комнату и увидела неплохо накрытый стол. Гайю проснулась и вовсю уплетала лепёшку.

Лир не смотрел на меня, отводя глаза. Видимо, вспомнил про конфуз в купели.

На столе стояло фарфоровое огромное блюдо с поджаренными кусками мяса, сковорода с омлетом и прозрачный графин с молоком.

— Я это... не хотел... честно... не смотрел... только говорил... — наконец подал голос Лир.

Увидев еду, мой желудок жалобно заурчал: «Мол, за такую поляну, милый мой, я тебе всё что хошь прощу!»

— Ладно, забыли.

— Сейчас вернусь, — я быстро вышла из лаборатории, направляясь к входной двери. Выбежав из дома, огляделась.

— Где же можно повесить посушить кафтан?

Мы были на опушке: внизу находился лес, неподалёку от которого виднелись крыши домов и острые шпили огромного дворца — Академии!

— Алукард всё-таки не обманул, довёл!

Вспомнив о ребятах, на глаза начали наворачиваться слёзы. «Всё-таки это было видение. Слишком чувства были осязаемы...»

Я прикусила заднюю сторону щеки, чтобы не разреветься окончательно.

— Этого ещё не хватало. Ну-ка, Ивей! — похлопала себя по щекам, пытаюсь успокоиться. — Что-то я стала слишком плаксивой.

Я спустилась с крыльца, подходя к рядом растущей небольшой сосне. Солнца здесь не было, в этом уголке царил полумрак.

— Долго сохнуть будет, — пробормотала я, — но хоть проветрится.

Кафтан был повешен на нижнюю ветку и тщательно расправлен.

— Мы ж всё-таки маги, шварц ты подери! — раздался сзади голос Алукарда.

Не веря своим ушам, я обернулась. Два идиота ковыляли навстречу, не спеша, шатаясь и обнимая друг друга за плечи.

— Ну этих эльфов в пень! Баль пошёл туда же! — увидев меня, Алукард подбежал ко мне. — Ивееейй! — огневик бросился обниматься. — Эта сволочь меня споила, скажи ей!

— Ивей, не верь ему, он врёт! — Бальдар подбежал к нам и оттащил Ала за шкуру.

— А да-да, конечно, слушай, иди к шранам... — Ал вырвался, оставив в руках у Бальдара свой мундир.

Я в шоке осматривала их обоих.

— Это... что? — я указала на штаны Бальдара: сзади на них красовался отпечаток руки!

— Даа, Ивееечка... — Бальдар угрюмо смотрел вниз, словно для него настал конец света.

— Он посягнул на мою девственно невинную честь!

Огневик резко встрепенулся, тыча пальцем в Бальдара:

— Из тебя девственник, как из меня танцовщица кабаре!

Они хором заржали, а я пребывала в оцепенении.

Молча я развернулась и сорвала кафтан с ветки, сворачивая его в жгут. «За нами погоня, вступительные экзамены на носу! В шахте на них напали, а они...»

Ивей подлетела к Бальдару и со всей силы ударила его тряпкой по затылку. Тот, потеряв равновесие и не понимая, что происходит, налетел на Алукарда. Они повалились на землю.

Грех было не воспользоваться ситуацией. Пока маги лежали, пытая и закрывая лица, я дала волю своей злости, хлеща их кафтаном. Через пару минут я успокоилась, откинув тряпку в сторону.

Нагнувшись, я схватила обоих мужланов за растрёпанные волосы и потянула на себя. Со стонами, ругательствами и пошатываясь, они вскочили на ноги как ужаленные. Я, не сбавляя силы и темпа, направилась в сторону дома, таща за волосы этих придорожных оборотов.

— А почему у тебя волосы зелёные? — вдруг спросил Бальдар.

Я замерла, всё ещё держа их за волосы.

— Что? — переспросила я.

— Волосы, — Бальдар, пошатываясь, указал на мою голову. — Они зелёные. Раньше были каштановые.

Я машинально провела рукой по волосам. Действительно, кончики отливали изумрудным оттенком.

— Магия, — прошептала я. — Видение... оно что-то во мне изменило.

Алукард прищурился:

— Ты использовала магию во сне?

— Не знаю, — я задумалась. — Но чувствую... что-то новое. Будто внутри что-то проснулось.

Бальдар хлопнул себя по лбу:

— Так вот почему эльфы за нами гнались! Они почувствовали всплеск!

— Значит, надо срочно разобраться, что это за сила, — заключила я. — И научиться её контролировать. А пока — марш в дом, оба! И чтобы без глупостей.

— Ладно, — я отпустила их волосы и отступила на шаг. — Хватит валять дурака. У нас проблемы.

— Какие ещё проблемы? — пробурчал Алукард, поправляя мундир. — Мы живы, почти целы, до Академии добрались.

— Погоня, — напомнила я. — Эльфы не остановятся, пока нас не поймают. И ещё — вступительные экзамены. Мы должны попасть туда, иначе всё было зря.

Бальдар вздохнул:

— Думаешь, нас пустят после всего этого?

— Должны, — я сжала кулаки. — Академия берёт всех, у кого есть дар. А у нас его хоть отбавляй.

Алукард хмыкнул:

— Особенно у тебя. Волосы-то посмотри!

— Потом разберёмся, — отрезала я. — Сейчас главное — пробраться внутрь, не привлекая внимания. И придумать, как объяснить, почему мы выглядим так, будто неделю бухали в таверне.

— Легко! — Бальдар выпрямился. — Скажем, что спасали мир.

— От чего? — скептически поднял бровь Алукард.

— От скуки, — хохотнул некромант.

Я закатила глаза:

— Вот именно поэтому я и била вас кафтаном. Идём. Ивей потащила их в дом, схватив за шкурки.

Глава-15: Немного перестарались

— Ивей, да что с тобой случилось? Всего-то на полдня одну оставили, а ты уже вся позеленела, — вопил Ал прямо в ухо, отчаянно пытаясь доказать, что я и вправду позеленела. Но мне сейчас было совсем не до этого.

Затащив их в дом, я наконец отпустила их. Отошла в сторону, скрестив руки на груди, и выжидающе уставилась на них, предвкушая тираду. Мне было до жути интересно, какие оправдания они сейчас придумают!

— Ну, что за напасть на наши головы свалилась? Обогрели, приютили, спрятали, а она ещё и дерётся, — ворчал Бал, потирая затылок.

Алукард, пошатываясь, направился в сторону лаборатории. Видимо, почуял запах еды.

— Приютили? — Я скептически изогнула бровь, не зная, как реагировать на этот выпад. С одной стороны, Бал был прав, да вот только от этого становилось гадко на душе. Прямо как бездомную зверушку подобрали.

Некромант, видимо, понял по моему взгляду, что перегнул палку. Выставив примирительно руки вперёд, он медленно начал подходить ко мне...

— Ивей, ну не рассчитали мы с выпивкой, сами не ожидали, что так получится. Нам по порталам с тобой было никак: ассасины Ала сразу бы учуяли. Вот мы тебя одну с Лиром и отправили, а сами — к гномам за помощью, чтобы через их шахты пропустили. А они... ну, в общем, вот, — пошатываясь, он развёл руками в стороны, глупо улыбаясь.

Глаза красные, волосы взлохмаченные, рассыпались по плечам, придавая ему какой-то домашний вид. Даже чёрные руки и когти уже не пугали: они плавно отошли на задний план.

— Значит, это всё-таки были шахты, — растерянно улыбнулась я, не зная, как реагировать на это откровение.

— Это не отменяет того факта, что вы непонятно где и с кем позволили себе напиться до такого состояния! Когда нас преследуют! — Мои нервы были на пределе, руки предательски задрожали.

— Ивееей, хватит, пожалуйста, — проныл Бал, делая шаг ко мне.

Уже скорее по привычке я шарахнулась от него в сторону, скрестив руки за спиной, чтобы скрыть дрожь.

С кухни донёсся вопль Лира:

— Аристократы грёбанные, позабывшие свои манеры, шлятся, как свиньи по лесам!

Мы с Бальдаром переглянулись и побежали в лабораторию.

— Мда... Картина впечатляющая. Похоже, завтрак отменяется.

Осколки разбитого графина валялись на полу, молоко стекало со стола. Лир сидел в луже на полу, причитая, а Гайю, вострепнувшись, сидела в стороне, шипя на них обоих.

Ал медленно отходил назад, пока не упёрся спиной в стену. Казалось, он пытается слиться с ней, спрятавшись от гнева хранителя.

— Да замолчи ты уже, случайно получилось, сейчас я всё исправлю, — пошатываясь, Ал всё-таки решил подойти к злобному Лиру.

— Не подходи, ирод! Ты мне и так последние зубы выбил!

— Чего? — Я непонимающе уставилась на Лира. И правда: двух верхних зубов не хватало.

— Надоело! — Я перегородила путь Алукарду, схватила его за руку, потянула на себя, а сама успела отскочить в сторону. Его туша, не удержавшись на ногах, повалилась на пол, ударившись затылком о последнюю ступеньку лестницы.

— Пха-хах! — Бал, схватившись за живот, смеялся как ненормальный.

— Да сколько можно! И так последние мозги в шахтах оставил!

«Так, всё, с меня хватит. Их срочно нужно трезвить, и так дел полно», — подумала я.

— Ироды, даже черти так не нажираются! Ладно меня не бережёте, так хоть девоньку пожалейте.

— Лир! — Бал начал медленно обходить меня, направляясь к столу.

— А ты вообще молчи! Кто обещал мне новый сосуд? Долго я терпеть буду?!

Развернувшись, я направилась к лестнице. До меня долетали лишь громкие отрывки их разговора:

— Сказал, сходим на кладбище, значит, сходим. — Да ты в зюсю пьяный, вон, аж посинел весь!

Рванувшись на второй этаж, я вмиг застыла в нерешительности.

— Не помню! — Растерянно оглядывая коридор, я тщетно пыталась вспомнить, какая именно дверь вела в ванную. Последняя или предпоследняя?

«Ладно, будем действовать наугад», — решила я.

Подбежав к последней двери, я медленно потянула её на себя.

— Так, сюда заглянем позже, — оказалось, это была небольшая кухня... или, скорее, лаборатория?

— Запомнила, жди меня, я вернусь, — тихо прикрыв дверь, я направилась к предпоследней, с трепетом открывая её. — Ура! Я снова в своей блаженной обители. Только на этот раз для кое-кого этот «рай» обернётся изошрённой женской местью.

«Что ж, начнём», — подойдя к купели, я бросила на дно мерцающий водный камень. Выбившийся из-под рубашки локон упал на лицо. Я машинально потянулась, чтобы заправить его за ухо, и вдруг замерла в оцепенении.

С трудом поднявшись на ноги, я бросилась к лестнице, ведущей в башню. Еле-еле добравшись, распахнула дверь и подбежала к туалетному столику.

— Вспомнив про волосы Ивей не веря смотрела на себя в зеркало... — дрожащие пальцы, не веря, касались прядей. Светло-зелёный цвет мерцал в отблесках, сводя с ума.

— Зверобой... Ведь раньше так не действовал! Сколько раз им голову мыла — и ничего! А тут...

— За что, все отец, ты посылаешь на мою голову столько мучений?! — Закрыв лицо ладонями, я молча стояла, тяжело дыша. Руки предательски дрожали...

— Так, спокойно, Ивей. Вдох и выдох. В любой ситуации нужно искать хорошее, в нашем случае...

— Да какие тут плюсы?! Их нет! Селестия, за что ты меня так испытываешь?! — Я закричала на всю комнату, обрушивая проклятия на головы небожителей, не представляя, чем теперь эту зелень с волос вывести.

— Ладно, по крайней мере, теперь у меня отличная маскировка. Пока не научусь владеть иллюзией, — вздохнув, Ивей вышла из комнаты и спустилась в купельню.

Чаша уже наполнилась ледяной водой. «Правда, для меня она не слишком холодная. Но здесь уж ничего не поделаешь, лёд сейчас не достать», — ехидно улыбаясь, девушка подбежала к полкам с флаконами.

«Хоть немного, но мне было их жаль. Всё-таки они не специально накидались до такой степени, да и я совсем не святая. Но всё-таки наказать их нужно. Если б ребята хоть немного соображали, когда с гномом по шахте шлялись, помогли бы ему и надрали зад эльфам. По крайней мере, оборотням в прошлый раз порядочно досталось», — подумала Ивей.

Схватив первые попавшиеся пять флаконов, девушка без всякого зазрения совести вылила их в купель, похотывая от злорадства.

— Мне просто интересно: если от зверобоя я позеленела, что будет с ними от этой жижи? — пробормотала она.

«Зверобой, конечно, я добавлять не буду, потому что в нашей дурной компании зелёнка должна быть одна. Но вот остальное — в моём распоряжении», — решила Ивей. Медленно размешивая воду рукой, она ожидала хоть какой-то реакции настоек.

В нос внезапно ударил резкий запах благовоний, настолько сильный, что аж глаза застелились. «Понять, какой именно запах, не получается — всё смешалось в одну какофонию», — поморщилась девушка.

— Ну и чёрт с вами, и так пойдёт, — забрав с блюдечка аганит, Ивей быстренько убрала его в карман брюк.

Подойдя к полкам, она собрала в одну стопку все пять полотенец. Довольная собой, девушка закинула стопку под мышку и в последний раз окинула купель довольным взглядом.

— Так, ну вроде всё готово.

— Лир, миленький, давай этих зажавшихся сюда. Сейчас перевоспитывать будем!

Над чашей тут же появились чёрные искры, формируясь в непроглядную дымку. В мгновение ока из неё выпали Бал с Алом — уже раздетые. «Даже не хочется знать, куда одежда подевалась и кто их раздевал», — мелькнуло в голове у Ивей.

Сообразив, где они и что вода чертовски ледяная, они завизжали и принялись браниться, пытаясь выбраться из купели. Выпрыгивали, как ужалённые, но будто пригвождённые ко дну. Как они ни барахтались, выбраться из чаши у них не получалось. Видимо, Лиру понравился ход мыслей Ивей, и таким образом хранитель решил подействовать.

— Да чтоб вас треклятых на вертеле жарили до скончания времён, да я вас... — Ал не скупился на брань, да такую, что уши плавно в трубочку сворачивались. «Даже и не скажешь, что аристократ по рождению», — усмехнулась про себя Ивей.

Почувствовав, что дело пахло жареным, она быстренько выскочила за дверь и спустилась на первый этаж.

Заходя в лабораторию, Ивей заметила, что бардак был заботливо убран. Лир довольный смотрел на неё, а над столом всё ещё летали искры, заново формируя графин с молоком и на скорую руку бутерброды с ветчиной.

— Лир, ну ты прямо домовый!

— Пф... Не вздумай меня сравнивать с этими оболтусами! Я не собираюсь всё время прачкой у этого ирода быть. Моё дело маленькое — силу копить и дом охранять.

— Ладно уж, не ворчи, сейчас будем перевоспитывать хозяина твоего.

Живот предательски заурчал, напоминая о своём присутствии. Не теряя времени, Ивей быстренько накинулась на бутерброды. «Иначе мне обещали голодную и холодную смерть», — с усмешкой подумала она.

Спустя время Ивей наконец покончила с завтраком. Сытая и довольная, она потянулась, прогибаясь в спине, разминая её.

— Лир, миленький, а есть какая-нибудь раса, с которой граничит столица?

— Мм... Дай-ка подумать... Белые наги. Мы как раз, по-моему, на их территории находимся, — ответил хранитель.

— Белые наги? — переспросила Ивей. — А что это за существа?

Лир хмыкнул:

— О, это те ещё типы. Голова и торс как у людей, а вместо ног — змеинные хвосты. Могут облик менять, превращаясь в змей. Самые сильные — с двумя или даже тремя головами.

— И они живут рядом с Академией?

— Когда-то эта земля принадлежала им, — Лир понизил голос. — Но они уступили её под Академию, смирившись с божественной волей.

— А почему?

— Говорят, им важнее было сохранить доступ к разлому, что находится неподалёку. Через него они странствуют между мирами.

Ивей нахмурилась: — Разлом? Это как те трещины реальности?

— Именно, — кивнул Лир. — Места наивысшей концентрации магии. Через них можно путешествовать, но это опасно. Требуется огромных сил, порой смертельных.

— Но кто-то же этим пользуется? — Конечно. Владение территорией с разломом сулит несметные богатства. Некоторые делают на этом состояние — перевозят товары, людей, даже магию. — А хранители? Ты же говорил, вы можете создавать разломы. — Можем, — Лир вздохнул. — Но только искусственные. Они нестабильны, быстро исчезают. Настоящие разломы — творение самой магии, их не подделать.

Ивей задумчиво кивнула: — Значит, белые наги держат этот разлом... Интересно, как они его охраняют? — Лучше тебе этого не знать, девонька, — усмехнулся Лир. — Наги не любят чужаков. Особенно тех, кто задаёт слишком много вопросов.

По соседству с академией и землями нагов располагалось человеческое государство Веледар, которым правил княжич Дарий. Величественные замки, словно каменные стражи, нависали над долинами, их шпили пронзали пелену тумана. Деревни, укрытые в складках холмов, жили своей тихой жизнью, где обычаи предков чтились превыше всего. Деревянные храмы были украшены резными идолами и расписаны яркими красками.

Веледар был бедным государством, граничившим с океаном и полностью зависевшим от торговли с нагами. Бедность и голод были здесь постоянными спутниками. Посевы плохо всходили из-за недостатка солнца, а постоянная влажность губила даже самые крепкие ростки.

Рядом с нагами и людьми располагалась страна Олавьен, населённая эльфами рода Сульвандар. Эльфы Сульвандар отличались бронзовой кожей, волосами золотого цвета, меди или чёрного, а также зелёными или золотыми глазами. Они предпочитали созерцание, знания и изучение быстрым играм и беззаботным песням других эльфов, воплощая неземную красоту, грацию и величавость эльфийского народа. Правил ими справедливый владыка Фаэрон.

Их государство закрыто, и из всех своих собратьев они наиболее высокомерны. Чужакам здесь не рады. Страна Олавьен соседствует лишь с землями Амфептрий, и разделяет их только река Ейни.

Ейни — полноводная река, словно паутина, оплетающая земли своими бесчисленными протоками. Течение её стремительно, воды кишат опасными созданиями и хищными рыбами, а дно усеяно острыми осколками скал. Ейни несёт свои воды в океан Нейро, величайший океан Ивром, где в пенных волнах обитают сирены.

Сирены — загадочные девы, чьи чарующие голоса и обманчивая красота влекут моряков на верную гибель. Верхняя половина их тела — прекрасная девушка, а нижняя — мощный рыбий хвост.

Соседи Олавьена — Амфептрии, змееподобные драконы, лишённые лап, парящие в небесах. Их тела покрыты чешуёй, отливающей золотом.

Их страна зовётся Лий — древний город. Крыши, покрытые золотом, вспыхивали на солнце, словно россыпь драгоценных камней. Узкие извилистые улочки, вымощенные отшлифованным речным камнем, петляли между высокими каменными домами с резными деревянными балконами.

В центре страны возвышался многоярусный дворец правителя, окружённый рвом с кристально чистой водой, в которой лениво плавали золотые карпы, словно живые самоцветы. Стены дворца украшали сложные фрески, изображающие мифических существ и сцены из древней истории.

Лий был средоточием мудрости и искусства, где процветала каллиграфия, поэзия и музыка. Учёные мужи, облачённые в шёлковые халаты, вели нескончаемые философские беседы в чайных домах, утопающих в аромате жасмина. Мастера-ремесленники создавали произведения искусства, достойные императорского двора. В храмах, посвящённых древним богам, монахи возносили молитвы, и воздух наполнялся эхом мантр.

Этот город, словно застывший во времени, хранил в себе дух древней цивилизации. Им справедливо правил император Чжунь Линь, активно развивавший торговлю с эльфами, поставляя им шелка, чай и драгоценные аметисты.

На западе раскинулось царство вампиров — Алахим. Вампиры — мифические существа, нежить, что, по преданиям, питаются кровью или жизненной силой людей и животных. Они ведут ночной образ жизни и бессмертны.

В мире вампиров царит строгая иерархия, на вершине которой находятся Альпы. Альпы выделялись среди сородичей высоким ростом и кожей белоснежного цвета, алыми волосами и огромными когтями. Им приписывали способность питаться не только человеческой кровью, но и молоком женщин. Альпы обладали невероятной силой и ловкостью, а их хитрости позавидовали бы даже демоны. Они не боялись солнечного света. Альп — существо редкое: им можно либо родиться, либо стать вследствие мощного проклятия. Обращение в Альпа невозможно. Они выпивают своих жертв до последней капли.

Во главе государства стоит вампир из рода Альпов, Малакей. Формально правя Алахимом, он является лишь марионеткой в руках Совета вампиров, состоящего из двенадцати лордов. Всё внимание обращено к нему, в то время как Совет плетёт свои интриги в тени.

Ниже по иерархии находились вампиры из рода Экимму — высшие вампиры, бестелесные духи. Они невидимы, и лишь во время пира их образы обретают очертания, и чем больше крови выпьет Экимму, тем яснее становится его облик.

Ниже Экимму находились обычные вампиры, а ещё ниже — упыри, питавшиеся мертвечиной.

Солнце никогда не проникает в Алахим. Его небеса плотно затянуты тучами и туманом. Город выстроен из чёрного обсидиана, чьи башни пронзают багряное небо. Здесь, в лабиринтах коридоров, освещённых лунным камнем, правят древние кланы, чья власть передаётся с кровью столетий.

За пределами столицы простираются Безлюдные Земли, где ютятся мелкие вампирские общины, живущие охотой и подчиняющиеся воле лордов. В этих краях можно встретить древние руины, забытые храмы и проклятые места, где обитают чудовища, порождённые тьмой.

По соседству с Алахимом расположен небольшой остров, населённый людьми. Их страна называется Камет. Это солнечное государство, погребённое в песках пустыни. Люди ютятся на окраинах острова, где благодаря близости океана ещё растёт хоть какая-то зелень. Правит ими царь Фис. Государство занимается работоторговлей, поставляя рабов в Алахим. Взамен вампиры по ночам не трогают людей, несмотря на близкое соседство.

На юге лежит страна Кооур. Эта страна укрыта в недрах гор. Невысокие ростом, но могучие духом, её населяют гномы, живущие в разветвлённой сети подземных городов, соединённых туннелями, пропитанными запахом крепости и расплавленного металла.

Столица, Гранитный Чертог, представляет собой чудо инженерной мысли, высеченное в сердце самой высокой горы. Залы, освещённые кристаллами, добытыми в шахтах, искрятся золотом и самоцветами. Статуи древних королей, выкованные из мифрила, возвышаются над троном, напоминая о славном прошлом и великих победах.

Гномы Каменистого Сердца славятся своим мастерством и умением обращаться с металлами. Их кузнецы создают оружие и доспехи прочнее стали и прекраснее произведений искусства. Их рудокопы добывают сокровища из глубин земли, а ювелиры превращают их в украшения, достойные богов.

В Гранитном Сердце царят порядок и закон, установленные Советом Семи Кланов. Мудрые и опытные гномы, выбранные из каждой ветви рода, принимают решения, определяющие судьбу страны. Они являются хранителями традиций и защитниками своего народа, готовыми отдать жизнь за Каменистое Сердце.

— Просто отлично... — Неприятный холодок пробежал по спине, словно от прикосновения змеиной кожи. — Что-то везёт мне в последнее время на гадов ползучих, — противно скривившись, девушка страдальчески вздохнула, передёргивая плечами.

— Ивеечка, на этих иродов надежды даже нет. Не сходишь ночью на кладбище? — Лир вдруг посмотрел на меня с пугающей серьёзностью.

— Чего?! — От неожиданности девушка вздрогнула, подскочив на месте. Не веря своим ушам, она презрительно передёрнула плечами, до последнего надеясь, что ей послышалось.

— Сволочи эти, играть любят. Ну, в общем, уронили меня вчера. Аж челюсть откололась. Приделать-то, конечно, приделали её, да вот на добром слове держится — в любой момент отвалится, — хранитель страдальчески запрыгал на месте, выговариваясь.

— Лир, я всё понимаю, а вот кладбище-то зачем? — Хранитель сощурил, насколько это возможно, свои глазные щёлочки, смотря на меня, словно на ребёнка, которому нужно всё разжёвывать до мельчайших подробностей.

— Всего-то одну могилочку маленькую раскопать да череп стащить. Мне сосуд новый нужен, — произнёс хранитель так невинно, будто это было делом житейским. Сказать, что я была в шоке — это ничего не сказать. «Что-то неделя выдаётся даже насыщенная», — подумала я. Хотя, если подумать, будет что внукам рассказать. «Всё-таки хороший он, зараза, жаль будет, если в забвение вернётся», — мелькнуло в голове.

— Где ближайшее кладбище? — Глаза Лира на мгновение потухли — видимо, задумался.

— Нет, не пушу, обойдусь! — Он вдруг начал прыгать на месте из стороны в сторону, причитая.

— Лир!

— В святине нагов! Не пушу я тебя туда одну. С чужаками у них разговор короткий. Даже студентов не жалеют. Убивают сразу, не посмотрят, что девица! — предупредил Лир.

Нахмурившись, я попыталась придумать, что делать. Вариантов было не так уж и много.

— Ну и ладно. Эти двое к ночи проснутся — сходим, раскопаем. Заодно и в город заглянем на разведку, — вздыхая, пробормотала Ивей, устало массируя переносицу.

— Вот это я понимаю — наш человек! А то на этих иродов совсем надежды нет, всё через одно место решают, — обрадовался Лир.

Он что-то невнятно бормотал себе под нос, но я уже не слушала. Выскользнув в коридор, я принялась рассматривать зелья на полках, словно зачарованная.

— Нужно что-нибудь со слабительным эффектом, чтобы протрезвели как можно скорее. А то, боюсь, в таком состоянии к вечеру от них и толку не будет, — размышляла я вслух.

Полки тянулись вдоль стен до самого потолка, уставленные сотнями пузырьков, склянок и горшочков. Одни мерцали тусклым светом, другие пульсировали, словно живые. В воздухе витал сложный букет запахов: горькая полынь смешивалась с медовой сладостью, а где-то на заднем плане угадывался едкий запах серы.

Ивей провела пальцем по пыльной этикетке одного флакона — «Настойка лунного корня (вызывает беспричинное хихиканье)». Рядом стоял пузырёк с предупреждающей надписью: «Не взбалтывать! Последствия непредсказуемы».

Наконец её взгляд зацепился за небольшую склянку в дальнем углу. Тёмно-зелёная жидкость внутри лениво перекачивалась, словно живая.

Флакон источал приторную сладость, от которой сводило зубы. В этой вязкой жиже томила трава сенны. Сенна... Хрупкие золотистые цветки, обрамлённые продолговатыми, жестковатыми листьями. Именно их созревшие листья превращали в слабительные настои. И при заваривании воздух наполнялся тихим ароматом сухого сена.

Ивей задумчиво постучала пальцем по склянке. План вырисовывался авантюрный, но... почему бы и нет? В конце концов, она всегда мечтала о настоящих приключениях, а не о скучных занятиях в академии.

«Кладбище нагов, значит... Опасность? Безусловно. Но разве не ради таких моментов мы живём? К тому же, если всё получится, я помогу Лиру. Да и Бал с Алукардом, хоть и ведут себя как последние олухи, всё же мои друзья».

Она решительно спрятала склянку в карман. Пора действовать.

Поднявшись на второй этаж, я направилась к кухне. По всему коридору разносилась отборная брань — голос был Алукарда. Бал, видимо, смирился со своей участью. Его, по крайней мере, не было слышно.

Быстро юркнув на кухню, Ивей старалась не шуметь. Только бы не услышали, а то вся эта словесная брань обрушится вместо Лира на меня. Тут уж точно будет не до готовки.

Кухня оказалась просто гигантских размеров. Видимо, хранитель изрядно поколдовал с пространством, чтобы уместить всё это добро. Белоснежный пол, выложенный плиткой, и стены, покрашенные в приглушённый зелёный цвет. В самом центре кругом расположились четыре плиты, из щелей которых вырывался пар. Похоже, это была система подачи огня. На плитах стояла массивная круглая печь с полукруглым вырезом.

Над ней, на верёвках, висела треугольная деревянная конструкция, увешанная пучками трав. Справа, во всю стену, стоял огромный стол из зеленоватого дерева, заваленный горами всякой всячины: горшки, посуда, ступы, травы... Очевидно, кухней пользовались не совсем по назначению. Рядом со столом громоздились мешки со специями, корнеплодами и прочим барахлом. В левом углу скромно ютился небольшой шифоньер с посудой. В общем, всё, что нужно.

— Вот только мяса не видать. Ну что ж, мальчики, целебный бульон отменяется, — вздохнула Ивей. Порывшись в мешках, она нашла только картошку, капусту и перец.

Спустя, наверное, час, Ивей наконец потушила овощи. Управилась бы ещё быстрее, но этот Бал, как «нормальный человек», понатыкал ножей куда попало — в том числе и в деревянную конструкцию над плитой. Просто воткнул в дерево и не парился.

К сожалению, с ростом ей не повезло от слова «совсем». Поэтому пришлось тащить мешки к плите, сооружая из них подобие пьедестала, чтобы хоть немного дотянуться до этих ножей.

В конце концов, плюнув на третьем мешке, Ивей начала ощупывать печь. Она была чуть тёплой — для опоры сойдёт. Придвинув мешок с капустой к печи и засунув правую ногу в отверстие, девушка подпрыгнула, подставляя вторую ногу на мешок. Пытаясь хоть немного подтянуться, она вцепилась левой рукой в край печи, удерживаясь из последних сил.

Ивей, балансируя на мешках, тихо ругалась себе под нос, перечисляя все известные ей проклятия. Один мешок предательски просел под ногой, и она, взмахнув руками, чудом удержалась от падения.

— Ну Бал, ну удружил... — про шипела она. — Если выживу — обязательно тебя отблагодарю. Чем-нибудь тяжёлым.

Пока Ивей карабкалась, с деревянной конструкции над головой на неё посыпались сушёные травы. Пучок лаванды упал прямо на нос, заставив чихнуть. Несколько листьев мяты прилипли к волосам, а крошечная веточка зверобоя зацепилась за воротник.

«Ну хоть ароматизация бесплатная», — не весело подумала девушка.

Правой рукой Ивей наконец дотянулась до ножа, ухватившись за рукоять. Вот только не рассчитала свой вес и неуклюжесть.

— Да чтоб вас... Мама! — Пытаясь аккуратно спуститься, она поставила и вторую ногу на мешок.

Тут капуста решила, что с неё достаточно, и мешок завалился на бок. А вместе с ним полетела и Ивей. Спасибо хоть хватило ума отбросить нож в сторону — а то пришлось бы ребятам её зашивать или бинтовать.

— Кто знает, могу я себя лечить или нет. Проверять таким способом совсем не хочется! — пробормотала она, приземлившись на пол.

Приземлилась она, конечно, эпично, ничего не скажешь. Приложились со всего маху макушкой о пол так, что воздух выбило из лёгких. Только и успела хрипнуть на прощание.

Приземление отозвалось острой болью в копчике и локте. Ивей зашипела, потирая ушибленное место. В глазах заплясали разноцветные круги, а в ушах зазвенело так, что на мгновение она перестала слышать собственные мысли.

Пару минут Ивей валялась на полу, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось как бешеное. Не могла сказать, сколько так пролежала, пытаясь вдохнуть. Но внезапно всё пришло в норму. Она смогла жадно вдохнуть и, откашлявшись, вскочила на ноги.

Кое-как кряхтя, поднявшись, Ивей потёрла ушибленный копчик. Медленно, осторожными шажками стала двигаться в сторону.

— Ну и где этот шварц его дери нож? — буркнула она. — Вот, искать тебя ещё теперь...

Нож валялся всего в паре метров от мешка.

— М-да, отбросила так отбросила. Спасибо хоть обратно в меня не отлетел! — усмехнулась Ивей.

Теперь у неё было одно желание: пойти в ванную, вытащить этих недовольных из чаши и заставить привести здесь всё в божеский вид. Или хотя бы положить всё самое нужное на видное место. Хотя кого она обманывает — всё равно не заметит.

Смирившись, Ивей даже попыталась позвать Лира. Кричала на весь дом, хотела хотя бы попросить его подсказать, где находится поганый нулум. Но он молчал...

Видимо, удерживать магов и одновременно разговаривать не под силу даже хранителю. Отчаявшись и уже почти воя на всю кухню, разыскивая эту побрякушку, Ивей подумывала о том, чтобы спуститься вниз за Гайю. Эта белка и самого чёрта из Веигро (мир демонов) достанет.

Раздумывая про себя, она внезапно передёрнула плечами, поджав губы в тонкую линию.

Ивей поежилась, представив себе этот мир. Она слышала, что там даже воздух ядовит для чужаков, а реки текут расплавленным металлом. Существа, населяющие Веигро, славились своей жестокостью — они питались страхом и отчаянием попавших к ним путников.

«Хорошо, что я здесь», — подумала Ивей. — Пусть кухня и похожа на склад старьёвщика, зато тут хотя бы не плавится заживо».

— Меня аж дрожь пробрала, как вспомнила про мир демонов, — прошептала Ивей. — Уж слишком много слухов про них ходит. Правда это или брехня, неизвестно, да и проверить невозможно. Они редко покидают свой мир. А вот посторонним в Веигро попасть сложно. В мире демонов адская природа: лава, сера, невыносимо высокая температура. Чужим там просто не выжить.

Тяжело вздохнув, Ивей подошла к плите и вытащила чугунный закопчённый горшок. Замерла, как вкопанная, и несколько минут сверлила его взглядом.

— Да чтобы вас... Недомерки... Да я всю вашу кухню обшарила, чтобы... И эта шварская побрякушка оказалась здесь! — воскликнула она, обнаружив маленький, криво вырезанный нулум со сколами по бокам. — Я обыскала всю кухню в поисках его или хотя бы корыта с водой для бульона! А он всё это время лежал здесь.

— И какого лешего я сразу сюда не посмотрела? Ну что за гадство! — Ивей тяжело вздохнула, закрыла глаза, успокаиваясь. — Теперь всё почти в порядке.

Быстро порезав овощи кубиками, она закинула их в горшок. Щедро полила это месиво чесночным маслом, добавила слабительное средство, засыпала солью и красным перцем. К сожалению, у некроманта на видном месте были только специи и масла, одиноко стоящие на полках.

Подняв камень, Ивей замерла, держа его над самым краем горшка. Представила, как крошечная искорка магии покидает кончики её пальцев, обволакивая камень. Но магия не слушалась сразу. Камень дрожал в руке, а вода лишь слегка покрыла дно горшка. Ивей глубоко вздохнула, сосредоточилась ещё попытка... И вот уже вода уверенно заполняла горшок, отражая мерцание магических искр.

Вода медленно, но верно заполняла глиняную ёмкость, добираясь до самого горлышка.

— Если его просто кинуть, бульон хлынет через край... Как ни странно, приобретённый опыт с ненавистными чириками пригодился, — улыбнулась девушка.

Мгновение — и она уже чувствовала, как по ладони струятся ледяные ручейки. Открыв глаза, Ивей с радостной улыбкой наблюдала, как послушно вода заполняет котелок. Закончив, она небрежно бросила в печь агонит, прихваченный из ванной.

— Бал не обеднеет! — хмыкнула Ивей. — Я понятия не имею, как эта печь работает, так что для их же безопасности лучше развести огонь агонитом!

Закончив с приготовлением, Ивей отступила на шаг, любуясь результатом. Овощи аппетитно булькали в чесночном масле, распространяя аромат, который заставил её желудок громко заурчать.

«Осталось только дожидаться, пока эти двое проснутся, — подумала она. — И тогда... О, тогда я им всё выскажу! Но сначала — поесть».

С этими словами она ловко водрузила котелок на раскалённые угли и тут же прикрыла заслонку. Выждав пару минут, Ивей с довольным видом покинула кухню. Быстрыми шагами направилась к лестнице, стараясь как можно скорее миновать ванную, лишь бы не слышать проклятия магов.

— Всё понимаю, но я девушка хрупкая, и от брани Алукарда ушки мои вянут. И не скажешь ведь, что он из знати! — С улыбкой, предвкушающей месть, девушка сбегала вниз и юркнула в лабораторию.

— Ну как дела, Лир?

Гайю встрепенулась и прыгнула на неё, цепляясь крошечными коготками за рукав рубашки. В мгновение ока она уже уютно устроилась на плече. Хранитель злорадно сверкнул искрами глаз.

— Как тебе сказать, хозяйюшка... Вся троица наказана, так что всё отлично! — Он издал приглушённый злобный рык, клацая челюстью.

— Погоди... — Ивей непонимающе уставилась на него.

— В каком смысле троица? Ах ты, ирод костлявый! Ты слышал, как я тебя звала, и специально не отвечал!

— Я-то что натворила?! — Ивей подошла к столу, схватила хранителя и подняла его над столешницей.

— А нечего от коллектива отрываться! Наказывать, так всех троих! А то все у нас святыми да безвинными резко стали!

От возмущения она просто не знала, что сказать. С одной стороны, он прав, не ей было упрекать ребят, а с другой — какого дьявола?!

«Ну ничего, мы, женщины, народ злопамятный, я тебе устрою. Будет тебе и новый сосуд, и порядок в доме. Спокойно, Ивей... спокойно», — подумала она.

— А вот нечего в мою сторону сопеть. Глядите на неё, аж щёки покраснели. А теперь медленно и аккуратно поставь меня обратно на стол. Знаю я вашу братию подколенную. Шаг влево, шаг вправо — и лежать мне, бедненькому, опять без зубов на полу.

Лир начал изворачиваться у неё в руках, щёлкая челюстями и пытаясь укусить за пальцы. А она смотрела на него, не зная, что ответить.

Тяжело вздохнув, Ивей решила оставить пререкания до вечера. Честно говоря, сил спорить уже не было. Она поставила хранителя обратно на стол и направилась к входной двери.

— Куда это собралась? Смотри, дальше дома ни ногой, змеюки сожрут!

Не оборачиваясь, девушка крикнула:

— Скоро вернусь! Ребят из ванной вытащи, по кроватям отправь. Хватит им уже закаляться, да и рагу тоже из печи вынь. Пусть все съедят!

И, услышав напоследок гневное: «Я вам не сиделка!», быстро подошла к вешалке у двери, сорвала два плаща Бала и выбежала из дома. Выскочив на крыльцо, накинула на себя один из плащей.

Простого кроя, чёрный, на завязках, кажется, из хлопка. Глубокий капюшон практически скрывал лицо — именно то, что было нужно. Подол спускался вдоль тела, скрывая от любопытных взглядов фигуру. Ничего лишнего.

Второй плащ перекинув через плечо, Ивей направилась в сторону леса. Бал был прав: она полностью зависела от них. В кармане не было ни медяка. Просить защиты — одно, а становиться приживалкой за чужой счёт — совсем другое.

«Не позволю никому попрекать меня деньгами! Пока ребята отходят, можно попробовать поискать какие-нибудь травы недалеко от дома. Всё равно завтра на вступительные экзамены, пойдём в город», — размышляла она.

Там можно продать втридорога даже самое бесполезное. Главное — одеться подобающе. Женщин-торговок там не жалуют, повсюду гоняют поганой метлой. А вот магини — совсем другое дело. У них что-нибудь да купят. Считается, что их товар — самого высшего сорта. От обычных женщин их отличают только по одежде: магиням разрешено носить штаны. Чем они с удовольствием и пользуются, привлекая к себе лишнее внимание. А вот остальным представительницам слабого пола это запрещено.

«И по какой лично мне непонятной причине ношение штанов считается порождением порока? Интересно, а я, нося штаны, порок не побуждаю?» — усмехнулась про себя Ивей.

Размышляя об этом, она почувствовала внезапно взыгравшую гордость за свой дар. Всё глубже и глубже уходя в лес, Ивей старалась далеко не отходить от дома. Зайдя в чащу, ходила кругами, чтобы хоть немного видеть очертания дома сквозь деревья. Проверять свои способности к ориентированию в незнакомом лесу совершенно не хотелось. Травы того не стоили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.